

Книга, на основе которой был снят захватывающий фильм
«Вторжение. Битва за рай»!

Джон Марсден

ВТОРЖЕНИЕ

книга первая

БИТВА ЗА РАЙ

Увлекательная книга, в которой Марсден говорит о возможностях зла и о необходимости объединяться, чтобы противостоять ему.

Horn Book, Starred

Книга, на основе которой был снят захватывающий фильм «Вторжение. Битва за рай»!

Пока Элли и её друзья были в походе, они и не подозревали, что за время их отсутствия мир переменился. Возвратившись домой, семеро подростков обнаруживают, что случилось что-то ужасное: все дома в их родном городке опустели, а все домашние животные мертвы. Вскоре друзья узнают, что их страна оказалась в руках захватчиков, а все жители их городка взяты в плен или убиты. Элли и остальные выжившие должны принять невероятно трудное решение. Они могут бежать в горы и попытаться там выжить. Или же они могут начать борьбу...

Впервые на русском языке!

Вторжение. Битва за рай

Захватывающая история, рассказанная с присущей Марсдену пронзительностью.

Publishers Weekly

Хотя читателям остаётся только догадываться, выживут ли герои и героини книги (одна из которых серьёзно ранена в самом конце повествования), необычайная правдивость и ясность, с какой Элли ведёт этот рассказ о приключениях подростков, делает его незабываемым.

School Library journal

Прошёл едва ли час с того момента, когда кто-то — кажется, Робин — сказал, что нам следовало бы всё записать, и всего двадцать девять минут после того, как для этой цели выбрали меня. Эти двадцать девять минут все толпились вокруг, таращась на пустой лист и высказывая всевозможные идеи. Отстали бы вы, ребята! Мне с этим нипочём не справиться! Понятия не имею, с чего начать, и не могу сосредоточиться в таком шуме.

Ладно, так-то лучше. Я им сказала, чтобы оставили меня в покое, и Гомер меня поддержал. Наконец они ушли, и я смогла нормально думать.

Не знаю, сумею ли я сделать это. Хотя, конечно, понимаю, почему выбрали именно меня, — считается, что я лучше всех пишу, но тут ведь нужно нечто большее, чем просто умение писать. Нужно уметь попутно говорить кое о каких мелочах. Таких, например, как чувства, эмоции.

Ладно, к этому вернёмся позже. Может быть. Придётся подождать и посмотреть.

Сейчас я сижу у заводи, на упавшем дереве. Симпатичное дерево. Не из тех старых, гнилых, поеденных белёсыми личинками, а молодое, с гладкой красноватой корой и до сих пор ещё не до конца увядшими листьями. Трудно сказать, почему дерево упало, — оно выглядит таким здоровым, — возможно, просто выросло слишком близко к воде. Здесь так хорошо. Заводь невелика, примерно десять метров на три, но удивительно глубока — в середине по пояс. На её поверхности постоянно бежит мелкая рябь из-за крохотных жуков, бегающих по воде. Мне интересно, а где они ночуют? Закрывают ли глаза, когда спят? И как они вообще называются? Хлопотливые, безымянные, бессонные насекомые.

Если честно, я пишу о жуках и воде, только чтобы не начинать того, что должна делать. Так всегда поступает Крис — он находит способы избежать того, чего ему делать не хочется. Имейте в виду: я не уклоняюсь. Я всем так и сказала.

Надеюсь, Крис не против, что выбрали именно меня, а не его, потому что он ведь действительно отлично пишет. Он в тот момент выглядел немного обиженным, даже как будто позавидовал. Но он ведь не был с нами с самого начала, так что всё правильно.

Ну, мне лучше перестать кусать собственный язык и приступить к составлению плана. Только так можно это сделать — рассказать всё по порядку, в соответствии с хронологией. Для всех нас очень важно, чтобы всё было записано. Именно поэтому мы все так заволновались, когда Робин это предложила. Это ужасно, ужасно важно. Записать всё, что мы сделали, словами на бумаге — это единственный способ сказать самим себе, что мы кое-что значим, что мы существуем на самом деле. Что сделанное нами кое-что изменило. Не знаю насколько, но изменило. Если мы всё запишем, нас могут запомнить. И видит бог, это имеет для нас большое значение. Никому из нас не хочется закончить жизнь в куче мёртвых белых костей, незамеченными, безымянными, тем более если никто так и не узнает о том риске, которому мы подвергались.

Это приводит меня к мысли, что я должна писать некую историческую книгу очень серьёзным, официальным языком. Но я так не могу. Каждый идёт своим путём, и мой путь таков. Если им не понравится, как я пишу, придётся поискать кого-нибудь другого.

Ладно, пора браться за дело.

Всё началось, когда... Как забавно выглядят эти слова. Все используют их, совершенно

не думая, что они значат. Когда что-либо начинается? Для каждого всё начинается с появления на свет. Или ещё раньше — со свадьбы ваших родителей. Или когда ваши предки заселили эти края. Или когда человеческое существо, перестав ползать в иле, сбросило хвост и плавники и начало ходить. Но так или иначе, для нас случившееся имело вполне определённое начало.

Итак, всё началось, когда мы с Корри заявили, что хотим отправиться на равнину, в буш, побродить дикарями несколько дней во время рождественских каникул. Одна из наших очередных глупостей: «Вот было бы здорово, если...» Мы, вообще-то, частенько, ещё с самого детства, выбирались на заросшую кустами равнину, нагружали мотоциклы всякой всячиной, чтобы пуститься вдоль реки вниз по течению, спать прямо под звёздами или в холодные ночи поставив небольшую палатку между двумя деревьями. В общем, мы к этому были привычны. Иногда с нами отправлялся кто-нибудь ещё, обычно Робин или Фай. Но только не мальчики. В таком возрасте вам кажется, что мальчики так же интересны, как вешалка для пальто, и вы их вообще не замечаете.

А потом вы подрастаете.

Надо же, ведь всего несколько недель назад — хотя верится в это с трудом — мы просто валялись перед телевизором, смотрели какую-то ерунду и болтали о каникулах.

— Мы вниз по реке уже сто лет не ходили, — сказала Корри. — Давай пойдём?

— Ладно. Надо бы спросить папу, нельзя ли взять «лендровер».

— Точно. А может, Кевин и Гомер захотят с нами?

— Ещё чего, с мальчишками! Да нам и не разрешат.

— Ну спросить-то мы можем?

— Хорошо, но если у нас будет «лендровер», удастся забраться подальше. Можно поехать напрямиком к гребню Тейлора и в Ад.

— Да, здорово, давай спросим.

Тейлор, или Тейлор-Стич, представляет собой длинную линию зубчатого хребта, что тянется напрямиком от вершины горы Мартин до Вомбегону. Это узкая каменистая тропа, временами очень крутая, но там всё же можно пройти и даже кое-где укрыться. Вид оттуда просто фантастический. И в одном месте, рядом с горой Мартин, можно доехать на машине почти до гребня, там есть старая просека, оставленная лесозаготовителями, хотя теперь её трудно найти, так она заросла. А вот Ад — это большая котловина по другую сторону Тейлора, там сплошные валуны, и деревья, и ежевика, и дикие собаки, и вомбаты, и подлесок. Настоящие дебри, не знаю никого, кто бы туда забирался, хотя сама я не раз стояла на краю впадины, глядя вниз. Я даже не представляла, как туда можно добраться. Скалы вокруг просто потрясающие, местами в несколько сот метров высотой. И есть несколько маленьких скал, которые называются Ступени Сатаны, — они спускаются вниз, но поверьте мне, если это шаги, то Великая Китайская стена — просто изгородь за нашим домом. Но если в котловину вообще можно попасть, то только по этим скалам, и мне всегда хотелось это проверить. Местные постоянно рассказывают истории о некоем Отшельнике из Ада, каком-то бывшем убийце, который якобы живёт там уже много лет. Он вроде как убил собственную жену и ребёнка. Мне хотелось верить в его существование, но что-то не получалось. В моём уме постоянно возникали всякие неудобные вопросы, вроде такого: «А почему его не повесили, как в то время поступали с убийцами?»

Но всё равно история была отличная, и я надеялась, что это правда — если не в части убийства, то хотя бы в части отшельничества.

Как бы то ни было, наша поездка началась именно в тот момент. Отправиться в путешествие мы решили, в общем-то, случайно — и сразу же принялись за дело. В первую очередь нужно было убедить наших мам и пап отпустить нас. Не то чтобы они нам не доверяли, но, как сказал папа, дело это довольно серьёзное. Родители массу времени потратили... нет, не запрещая поездку, а пытаясь убедить нас взяться за что-нибудь другое. Наверное, большинство родителей действуют подобным образом. Им не хочется начинать ссору, вот они и предлагают альтернативы, которые, как им кажется, будут вполне приемлемыми для них самих, и надеются, что и для нас тоже. «А почему бы вам не отправиться снова вниз по реке? А почему бы вам не позвать с собой Робин и Мириам вместо мальчиков? А почему бы вам не взять мотоциклы, как обычно? А то и лошадей? Устроить настоящий старомодный походный лагерь. Это было бы весело...»

Мамино представление о веселье воспитано шоу «Виррави», той его частью, которая происходит в заповедниках, так что едва ли она была авторитетом по этой части. Я чувствую себя немного странно, записывая это, если учесть всё то, через что мы уже прошли, но я намерена оставаться честной и не поддаваться сантиментам.

В конце концов мы пришли к некоему соглашению, и с учётом обстоятельств оно выглядело неплохо. Нам доверили «лендровер», однако вести его разрешалось только мне, несмотря на то, что у Кевина были права, а у меня — нет. Но папа знает, что я отличный водитель. Мы можем поехать к гребню Тейлор-Стич. Можем пригласить мальчиков, но нас должно быть больше — не меньше шести человек, а лучше восемь. Это потому, что маме с папой казалось, будто при большем количестве народа каким-то образом уменьшается шанс на всякий разгул. Нет, конечно, они не сказали этого напрямую, они твердили, что это лишь ради нашей безопасности... но я уж слишком хорошо их знаю.

Да, я осторожно написала «знаю» — мне бы не хотелось, чтобы всё запуталось, если бы я поставила прошедшее время.

Нам пришлось пообещать не пить спиртного и не курить, а ещё поклясться, что и мальчики не станут этого делать. И как это взрослые умудряются до такого додуматься! Похоже, им кажется, что вы постоянно ищете шанса сотворить что-нибудь безумное. Иногда они даже вам это внушают. Я, честно, вообще не предполагала, что мы возьмём с собой спиртное или сигареты. Прежде всего, это слишком дорого, а у нас после Рождества едва ли могли остаться деньги. Но самое забавное здесь то, что родителям кажется, будто их дети вытворяют нечто такое, чего на самом деле те никогда не делают, зато в том, в чём дети, по их представлениям, вполне невинны, отпрыски обычно продвинулись достаточно далеко. Например, родители никогда не возражали против моих школьных репетиций, вот только всё это время я проводила со Стивом, и мы с азартом расстёгивали друг на дружке пуговицы и пряжки, а потом с бешеной скоростью снова их застёгивали, когда мистер Кассар начинал кричать: «Стив! Элли! Вы там опять этим занимаетесь? Эй, кто-нибудь, дайте мне монтировку!»

Весёлый парень этот мистер Кассар.

Мы сошлись на числе восемь, включая нас с Корри. Эллиота мы приглашать не стали, потому что он уж слишком ленивый, и Мириам тоже, потому что она занималась опытами с родителями Фай. Но через пять минут после того, как мы закончили составлять список, один мальчик из него, Крис Ланг, завернул к нам домой со своим отцом. И мы тут же бросились к ним с нашим предложением. Мистер Ланг — крупный мужчина, он всегда носит галстук, вне зависимости от того, где находится и чем занят. Ко мне он относится как-

то уж слишком серьёзно. Крис говорит, что его отец родился на углу улиц Прямой и Узкой и это на нём отразилось. Когда рядом отец, Крис держится тихо и незаметно. Но мы с ними заговорили и выложили всю идею буквально одним предложением, когда все уселись за кухонный стол и принялись поесть мамины лепёшки. И тут выяснилось, что мистер и миссис Ланг надолго уезжают, и хотя у них есть рабочий, Крису всё равно придётся остаться дома, чтобы присматривать за всем. В общем, начало оказалось неудачным.

Поэтому на следующий день я села на мотоцикл и отправилась через выгоны к Гомеру. Обычно я ездила по дороге, но мама нервничала из-за нового полицейского в Виррави, который уж слишком следит за соблюдением правил. В первую же неделю своей службы он оштрафовал жену мирового судьи за то, что та не пристегнулась ремнём безопасности. Так что все стали осторожничать, увидев этого парня.

Гомера я нашла у заводи, где он проверял клапан насоса, который только что починил.

Когда я подъехала, он как раз поднял клапан над головой и с надеждой смотрел на него, выясняя, протечёт ли тот снова.

— Вот посмотри на это, — сказал Гомер, когда я спрыгнула со своей «ямахи». — Держит!

— А в чём было дело?

— Понятия не имею. Знаю только, что три минуты назад он пропускал воду, а теперь нет. Как раз то, что надо.

Я подняла насос и держала его, пока Гомер снова наворачивал на него клапан.

— Ненавижу эти штуки, — признался он. — Когда смогу, устрою просто запруды в каждом загоне.

— Отлично! Ты можешь даже нанять мои машины для земляных работ.

— А, это твоя последняя идея? — Гомер пощупал мышцы на моём правом предплечье. — Да ты сможешь копать запруды и вручную, запросто.

Я с силой толкнула его, пытаюсь спихнуть в воду, но Гомер был слишком крепок. Я смотрела, как он включает и выключает насос, проверяя, хорошо ли тот качает воду, а потом помогла ему притащить ёмкости для воды, чтобы закончить работу. Попутно рассказала и о наших планах.

— Ой да, я с вами, — ответил Гомер. — Конечно, я бы предпочёл отправиться на какой-нибудь тропический курорт и пить там коктейли под зонтом, но это как-нибудь в другой раз.

Мы вернулись в его дом к обеду, и Гомер сразу спросил разрешения родителей отправиться с нами в поход.

— Мы с Элли на несколько дней собираемся в буш, — заявил он.

Это был его способ спрашивать позволения.

Мама Гомера никак не отреагировала, отец же вскинул брови, посмотрев на сына поверх чашки с кофе. Зато брат Джордж тут же засыпал Гомера вопросами.

— А как же выставка? — спросил он, когда я на них ответила.

— Но раньше-то мы не можем поехать. Маккензи овец стригут.

— Да, но кто будет готовить быков к выставке?

— Ты отлично умеешь орудовать расчёской, — сказал Гомер. — Я же видел, как ты по вечерам в субботу крутишься перед зеркалом. Только не надо мазать им шкуры маслом. — Он повернулся ко мне. — Папа купил бочку масла, сорок четыре галлона, специально для Джорджа, чтобы он мазал волосы в субботу. Стоит под навесом.

Поскольку Джордж был известен отсутствием чувства юмора, я опустила глаза и сунула в рот ещё ложку овощей.

В общем, с Гомером договорились, а вечером мне позвонила Корри, чтобы сообщить, что Кевин тоже едет.

— Он, правда, не был в восторге, — сказала она. — Думаю, он бы предпочёл пойти на выставку. Но ради меня согласился.

— Фу-ты ну-ты! — вскипела я. — Да пусть отправляется на выставку, если ему хочется. Куча парней убить готовы ради того, чтобы поехать с нами.

— Да, только им всем и двенадцати нет, — вздохнула Корри. — Младшие братья Кевина ужасно хотят поехать. Только слишком уж они молоды, даже для тебя.

— А для тебя слишком стары, — невежливо бросила я.

Потом я позвонила Фионе и рассказала ей о наших планах.

— Хочешь с нами? — спросила я.

— О! — В голосе Фионы звучало такое удивление, как будто я решила её позабавить. — Ты хочешь, чтобы я поехала?

Я и отвечать не стала.

— Ох, черт побери! — Фай была единственной моложе шестидесяти, от кого я слышала «черт побери». — А кто ещё едет?

— Я и Корри, Гомер, Кевин. Думаем позвать Робин и Ли.

— Ну, мне нравится. Погоди секунду, пойду спрошу.

Ждать пришлось долго. Наконец Фиона вернулась с кучей вопросов. Мои ответы она тут же пересказывала матери и отцу, которые были где-то рядом. После минут десяти расспросов снова начался длинный разговор, потом Фай вернулась к телефону.

— Что-то они упрямятся, — вздохнула она. — Я уверена, всё будет в порядке, но мама хочет позвонить твоей маме, чтобы всё уточнить. Извини.

— Да всё нормально. Я тебя внесу в список под вопросом, а в выходные поговорим, ладно?

Я повесила трубку. Говорить по телефону было трудно, потому что телевизор ревел вовсю. Мама включила его слишком громко, чтобы слышать новости из кухни. На экране маячило чьё-то сердитое лицо. Я остановилась, мгновение-другое посмотрела и послушала.

— Мы связались с министром иностранных дел, — сообщало злое лицо. — Но он же слабак, бесхарактерный, просто новый Невилл Чемберлен^[1]. Он не понимает людей, с которыми имеет дело. Они уважают силу, а не слабость!

— Вы думаете, вопросы обороны стоят для правительства на первом месте? — спросил интервьюер.

— На первом?! Да вы, должно быть, шутите! Вы знаете, на сколько они сократили военный бюджет?

Слава богам, я на неделю избавляюсь от всего этого, подумала я.

Потом отправилась в папин кабинет и позвонила Ли. Далеко не сразу удалось объяснить его матери, что мне нужен её сын. С английским языком она не слишком дружила. Ли, подойдя к телефону, отвечал мне как будто с подозрением. Очень медленно реагировал на мои слова, словно всё взвешивал.

— Я, вообще-то, должен выступать на концерте в День поминовения, — сказал он наконец, когда я сообщила ему дату намечающейся поездки.

Последовало долгое молчание. Наконец я не выдержала:

— Так ты хочешь поехать?

Тут Ли рассмеялся:

— Это вроде бы интереснее, чем концерт.

Корри была озадачена, когда я ей сказала, что хочу позвать Ли. Мы не слишком-то дружили с ним в школе. Он выглядел парнем серьёзным, основательно занимался музыкой, но мне просто казалось, что он человек интересный. К тому же я вдруг сообразила, что учиться в школе нам осталось недолго и жаль расставаться с людьми вроде Ли, не узнав их поближе. А в нашем выпуске были и такие, кто до сих пор не знал имён всех одноклассников! Но меня весьма интересовали некоторые ребята, и чем сильнее они отличались от тех, с кем я обычно проводила время, тем мне было любопытнее.

— Ну и что ты думаешь? — спросила я.

Последовала очередная долгая пауза. Тишина вызывала во мне чувство неловкости, так что я постаралась не умолкнуть:

— Хочешь спросить разрешения у мамы с папой?

— Нет-нет. Я с ними договорюсь. Да, я поеду.

— Непохоже, чтобы тебя это привело в восторг.

— Да я в восторге! Просто думаю насчёт некоторых проблем. Но всё в порядке, я с вами. Что мне взять?

Последний звонок был от Робин.

— О, Элли! — тут же завизжала она. — Это было бы потрясающе! Но мне ни за что не разрешат.

— Ну же, Робин, прояви характер! Поднажми на них!

— Ох, Элли, — вздохнула Робин, — ты просто не знаешь моих родителей.

— Но ты всё равно спроси у них. Я подожду.

— Ладно.

Через несколько минут я услышала стук телефонной трубки, которую поднимали со стола, и сразу спросила:

— Ну? Смогла уболтать?

К несчастью, ответил мне мистер Матерс:

— Нет, Элли, уболтать нас она не смогла.

— Ох! Мистер Матерс! — Я ужасно смутилась, но при этом чуть не лопнула со смеху, потому что знала, что могу обвести мистера Матерса вокруг пальца.

— Так что вы там затеяли, Элли?

— Ну, мы подумали, что нам самое время проявить независимость, и инициативу, и прочие полезные качества в этом роде. Мы хотим на несколько дней отправиться в поездку вдоль гребня Тейлор-Стич. Сбежать на несколько дней от всех пороков Виррави, подышать чистым естественным воздухом гор.

— Хм... И без взрослых?

— Ох, мистер Матерс, вы тоже приглашены, если вам меньше тридцати.

— Это дискриминация, Элли.

Мы ещё минут пять обменивались шутками, пока наконец он не заговорил серьёзно:

— Видишь ли, Элли, мы просто думаем, что вы ещё дети, то есть немножко молоды для того, чтобы самостоятельно бродить по бушу.

— Мистер Матерс, а вы чем занимались в нашем возрасте?

— Ладно, один — ноль в твою пользу, — засмеялся он. — Я начал тогда работать на

овцеводческой ферме в Калламатта-Даунс. И трудился, пока не поумнел и не обзавёлся воротничком и галстуком.

Мистер Матерс был страховым агентом.

— Ну а то, что собираемся сделать мы, и в сравнение не идёт с работой на ферме в Калламатта-Даунс!

— Хм...

— В конце концов, что с нами может случиться? Наткнёмся на звероловов в полноприводном внедорожнике? Но им же придётся проехать мимо нашего дома, и папа их остановит. Пожар в буше? Но там столько высоких скал, что мы будем даже в большей безопасности, чем дома. Змея укусит? Но мы все знаем, что делать в таком случае. Мы не можем потеряться, потому что хребет Тейлор-Стич — вроде обычного шоссе. Я там бываю с тех самых пор, как научилась ходить.

— Хм...

— А как насчёт того, чтобы мы оформили у вас страховку, мистер Матерс? Тогда вы согласитесь? Договоримся?

Робин позвонила на следующий вечер, чтобы сказать: всё в порядке, даже и без страховки. Она была довольна и взволнована. Ей пришлось выдержать долгий разговор с родителями, но разговор получился замечательным, так она сказала. Робин оказали самое большое доверие в её жизни, так что она горела желанием его оправдать.

— Ох, Элли, я так надеюсь, что ничего дурного не случится! — то и дело повторяла она.

Самое смешное тут было в том, что если какие-то родители и могли по-настоящему доверять своей дочери, так это как раз и были Матерсы, но они, похоже, до сих пор этого не поняли. Самой серьёзной неприятностью, какую Робин им доставляла, было опоздание в церковь. Да и это, пожалуй, случалось из-за того, что она помогала кому-нибудь перейти дорогу.

В общем, всё шло неплохо. Мы с мамой в субботу утром отправились в город за покупками и заехали к Фай. Две мамы долго и серьёзно разговаривали, а мы с Фай заглядывали в окно и пытались подслушивать. Моя мама старалась быть убедительной. Я слышала, как она сказала:

— Весьма рассудительны. Они все весьма рассудительны.

К счастью, она не упомянула о последней выходке Гомера: его поймали на том, что он выливал на дорогу полосу растворителя и поджигал его, когда какая-нибудь машина подъезжала близко. И проделал это не один раз, прежде чем попался. Я и представить не могу, как пугались при этом водители.

Но как бы то ни было, то, что моя мама сказала маме Фай, сработало, и я смогла поставить крестик вместо вопроса напротив имени Фай. Наш список пока состоял из семи имён, зато это уже было наверняка, и мы все радовались. Ну, то есть мы радовались за себя, а остальные пятеро были просто довольны. Я попробую описать их такими, какими они были тогда — или какими я их считала, — потому что, конечно же, они изменились, и мои знания о них тоже изменились.

Например, я всегда думала, что Робин тихая и серьёзная. Она каждый год прилагала много усилий для сдачи экзаменов, постоянно ходила в церковь, но я знала, что этим её личность не исчерпывается. Робин нравилось побеждать. Это проявлялось во время спортивных занятий. Мы были с ней в одной команде нетбола, баскетбола для девочек, и,

честно говоря, поведение Робин меня иногда смущало. Вспомнить только о её решительности. С того момента, когда начиналась игра, Робин превращалась в волчок, носилась как сумасшедшая, отталкивая всех подряд. И если судья зевал, Робин могла за одну игру причинить столько же бед, сколько какой-нибудь военный вертолёт. А потом матч заканчивался, и Робин могла тихо и спокойно пожимать всем руки, говоря: «Отлично сыграли», вернувшись в своё обычное состояние. Весьма странно. Она маленькая, Робин, но сильная, крепко сбитая, с прекрасным чувством равновесия. Она без труда скользит по земле там, где все остальные едва тащатся, как будто по густой грязи.

В общем, я бы не стала судить Фай за это, потому что она человек лёгкий и приятный. Она всегда была для меня чем-то вроде героини, человека, в котором я видела совершенство. Когда она делала что-то не так, я говорила: «Фай, не надо! Ты ведь пример для подражания!» Мне очень нравилась её прекрасная нежная кожа. Фай была из тех, кого моя мама называла «изящными». Казалось, будто она никогда в жизни не занималась тяжёлой работой, никогда не выходила на солнце, не пачкала рук. Всё это так и было, потому что, в отличие от нас, деревенских, Фай жила в городе и больше играла на пианино, чем поила овец или ставила клеймо ягнятам. Оба её родителя были юристами.

А вот Кевин больше отвечал представлению о деревенщине. Он старше всех нас, но он парень Корри, так что он должен был с нами поехать, или она тут же потеряла бы интерес к приключению.

Первым, что вы замечали в Кевине, был его широченный рот. Потом вы обращали внимание на размер его ладоней. Они были огромными, как лопаты. Кевин был известен большим самомнением, ему нравилось ставить себе в заслугу всё подряд. Частенько он меня этим раздражал, но всё же я полагала, что он — лучшее, что могло случиться в жизни Корри, ведь до того, как она стала с ним встречаться, она была уж слишком тихой и незаметной. Они обычно много разговаривали в школе, а потом Корри мне рассказывала, какой Кевин чувствительный и заботливый. Хотя сама я ничего такого не замечала, мне нравилось, что Корри понемногу становится более уверенной в себе.

Я всегда представляла себе Кевина лет через двадцать, когда он стал бы президентом сельскохозяйственного общества, а по субботам играл бы в клубе в крикет и рассуждал о хороших ценах на овец, обзавёлся бы тремя детишками... возможно, вместе с Корри. Всё это был мир, в котором мы жили, к которому привыкли. Мы никогда не думали всерьёз, что он может сильно измениться.

Ли жил в городе, как и Фай. «Фай и Ли из Виррави», — частенько напевали мы. Но это единственное, что их объединяло. Ли был настолько же смуглым, насколько Фай светлокожей. У него были чёрные, коротко подстриженные волосы и тёмно-карие умные глаза, приятный мягкий голос, а ещё он проглатывал окончания многих слов. Отец Ли таец, а мать вьетнамка, они держали ресторан азиатской кухни. Очень неплохой ресторанчик, мы частенько туда заглядывали. Ли занимался музыкой и живописью; вообще-то, он многое умел, но очень раздражался, когда у него что-то не получалось. Он мог дуться несколько дней подряд и ни с кем не разговаривать.

Последний — Гомер, живший неподалёку от меня. Гомер был вспыльчивым, диковатым. Ему наплевать, что о нём подумают. Я часто вспоминаю, как приходила к ним на обед, когда мы были совсем детьми. Миссис Яннос пыталась убедить сына съесть молодую брюссельскую капусту, они долго спорили, а кончилось дело тем, что Гомер запустил капустой в мать. Один кусок ударил ей в лоб, и довольно сильно. Я смотрела на

них, вытаращив глаза, — никогда ничего подобного не видела. Если бы я попробовала выкинуть такой номер дома, меня бы привязали к трактору и использовали как разрыхлитель почвы. Когда нам было по восемь лет, Гомер организовал с самыми чокнутыми из своих приятелей ежедневную игру, которую он назвал греческой рулеткой.

Игра состояла в том, чтобы во время обеденного перерыва отправиться в какую-нибудь комнату подальше от учительских глаз и там по очереди бить лбом в оконное стекло. Каждый по очереди стучал лбом в окно до самого звонка на дневные занятия или до того, как стекло разбивалось, — смотря что случалось первым. Если именно твоя голова разбивала стекло, то тебе — или, точнее, твоим родителям — приходилось оплачивать новые стёкла. Эти ребята, играя в греческую рулетку, перебили множество окон, пока в школе наконец не спохватились и не разобрались, что происходит.

Гомер вечно устраивал неприятности. Другим его любимым развлечением было следить за рабочими, которые поднимались на крышу школы, чтобы устранить протечку, или забрать залетевшие туда мячи, или поменять водосток. Гомер ждал, когда они начнут делать своё дело, а потом наносил удар. И через полчаса вы уже могли слышать пронзительные крики наверху: «Помогите! Снимите нас отсюда! Какой-то черт унёс эту проклятую лестницу!»

В раннем детстве Гомер был довольно маленьким, но потом начал расти, расти и в последние годы стал одним из самых здоровенных парней в школе. Его постоянно звали играть в футбол, но он ненавидел большинство видов спорта и не желал присоединиться ни к какой команде. Гомеру нравилось охотиться, и он частенько звонил моим родителям, чтобы спросить, можно ли ему с братом пострелять кроликов на наших землях. Ещё он любил плавать. И любил музыку, хотя иной раз очень странную.

Мы с Гомером в детстве много времени проводили вместе и до сих пор были близки.

В общем, такова стала Великолепная Пятёрка. Но мы с Корри решили превратить её в Тайную Семёрку. Ха! Все те книги, которые мы читали в детстве, не слишком помогли в том, что с нами случилось. Не думаю, что все прочитанные книги или просмотренные фильмы вообще на нас повлияли. В последние несколько недель нам пришлось полностью переписать сценарии наших жизней. Мы узнали многое, и нам пришлось разбираться в том, что действительно важно, что имеет значение — по-настоящему имеет значение. А на это потребовалось время.

Мы планировали выехать в восемь утра — не слишком рано и не слишком поздно. К десяти мы были почти готовы. В половине одиннадцатого уже отъехали на четыре километра от дома, направляясь к Тейлор-Стич. Длинный подъём к хребту с годами превратился в настоящее безобразие — ямы оказались настолько велики, что я боялась потерять в них «лендровер», поперёк дороги раскинулись огромные лужи грязи и пробегали ручьи. Не знаю, сколько раз нам пришлось останавливаться перед упавшими деревьями. Мы взяли с собой бензопилу, и через какое-то время Гомер, который ею орудовал, предложил вообще её не выключать, чтобы сэкономить время на запуске, когда мы наткнёмся на очередное бревно. Не думаю, что он говорил это всерьёз. Надеюсь, что не всерьёз.

По этой дороге давным-давно никто не ездил. Мы это знали точно, ведь путешественникам, чтобы добраться до хребта, пришлось бы проехать через наши загоны. Если бы папа знал, насколько плоха дорога, он ни за что бы не разрешил нам взять «лендровер». Он доверяет мне как водителю, но не настолько же. Но мы всё равно продвигались вперёд, и я сражалась с рулевым колесом, делая пять километров в час, но изредка разгоняясь и до десяти. Потом случилась ещё одна непредвиденная остановка, когда Фай заявила, что ей плохо. Я сразу остановилась, Фай выскочила через заднюю дверцу, бледная, как труп, и одарила заросли кустов липкой массой, на радость всяким диким собакам и кошкам.

Да, зрелище не из приятных. Всё, что делала Фай, она делала изящно, но даже Фай не сумела бы выглядеть красиво в момент рвоты. Потом она какое-то время шла пешком, но остальные предпочли сидеть в машине. Это было действительно забавно, на свой лад. Как сказал Ли, это лучше, чем аттракцион «Шейкер» на ярмарке, потому что трясёт дольше, но при этом всегда можно соскочить.

Вообще-то, из-за этой поездки мы пропускали ярмарку и выставку скота. Мы выехали накануне Дня поминовения, когда вся страна замирает, но в наших краях люди не просто прекращают работу. Они её прекращают — и отправляются в Виррави, потому что День поминовения у нас традиционно является днём ярмарки. Так уж сложилось. Но мы ничего не имели против того, чтобы пропустить это событие. В конце концов, не в последний раз нам предоставлялась возможность забросить шары в глотку деревянного клоуна, не в последний раз ваша мама собиралась выиграть Самый Красивый Торт. Ничего не случится, если пропустим один год.

Так мы думали.

Было около половины третьего, когда мы добрались до самого верха гребня. Последнюю пару километров Фай ехала вместе со всеми, но теперь мы все с радостью выскочили из «лендровера», чтобы размять косточки. Мы достигли южной стороны гребня, рядом с горой Мартин. Здесь дорога заканчивалась — отсюда предстояло топать на своих двоих. Но пока что мы просто бродили с места на место, восхищаясь видом. С одной стороны раскинулся океан — прекрасный залив Кобблер, одно из моих любимых мест, а если верить папе, так это ещё и наилучшая в мире природная гавань, хотя ею и пользовались лишь случайные рыбацкие судёнышки да прогулочные яхты. Залив находится слишком далеко от города, чтобы годиться на что-то ещё. Но в этот раз мы увидели там пару судов, одно из которых

походило на большой траулер. Вода была голубой, как королевская кровь, глубокой, тёмной и спокойной. С другой стороны тянулся Тейлор-Стич, прямым к вершине Мартина, — острый прямой гребень, чьи голые чёрные камни образовывали тонкую линию, как будто некий хирург столетия назад сделал тут надрез скальпелем.

В той стороне, откуда мы приехали, тоже было на что посмотреть, но дорогу совсем не видно за деревьями и ползучими растениями. Зато вдали раскинулись плодородные земли ферм Виррави, усыпанные домиками и рошицами, и между ними лениво ползла, извиваясь, река Виррави.

А с другой стороны был Ад.

— Вау! — воскликнул Кевин, посмотрев на гигантский провал. — Мы что, собираемся туда забраться?

— Мы собираемся попробовать, — ответила я, уже засомневавшись, но стараясь говорить уверенно.

— Впечатляет, — покачал головой Ли. — Весьма впечатляет.

— У меня два вопроса, — начал Кевин, — но я задам только один из них: «Как?»

— А второй какой?

— Второй вопрос: «Зачем?» Но я не стану спрашивать. Просто скажи мне, как мы туда попадём, и я буду удовлетворён. Меня легко удовлетворить.

— Корри так не сказала бы, — пробурчал Гомер, поддразнивая меня.

Парни бросили вниз несколько камней, потом немножко поборолись друг с другом, и Гомер едва не очутился в аду самым коротким путём. И почему парням так нравится бросать камни и драться? Впрочем, я заметила, что они быстро остыли к этим занятиям. Интересно, почему?

— Так как же мы собираемся туда попасть? — повторил вопрос Кевин.

— Вон оттуда. — Я показала вправо. — Там наш маршрут.

— Что-о? Те жуткие обрывы?

Кевин немножко преувеличивал, но не слишком. Ступени Сатаны — это гигантские гранитные блоки, которые выглядят так, будто их здесь набросал как попало некий пьяный гигант, давно, ещё в каменном веке. Их плоская поверхность совершенно лишена растительности, поэтому они выглядят бескомпромиссно голыми. Зато по бокам заросли всякой всячиной. Чем дальше я смотрела на них, тем менее мне верилось в удачу нашего предприятия, но это не помешало мне произнести великую воодушевляющую речь:

— Ребята, я не знаю, возможно это или нет, но масса людей в Виррави говорят, что возможно. Если верить разным рассказам, то некий старый бывший убийца уже много лет там живёт — Отшельник из Ада. А если это способен сделать какой-то пенсионер, то и мы наверняка сумеем. Думаю, нам следует проявить себя. Давайте приложим все силы и пробьёмся туда.

— Bravo, Элли! — с уважением произнёс Ли. — Теперь я понимаю, почему ты капитан команды нетбола.

— Как это можно быть бывшим убийцей? — спросила Робин.

— А?

— Ну, какая разница между бывшим убийцей и просто убийцей? — Робин всегда смотрит прямо в корень.

— А у меня ещё один вопрос, — сообщил Кевин.

— Да?

— Ты знаешь хоть кого-нибудь, кто там побывал?

— Ой, давайте лучше выгрузим рюкзаки из машины.

Мы так и сделали, а потом сели на землю, восхищаясь пейзажем и древним синим небом и жуя холодных цыплят с салатом. Рюкзак Фай лежал прямо передо мной, и чем дальше я на него смотрела, тем больше начинала понимать, насколько толстым он выглядит.

— Фай, — заговорила я наконец, — что ты натолкала в свой рюкзак?

Она выпрямилась с удивлённым видом:

— О чём ты? Там просто одежда и всякое такое. То же, что и у других.

— Какая именно одежда?

— Всё то, что велела взять Корри. Рубашки, футболки, свитеры. Перчатки, носки, бельё, полотенце.

— Но что ещё? Наверняка это не всё.

— Пижама, — немножко смутилась Фай.

— Ох, Фай!

— Пеньюар...

— Пеньюар?! Фай!

— Ну, никогда ведь не знаешь, с кем можно встретиться.

— А ещё что?

— Не скажу я тебе ничего больше. Вы все надо мной смеётесь.

— Фай, нам ведь нужно распахать по рюкзакам еду! А потом тащить всё это невесть как далеко.

— Ох... Думаешь, мне нужно вынуть оттуда подушку?

Мы создали комитет из шести человек, чтобы реорганизовать содержимое рюкзака Фай. Сама Фай в комитет не вошла. Потом мы распределили между всеми ту еду, которую мы с Корри так старательно выбирали и покупали. Еды была целая гора, но нас ведь было семеро, и мы предполагали отсутствовать пять дней. Но как мы ни старались, всё взять не смогли. Некоторые объёмные предметы стали настоящей проблемой. Кончили мы тем, что нам пришлось принимать трудное решение, выбирая между хлопьями «Вита Бирс» и сладкой сухой смесью, между лепёшками питы и пончиками с джемом, между мюсли и чипсами. Мне даже говорить стыдно о том, что выигрывало в каждом из случаев, но мы себя утешали, говоря: «Ладно, мы ведь в любом случае едва ли уйдём далеко от машины, так что сможем вернуться за остальным».

Около пяти часов мы тронулись с места, и рюкзаки торчали на наших спинах, как гигантские горбы, странные протуберанцы. Мы отправились вдоль хребта, и Робин шла впереди, а Кевин и Корри отстали, о чём-то негромко разговаривая, куда больше занятые друг другом, чем окружающими красотами. Земля была твёрдой и сухой, тропа извивалась, поворачивая то туда, то сюда, но идти было легко, а солнце всё ещё стояло высоко. Каждый из нас нёс три полные бутылки воды, немало добавлявшие к общему грузу, но это едва ли было надолго. Мы полагались на то, что найдём воду в Аду, если, конечно, доберёмся туда. В противном случае мы могли вернуться к «лендроверу» утром и восполнить запасы воды. А когда вода в канистрах закончится, можно будет проехать пару километров вниз по дороге к источнику, возле которого мы с мамой и папой частенько разбивали лагерь.

Я шла рядом с Ли, и мы говорили о фильмах ужасов. Ли оказался настоящим знатоком: посмотрел их, наверное, тысячу. Это меня удивило, ведь я всегда видела в нём музыканта, потому что он играл на пианино и скрипке, а это как будто не слишком сочетается с

ужасниками. Но Ли пояснил, что смотрит такое кино поздно ночью, когда не может заснуть. У меня возникло ощущение, что он, вообще-то, очень одинокий парень.

Сверху Ступени Сатаны выглядели такими же дикими и неприступными, как и издали. Мы стояли и смотрели на них, ожидая, когда подойдут Кевин и Корри.

Хм... — проворчал Гомер. — Интересно.

Это было самое короткое предложение, какое я когда-либо от него слышала.

— Должен быть какой-то спуск, — предположила Корри, подошедшая как раз в этот момент.

— Когда мы были маленькими, — сказала я, — нам всегда казалось, что вон там слева есть нечто похожее на тропу. Мы твердили, что это и есть дорога Отшельника. И пугали себя, воображая, что он прямо сейчас появится перед нами.

— Он, наверное, просто милый непонятый старик, — улыбнулась Фай.

— Вряд ли, — возразила я. — Говорят, он убил свою жену и ребёнка.

— А я не думаю, что это тропа, — заявила Корри. — Это просто какая-то трещина в камне.

Мы ещё какое-то время стояли и смотрели, как будто наши взгляды могли заставить тропу появиться среди камней, ну, как в Нарнии или ещё где-нибудь. Потом Гомер прошёл немного дальше по откосу.

— Думаю, первый блок мы можем одолеть, — крикнул он нам. — Здесь с другой его стороны есть выступ, и он как будто спускается близко к земле.

Мы поспешили подойти к Гомеру. И в самом деле, первый спуск выглядел реальным.

— А если мы спустимся туда, а дальше будет не пройти? — засомневалась Фай.

— Тогда заберёмся обратно и попробуем какой-нибудь другой вариант, — откликнулась Робин.

— А если не сможем забраться обратно?

— Если можно спуститься, можно и подняться, — сказал Гомер, давая понять, что в последние годы он весьма много внимания уделял наукам.

— Ну, тогда вперёд, — заявила Корри с удивительной твёрдостью.

Я была рада. Мне не хотелось слишком на них давить, но я чувствовала, что успех или провал экспедиции в целом обязательно отразится на мне или, по крайней мере, на мне и Корри. Мы ведь уговорили всех поехать сюда, пообещали, что отлично проведём время, и это была именно наша идея — нырнуть в Ад. И если бы нам ничего не удалось, я бы чувствовала себя ужасно. Это всё равно что затеять вечеринку, а потом много часов подряд слушать любимые мамины мелодии из популярных телевизионных шоу.

Все хотели попытаться одолеть первую из Ступеней Сатаны. Однако даже этот первый шаг оказался нелёгко. Нам нужно было спуститься в путаницу гнилых стволов и ежевики, чтобы потом вскарабкаться по истрёпанной временем скале. Пришлось немало попотеть, подталкивая друг друга и передавая из рук в руки рюкзаки, прежде чем мы все очутились наверху и заглянули вниз, туда, где Гомер увидел скальный выступ.

— Ну, если и дальше будет так же трудно... — выдохнула Фай и даже не потрудилась закончить фразу.

— Вот так, — сообщил Гомер.

Он опустил на четвереньки, повернулся к нам лицом, а потом спиной вперёд соскользнул с края блока.

— Ах вот как? — бросила Фай.

— Не о чем беспокоиться! — донёлся до нас голос Гомера.

Но беспокоиться было о чём, и прежде всего о том, как мы заберёмся обратно, — но никто об этом не заговорил, так что и я не стала. Думаю, нас всех уже слишком захватил азарт приключения.

За Гомером последовала Робин, потом Кевин, который непрерывно ворчал, осторожно спускаясь вслед за ними. Я спустилась следующей, слегка оцарапав ладонь. Это было нелегко, потому что тяжёлым рюкзакам постоянно хотелось перевернуть нас вверх ногами. К тому времени, как я там оказалась, Гомер и Робин уже спрыгнули с дальнего конца выступа и пробирались сквозь кусты, чтобы изучить второй гигантский гранитный блок.

— С другой стороны выглядит лучше! — крикнул Ли.

Я пошла за ним, и мы внимательно осмотрелись. Нет, это было очень трудно. По обе стороны гигантского блока спуск оказался чрезвычайно крутым, несмотря на кусты и траву, выросшие в щелях камня. И сама скала была очень высокой. Единственной нашей надеждой стал старый упавший ствол, который исчезал в тени и поросли, но, по крайней мере, как будто вёл в нужном направлении.

— Вот здесь можно пройти, — сказала я.

— Хм... — промычал Гомер, подошедший сзади.

Я оседлала бревно и медленно поползла по нему.

— Похоже, ей это нравится, — усмехнулся Кевин.

Я улыбнулась, услышав, как Корри звонко шлёпнула его ладонью. Ствол был мягким и влажным, но вполне крепким. Он оказался удивительно длинным, и я поняла, что он уходит под переднюю часть скалы. Огромные чёрные жуки, мокрицы и уховёртки так и посыпались с дерева между моими ногами, когда я добралась до более тонкой и сгнившей части ствола. Я опять улыбнулась, надеясь, что распугаю их всех до того, как по стволу двинется Фай.

Когда я наконец встала, то очутилась под каменным козырьком, свободным от растений, но выходящим на сплошную стену деревьев, почти скрывших следующий гигантский блок. Конечно, мы смогли бы пробиться сквозь эту завесу, хотя и исцарапались бы ещё сильнее, но не было никакой гарантии, что мы смогли бы обойти гранит, перелезть или подлезть под него. Я отошла в сторону, всматриваясь в зелень, ища возможные пути, а остальные понемногу присоединялись ко мне. Фай была четвертой, она добралась до места, слегка задохнувшись, но без особых проблем. Забавно, что больше всех нервничал из-за насекомых Кевин. Последние несколько метров ствола он одолел в ужасной спешке, истерически визжа:

— Боже, нет! Только не это! Помогите, тут везде эти поганые ползучки! Снимите их с меня! Снимите их с меня!

А потом он минуты три без передышки отчаянно отряхивался, пытаясь найти на одежде очередное насекомое и вертясь во все стороны на маленьком пяточке, на котором мы очутились. Я поневоле подумала о том, как же он справляется с овцами, на них ведь полно насекомых.

Наконец Кевин успокоился, но мы пока что не нашли выхода из-под козырька.

— Ладно, — бодро произнесла Робин, — похоже на то, что нам придётся остаться тут на всю неделю.

За её словами последовало общее молчание.

— Элли, — мягко заговорил Ли, — не думаю, что мы найдём дорогу вниз. К тому же чем дальше мы заберёмся, тем труднее будет возвращаться.

— Ну давайте одолеем хотя бы ещё одну Ступень! — попросила я, а потом немного глуповато добавила: — Три — моё счастливое число.

Мы ещё немного поглазели по сторонам, но с немалым сомнением.

— А может, нам повезёт, если мы пролезем вон там, — сказала наконец Корри. — И окажемся где-то на другой стороне.

Щель, на которую она показывала, была настолько узкой, что нам пришлось снять рюкзаки, чтобы протиснуться в неё, но я была готова на всё, поэтому взяла рюкзак Корри, и та первой полезла в заросшую колючками щель. Сначала исчезла её голова, потом туловище, потом ноги. Я слышала, как Кевин сказал: «Эго просто безумие», а потом Корри крикнула:

— Отлично, давай рюкзак!

И я сунула его в щель. Потом, предоставив Робин присматривать за моим рюкзаком, я полезла следом за Корри.

Я быстро поняла, что идея Корри оказалась правильной, но осуществить её нелегко. И если бы я не была такой упрямой, тупоголовой идиоткой, я бы в этот момент просто сдалась. Мы ползли по чему-то вроде норы рахитичного кролика, и я толкала перед собой рюкзак Корри. Но я видела каменную стену слева от себя и чувствовала, что мы определённо движемся вниз и, похоже, огибаем третью Ступень Сатаны. Потом Корри остановилась, вынудив остановиться и меня.

— Эй! — сказала она. — Ты слышишь то же, что и я?

Есть некоторые вопросы, которые меня по-настоящему раздражают, вроде: «Что ты знаешь?» или «А ты работаешь в полную силу?» — так говорит наш классный руководитель, — а ещё: «Угадай, о чём я думаю?» или «Какого черта ты делаешь, милая леди?» — это папа, когда сердится. Мне все они не нравятся. Вопрос «Слышишь ли ты то же, что и я?» относится к той же категории. К тому же я устала, вспотела и была разочарована. И потому ответила не слишком вежливо. После долгой паузы Корри, проявляя куда больше терпения, чем я, сказала:

— Там впереди вода. Текущая вода.

Я прислушалась и только тогда поняла, что тоже слышу эти звуки. И тут же сообщила об этом назад, остальным. Может, это и не имело особого значения, но подтолкнуло нас продвинуться немного дальше. Я мрачно ползла вперёд, вслушиваясь в шум воды, который становился всё громче и ближе. Похоже, это был довольно быстрый поток, а на такой высоте это означало источник. И мы все могли напиться свежей холодной воды, что выбивалась из-под гор. Нам это не помешало бы, если мы собирались карабкаться обратно на самый верх Ступеней. А уже надо было возвращаться. Время шло к вечеру, пора было устраиваться на ночлег.

И тут я очутилась рядом с ручьём, где уже стояла на камне Корри и улыбалась мне.

— Ну, кое-что мы всё-таки нашли, — улыбнулась я ей в ответ.

Ручей был просто чудесный. Солнечные лучи до него не добирались, так что он выглядел тёмным, прохладным и таинственным. Вода пузырилась на камнях, зелёных и скользких ото мха. Я опустила на колени, плеснула водой себе в лицо, а потом принялась лакать, как собака, пока подтягивались остальные. Площадка у ручья была невелика, но Робин сразу отправилась в одну сторону вдоль ручья, а Ли в другую, чтобы исследовать окружающее пространство; они шли, осторожно перешагивая с камня на камень. Я восхитилась их энергией.

— Какой симпатичный ручеек, — пролепетала Фай. — Но, Элли, нам бы лучше уже

отправиться обратно.

— Знаю. Но сначала давайте немного отдохнём, всего пять минут. Мы все заслужили отдых.

— Всё это будет похуже курса выживания, — пожаловался Гомер.

— Я теперь жалею, что не посещала эти занятия, — призналась Фай. — А вы все туда ходили?

Да, я ходила на эти уроки, и они мне нравились. Конечно, я частенько отправлялась за приключениями с мамой и папой, но курс выживания прививал вкус к чему-то посложнее. Я как раз начала об этом думать, когда вдруг появилась Робин. У неё было такое лицо, что можно испугаться. В густых кустах я не смогла встать во весь рост, но выпрямилась насколько смогла, и очень быстро.

— Что случилось?

Робин ответила тоном человека, который слышит свой голос, но не в силах поверить собственным словам:

— Я там только что нашла какой-то мост...

Тропа оказалась завалена листьями и прутьями, а местами вообще почти заросла, но в сравнении с тем, через что мы уже прошли, это было почти шоссе. Мы выстроились на ней в ряд, восхищённо глядя вниз. У меня чуть голова не закружилась от облегчения, изумления и благодарности.

— Элли! — торжественно произнёс Гомер. — Я никогда больше не назову тебя безмозглой упрямой кучей.

— Спасибо, Гомер.

Это был прекрасный момент.

— Скажи ему вот что, — предложил мне Кевин. — «Вам повезло, балбесы, что я не дала вам повернуть обратно, когда всем вам хотелось сбежать».

Я не обратила внимания на его слова.

Мост был старым, но великолепно построенным, около метра в ширину и метров пять в длину. Он пересекал ручей на большой поляне. У него имелись даже перила. Сама плоскость моста была сооружена не из плоских досок, а из круглых брёвен, абсолютно точно подогнанных друг к другу. На концах они скреплялись поперечинами, а крайние брёвна надёжно удерживали деревянные колышки.

— Да, вот это работа! — изумился Кевин. — Напоминает мне мои собственные первые труды.

Все мы вдруг переполнились энергией, как будто в нас влили новые силы. Мы едва не решили устроиться на ночёвку прямо на этой поляне, она выглядела такой прохладной и тенистой, но желание продолжить исследование оказалось слишком сильным. Мы снова вскинули на спины рюкзаки и, болтая, как попугаи, помчались вниз по тропе.

— Похоже, правду говорят насчёт Отшельника! Никто другой не стал бы здесь так трудиться.

— Интересно, как долго он тут живёт?

— Откуда тебе знать, что это «он»?

— Местные всегда говорят о нём как о мужчине.

— Да просто о нём болтают в основном мужики. — Это сказал Ли, проявив незаурядную сообразительность.

— Должно быть, он тут много лет прожил, раз ему понадобился мост.

— И тропа утоптана.

— Если он тут уже много лет, у него было время не только мост построить, но и всякое другое. А как ещё проводить время?

— Ну, пропитание могло стать нелёгким делом. Но когда с этим всё организовано, то времени и вправду много.

— Интересно, чем бы ты тут питался?

— Опоссумами, а может, кроликами.

— Вряд ли в этой части страны много кроликов. Здесь скорее живут кенгуру, опоссумы и дикие коты.

— Фу!

— А ещё можно выращивать овощи.

— И есть съедобные листья с разных кустов.

— Ну да, он же наверняка смотрит эту программу по телевизору.

— Здесь вомбаты водятся.

— А каковы вомбаты на вкус?

— Говорят, люди всё равно едят слишком много. А если он ест только тогда, когда по-настоящему голоден, ему не так уж много и нужно.

— Тебе бы поучиться есть поменьше.

— А вы знаете Энди Фаррара? Он нашёл в буше неподалёку от Вомбегону трость Потрясающая вещь, ручной работы, резьба и всякое такое. Все говорили, что это наверняка трость Отшельника, но я тогда думал, они шутят.

Тропа слегка извивалась, выбирая удобный маршрут, но постоянно шла вниз и вниз. На обратном пути явно пришлось бы попотеть на подъёме. Мы уже заметно спустились. Но здесь было так хорошо — тихо, тенисто, прохладно и влажно. Цветы тут не росли, но попадалось столько оттенков зелёного и коричневого, сколько английский язык и назвать не в силах. Земля была покрыта толстым слоем старой листвы. Иной раз мы даже теряли тропу за кучами коры, листьев и веточек, но, пошарив между деревьями, каждый раз снова её находили. Она то и дело возвращалась к Ступеням Сатаны, и мы несколько метров шли, задевая мощные гранитные стены. Однажды тропа прервалась между двумя Ступенями и продолжилась по другую их сторону: проход оказался всего в пару метров шириной, нечто похожее на туннель сквозь массивную толщу камня.

— Как-то уж слишком хорошо для Ада, — покачала головой Фай, когда мы остановились в этом проходе.

— Мм... Интересно, когда тут в последний раз кто-то был?

— Более того, — откликнулась Робин, остановившаяся перед Фай, — мне интересно, сколько вообще людей здесь побывало за всю историю Вселенной? Я имею в виду, почему аборигены не заинтересовались этим местом? Или первые исследователи, первые поселенцы? Ведь никто из тех, кого мы знаем, здесь не бывал. Может быть, тот Отшельник и мы — единственные, кто вообще всё это видел?

С того места, где мы стояли, было уже видно, что мы недалеко от дна провала. Почва становилась ровнее, последние лучи солнца проникали сюда, согревая нам лицо. Растительность стала немного реже, хотя и оставалась довольно густой. Тропа подошла к ручью и бежала вдоль него несколько сотен метров. А потом вывела нас на отличное место для ночёвки.

Мы оказались на открытом месте размером примерно с хоккейное поле или немного больше. Впрочем, играть здесь в хоккей было бы трудновато, потому что свободного места явно не хватало. Посередине росли деревья — три прекрасных старых эвкалипта и ещё несколько молодых деревьев и поросль. Ручей шёл по западной стороне поляны, его было слышно, но не видно. Ручей стал спокойнее и шире, и он был холодным, просто ледяным, даже летним днём. Рано утром его вода наверняка обжигала. Но когда вам жарко, то ледяной водой очень приятно освежиться, плеснув её себе в лицо.

Конечно, именно здесь я и нахожусь сейчас.

Для всяких мелких существ, живущих на этой поляне, мы, должно быть, выглядели как явившиеся из ада, а не направлявшиеся туда. Мы ужасно шумели. Особенно Кевин, — наверное, его никогда и никому не избавить от дурной привычки ломать ветки деревьев, вместо того чтобы пройти ещё несколько метров и набрать сушняка. Именно поэтому я

никогда не могла поверить Корри, которая твердила мне о том, какой Кевин заботливый и чувствительный. Но с огнём он управлялся отлично: через пять минут после того, как мы сюда пришли, над костром уже поднимался белый дымок, а ещё через две минуты разгорелось яростное пламя.

Мы решили не ставить палатки — всё равно мы взяли их лишь на три человека, — тем более что было тепло и дождём не пахло, так что мы просто натянули москитные сетки, чтобы защититься от росы. Потом я и Ли принялись за приготовление еды. Фай бродила вокруг нас.

— А что у нас будет? — спросила она.

— Прямо сейчас — двухминутная лапша. А потом мы ещё сделаем немного мяса, но сейчас я слишком голодная, чтобы его ждать.

— Что такое двухминутная лапша? — спросила Фай.

Мы с Ли переглянулись и усмехнулись.

— Знаешь, это очень странное чувство, — сказал Ли, — осознавать, что ты можешь навеки изменить чью-то жизнь.

— Ты никогда не ела двухминутную лапшу? — спросила я. — Быстрого приготовления.

— Нет. Мои родители просто помешаны на здоровом питании.

Мне до сих пор ни разу не приходилось встречать человека, который не знал бы, что такое двухминутная лапша. Иной раз Фай казалась мне похожей на какую-то экзотическую бабочку.

Я не могу припомнить ни одной долгой пешей прогулки или похода, во время которого люди бы просто сидели вокруг костра и рассказывали разные истории или пели. Так просто не бывает, похоже. Но в тот вечер мы действительно долго сидели у огня и говорили, говорили.

Наверное, мы были очень взволнованы тем, что забрались сюда, в это странное и прекрасное место, которое видели совсем немногие. На земле осталось не так уж много диких мест, но мы набрали на такое прямо посреди нашего маленького королевства. И это было здорово. Я понимала, что устала по-настоящему, но была слишком взбудоражена, чтобы сразу заснуть. Наконец все начали зевать и отправились искать свои спальные мешки. Через пять минут все уже улеглись, а ещё через пять минут, наверное, заснула и я.

На следующий день мы не слишком усердствовали. Проснулись мы то ли в десять, то ли в одиннадцать утра. И первым, что мы обнаружили, был пакет из-под бисквитов, который мы не заметили, когда убирали продукты в рюкзаки накануне вечером. Пакет был пуст. Благодаря нам какой-то проворный зверёк стал теперь заметно жирнее.

Завтрак плавно перешёл в ланч и продолжался за полдень. Мы в основном просто лежали и лениво, не спеша ели. Кевин и Корри обнимались на спальном мешке Кевина, а мы с Фай сели у ручья, опустив ноги в холодный поток, и стали рассуждать о том, что мы будем делать после того, как окончим школу и уедем из Виррави. Ли читал книгу «На Западном фронте без перемен». Робин нацепила наушники и включила плеер. Только Гомер не сидел на месте: он вскарабкался на дерево, пошарил в ручье на предмет золота, набрал кучу сушняка для костра, попытался найти змей. Когда я наконец набралась сил, то присоединилась к нему в поисках тропы, чтобы выяснить, куда она ведёт дальше. Но никаких признаков тропы мы не нашли. Со всех сторон мы натыкались на густой кустарник. Но что самое странное, мы не увидели никаких следов хижины, пещеры или просто навеса, но ведь что-то должно было здесь быть, если тот старик действительно тут жил.

Наконец нам надоели попытки пробиться сквозь пренеприятнейшие заросли, мы сдались и вернулись на поляну. Когда мы туда пришли, Гомер и наткнулся на змею. Было уже шесть вечера, почва начала остывать. Гомер подошёл к своему спальному мешку и снял ботинки, потом удобно вытянулся, держа в руке пакет с кукурузными чипсами.

— Отличное местечко! — сказал он. — Просто идеальное.

Должно быть, именно в этот момент змея, забравшаяся в его спальник, пошевелилась, потому что Гомер подпрыгнул и отскочил метров на десять в сторону.

— Боже мой! — закричал он. — Там что-то есть! Там змея, в моём спальнике!

Даже Кевин с Корри перестали обниматься и подбежали к нам. Разгорелся отчаянный спор, сначала насчёт того, не выдумал ли это Гомер, потом, когда все увидели, как шевелится змея, — насчёт того, как её вытащить с наименьшим для всех вредом. Кевин предложил бросить мешок в ручей и подождать, пока змея не вывалится и не утонет. Гомеру это не понравилось. Ему нравился его спальник. К тому же мы не были уверены, что змея не укусит нас сквозь мешок. В детстве я слышала от одного стригаля овец ужасную историю о том, как его сына змея укусила сквозь одеяло, когда тот спал в своей кровати. Не знаю, правда ли это, но история мне запомнилась.

Мы решили довериться тем знатокам, которые с детства твердили нам, что змея куда больше боится людей, чем люди её. Мы рассчитали, что если встряхнём мешок с одной стороны, то змея выскочит с другого конца и, скорее всего, уползёт в противоположном от нас направлении, прямоком в заросли кустов. Поэтому мы приготовили две крепкие палки, Робин держала одну, Кевин — другую. Они осторожно подсунули их под мешок и начали медленно приподнимать его. Сцена была захватывающей, куда интереснее, чем смотреть телевизор. С минуту ничего не происходило, хотя мы все отчётливо увидели контуры змеи, когда ткань мешка натянулась. Змея явно была здоровенной. Робин и Кевин пытались поднять спальник так, чтобы она сама выскользнула через отверстие на землю. Действовали они весьма слаженно, как настоящая команда. Но потом палки почему-то разошлись

слишком далеко одна от другой, Корри вскрикнула, ребята заметили ошибку и попытались её исправить, но Робин на мгновение ослабила хватку.. И это мгновение оказалось решающим. Спальный мешок соскользнул на землю, как живой, и из него выскочила некая весьма взбешённая змея. Единственной моей мыслью в тот миг была почему-то мысль о том, боится ли Кевин змей так же, как он боится насекомых. Он застыл на месте, бледный и дрожащий, и вид у него был такой, словно он собирался заплакать. Наверное, его буквально парализовало страхом, настолько, что он мог бы позволить змее заползти вверх по его ноге и укусить, куда ей вздумается. И это казалось забавным, учитывая то, как решительно он орудовал палкой, поднимая мешок, думая, что ему ничто не грозит.

Но вообще-то, в тот момент времени для рассуждений не оставалось, зато иррациональная часть моего ума не дремала. Она велела мне паниковать, и я запаниковала. Велела мне бежать в сторону, и я побежала. Велела не обращать ни на кого внимания, я и не обратила. Лишь через какое-то время я огляделась вокруг, чтобы проверить, всё ли в порядке. И где, собственно, змея?

Кевин оставался на том же самом месте. Робин стояла в нескольких метрах впереди меня и занималась тем же, чем и я: просто таращила глаза, задыхаясь и дрожа. Фай оказалась в ручье, понятия не имею почему. Ли залез на дерево, примерно на шесть метров над землёй, и продолжал подниматься. Корри весьма умно спряталась за костром, используя его как защиту. Гомера нигде не было видно. Змеи тоже.

— Где она? — пискнула я.

— Туда уползла, — ответила Корри, показывая на кусты. — Она погналась за мной, но я перепрыгнула через костёр, и она повернула в другую сторону.

Для человека, которого только что преследовала взбешённая змея, Корри выглядела невероятно спокойной.

— А Гомер где? — спросила я.

— Туда пошёл. — Корри показала в противоположную сторону.

Это выглядело вполне разумно, даже для Гомера. Я постепенно успокоилась и вернулась к костру. Ли, выглядевший чуть глуповато, начал спускаться с дерева. Вскоре и Гомер появился, он осторожно вышел из плотных зарослей кустов.

— Эй, ты почему стоишь в воде? — спросила я Фай.

— Чтобы спрятаться от змеи, конечно.

— Но, Фай, змеи умеют плавать!

— Нет, не умеют.. Что, правда? Ох боже мой! Боже мой.. Я могла погибнуть! Спасибо, что сказали мне, ребята.

Так закончились волнения этого дня, если не считать колбасного сюрприза, который Гомер и Кевин приготовили к чаю. Это и в самом деле был сюрприз — то, что они напихали в колбаски, — и без него я могла обойтись точно так же, как без змеи. Спать мы улеглись довольно рано. День был из тех, что ужасно выматывают, хотя ты ничего не делаешь. Я забралась в спальник примерно в половине десятого, после того как самым тщательным образом осмотрела его и убедилась, что в нём никого нет. К этому времени не спали только Фай и Гомер, они о чём-то тихо разговаривали у костра.

Обычно я сплю крепко и спокойно и в эту ночь спала как же. В какой-то момент я проснулась, но который был час, понятия не имела, — возможно, три или четыре часа. Ночь была холодной, мне понадобилось отойти по естественным надобностям, но я ещё минут десять пыталась эти надобности преодолеть. Просто мне казалось ужасным выбираться из

тёплого уютного спальника. Я даже прочитала себе строгую нотацию: «Ну же, ты ведь знаешь, что должна пойти, ты себя будешь чувствовать гораздо лучше, когда сходишь, и прекрати скулить; чем скорее ты это сделаешь, тем скорее вернёшься в своё тёплое гнёздышко».

Наконец это сработало: я с мрачным видом выползла из мешка и отошла метров на десять, к подходящему дереву.

Возвращаясь обратно через пару минут, я остановилась. Мне показалось, что я слышу далёкий гул. Я подождала, всё ещё неуверенная, но гул становился громче и отчётливее. Забавно, насколько искусственные шумы отличаются от естественных. Прежде всего, искусственные звуки более ритмичные и ровные, я так думаю. А этот шум был определённо искусственным — нечто вроде самолёта. Я подождала, глядя в небо.

Небо высоко в горах совсем другое. И эта ночь была такой же, как любая ясная тёмная ночь в горах: небо усыпано невероятным количеством звёзд, одни крупные и яркие, а другие похожи на крохотный булабочный след; одни мигали, другие окружало нечто вроде туманного гало. Большинство пейзажей мне постепенно надоедает, но ночное небо в горах не надоедает никогда. Я просто теряюсь в нём.

Внезапно громкое гудение превратилось в рёв. Я просто поверить не могла, как быстро звук изменился. Наверное, дело было в высокой стене гор, окружавшей нашу стоянку. И над моей головой, очень низко, промчались похожие на наконечники стрел чёрные реактивные аппараты, визжавшие, как летучие мыши. Их шум и скорость, их чернота испугали меня. Я вдруг заметила, что припала к земле, словно меня кто-то хотел ударить. Потом выпрямилась. Вроде бы они улетели. Шум быстро затих, по крайней мере, я его больше не слышала. Но кое-что осталось. Воздух уже не казался таким чистым и прозрачным. И атмосфера стала другой. Свежесть пропала, обжигающая прохлада сменилась странной влажностью. Я чуяла запах топлива реактивных самолётов. Мы-то думали, что принадлежим к числу первых людей, проникших в эту впадину, но человеческие существа вторгаются куда угодно и когда угодно. Им незачем тащиться пешком, чтобы ворваться в какое-нибудь место. И даже Ад от этого не защищён.

Я вернулась к своему спальнику, и Фай сонно спросила:

— Что это был за шум?

Похоже, только она одна и проснулась, хотя в это трудно было поверить.

— Самолёты, — ответила я.

— Мм... я так и подумала, — пробормотала Фай. — Наверное, возвращаются с парада в честь Дня поминовения.

Конечно, подумала я. Так оно и должно быть.

Я снова погрузилась в сон, беспокойный и наполненный тревожными видениями. Но мне всё ещё не приходило в голову, что есть нечто странное в том, как несколько десятков самолётов несутся в ночи на малой высоте, без огней. Я вообще не сразу сообразила, что сигнальных огней на них не было.

Утром, во время завтрака, Робин сказала:

— А кто-нибудь ещё слышал те самолёты ночью?

— Да, — ответила я. — Я как раз вставала. Мне нужно было в туалет.

— Они всё гудели и гудели, — заявила Робин. — Их как будто было несколько сотен.

— Их было шесть групп, — сказала я. — Шли очень близко друг к другу и уж очень низко. Но я думала, вы всё это проспали. Только Фай что-то сказала тогда на этот счёт.

Робин уставилась на меня:

— Шесть групп? Да их были десятки и десятки, они всю ночь летели! А Фай спала. Я думала, ты тоже спишь. Мы с Ли их считали, но все остальные храпели себе, и всё.

— Боже... — пробормотала я, начиная понимать. — Наверное, я видела другой отряд...

— Я ничего не слышал, — сообщил Кевин, срывая обёртку со второго батончика «Марса».

Он утверждал, что всегда съедает на завтрак две шоколадки «Марс», и пока что так и делал.

— Наверное, это начало Третьей мировой войны, — сказал Ли. — Наверное, в нашу страну кто-то вторгся, а мы и не знаем ничего.

— Да, — откликнулась Корри из спального мешка. — Мы же тут от всего отрезаны. В мире вокруг может произойти что угодно, а мы и не узнаем ничего.

— Ну, думаю, это и хорошо, — предположил Кевин.

— Представьте, что, пока мы ушли на несколько дней, началась ядерная война и ничего нигде не осталось, а мы теперь единственные выжившие, — заговорила Корри. — Кто-нибудь, бросьте мне батончик мюсли.

— Яблоко, клубника, абрикос? — спросил Кевин.

— Яблоко.

— Если бы началась ядерная война, мы бы не выжили, — сказала Фай. — Вся эта гадость уже сползла бы на нас. Как лёгкий дождь с небес. А мы бы и не заметили ничего.

— Помнишь ту книгу, что мы читали в прошлом году на уроках английского? — спросил Кевин. — Как-то она... на «Кс», что ли, начинается...

— На «З». «Захария».

— Точно, она! Хорошая вещь. Единственная приличная книга, что мы там читали.

— Нет, а если серьёзно, — сказала Робин, — как вы думаете, зачем летали эти самолёты?

— Возвращались с парада в День поминовения, — повторила Фай свою ночную версию. — Вы же знаете, там всегда что-нибудь такое бывает.

— Если бы кто-нибудь задумал вторжение, лучше дня не выбрать, — сказал Ли. — Все веселятся и празднуют. И армия, и военный флот, и воздушные силы устраивают парады в городах, всякие представления. А кто охраняет страну?

— А я бы это сделал на Рождество, — возразил Кевин. — В середине дня, когда все спят.

Наверное, это была самая обычная болтовня, но почему-то она заставила меня занервничать. Я встала и ушла к ручью, где обнаружила Гомера. Он сидел на выступе берега и плоским камешком перебирал гальку.

— Что это ты делаешь? — спросила я.

— Ищу золото.

— А ты что-нибудь об этом деле знаешь?

— Нет.

— Нашёл что-то?

— Ага, целую кучу. И складываю всё за деревьями, чтобы никто не увидел.

— Весьма эгоистично.

— Ну, я такой и есть. Ты же меня знаешь.

В одном Гомер был прав: я действительно хорошо его знала. Он мне как брат. Будучи

соседями, мы выросли вместе. И хотя у него имелось множество дурных привычек, эгоистом он никогда не был.

— Эй, Эл! — заговорил Гомер, когда я уже несколько минут сидела рядом с ним и наблюдала за его раскопками.

— Да?

— Что ты думаешь о Фай?

Я чуть не свалилась в ручей. Когда вам задают такой вопрос, да ещё таким тоном, это может означать лишь одно. Но услышать подобное от Гомера! Он ведь восхищался только женщинами на картинках в журналах! А к настоящим девушкам относился как к пустому месту.

Да ещё и Фай, не кто-нибудь!

Но всё же мне хотелось ответить на его вопрос, не обидев его.

— Мне нравится Фай. Она иногда кажется... такой безупречной.

— Да, знаешь, ты, наверное, права...

Гомер явно смутился, сделав такое признание, и ещё несколько минут перебирал камни в поисках золота.

— Наверное, она думает, что я изрядное трепло? — произнёс он наконец.

— Я не знаю. Представления не имею, Гомер. Но не думаю, что ты ей противен. Вы вчера вечером болтали, как парочка старых попугаев.

— Ну да... — Гомер откашлялся. — Я как раз тогда в первый раз... я как-то понял... Ну, впервые по-настоящему её заметил. С тех пор, как был маленьким. Я всегда думал, что она просто самодовольная воображала. Но она не такая. Она действительно хорошая.

— Это я и сама могла бы тебе сказать.

— Да, но, понимаешь, она живёт в большом доме и разговаривает, как миссис Гамильтон, а я и мои родные... я хочу сказать, мы для таких людей, как она, просто греки-крестьяне...

— Фай не такая. Ты должен дать ей шанс.

— Не сомневайся, я ей дам шанс. Проблема в том, что я не знаю, даст ли она шанс мне.

Гомер задумчиво уставился на гальку и, вздохнув, поднялся на ноги. И вдруг его лицо изменилось. Гомер покраснел и принялся вертеть головой, как будто его башке стало неудобно на шее, которая столько лет скрепляла её с туловищем. Я огляделась, пытаюсь понять, что его так взбудоражило.

Это оказалась Фай — она шла к ручью, чтобы почистить свои безупречные зубы. Невозможно было удержаться от улыбки. Я уже видела людей, которых внезапно поразила любовь, но никогда не думала, что такое может произойти с Гомером. А уж то, что его предметом стала Фай, и вовсе ошеломило меня. Я совершенно не представляла, что она могла об этом подумать и как отреагировать. Мне пришло в голову лишь одно: Фай, наверное, сочла бы всё это отличной шуткой, вежливо и быстро послала бы Гомера куда подальше, а потом вместе со мной от души посмеялась надо всем. Нет, она бы стала смеяться не от грубости — просто никто не мог слишком серьёзно отнестись к Гомеру. Он заставлял людей думать, что у него вообще нет чувств, и часто повторял: «У меня сердце из радия, ему нужно пять тысяч лет до полного распада. Что, я женоненавистник? И это всё, что вы можете придумать? Ну, есть варианты и поинтереснее».

Девчонки злились всё сильнее и сильнее, а Гомер смеялся и продолжал их дразнить.

Все прекрасно понимали, что он делает, но удержаться не могли.

В общем, через какое-то время мы начали ему верить, когда Гомер говорил, что он слишком крут, чтобы обладать чувствами. И казалось забавным, что именно Фай, наиболее хрупкая из всех девушек нашего возраста, как будто заставила его раскрыться, если это действительно было так.

Я немного прошлась в обратную сторону по тропе, к последней из Ступеней Сатаны. Солнце уже нагрело гигантскую гранитную стену, и я прислонилась к ней, полузакрыв глаза, думая о нашем походе, о тропе, о человеке, который её построил, и обо всём этом месте, называемом Ад. Почему люди называют провал Адом? Я не понимала. Да, все эти скалы и камни и вся эта растительность выглядели совершенно дикими. Но это же не означает ад. Дикие места зачаровывают, они труднодоступны и прекрасны. Никакое место не представляет собой ад, никакое место не может быть адом. Это люди так говорят, и причина здесь лишь одна. Люди имеют обыкновение вешать ярлыки на разные места, а потом уже никто не в состоянии видеть всё правильно. Каждый раз, когда они смотрят на такое место или думают о нём, первое, что они замечают, это большой ярлык, сообщающий: «Частная школа», или «Церковь», или «Мечеть», или «Синагога». И, увидев обозначение, больше этим местом не интересуются.

То же самое было и с Гомером, он как будто все эти годы носил на шее большой ярлык, а я, как последняя дурочка, продолжала его читать. Звери и те умнее. Они не умеют читать. Собаки, лошади, кошки — им наплевать на всякие ярлыки. Они пользуются собственными мозгами, у них есть своё суждение.

И название «Ад» не имело никакого отношения к этому месту, всё придумали люди. Может, люди как раз сами и есть ад.

Мы объедались и разленились, отдыхая на этой поляне. Каждый день кто-нибудь говорил: «Ладно, сегодня мы уж точно поднимемся наверх, это будет отличная прогулка», и все соглашались: «Да, согласен», «Да, мы уж слишком здесь задержались», «Да, хорошая идея».

Но почему-то никто не спешил эту идею осуществить. Обеденное время подползало незаметно, а потом как-то хотелось вздремнуть, кто-то немножко читал или бродил вдоль ручья, а потом вдруг день подходил к концу. Мы с Корри, наверное, были самыми энергичными. Мы предприняли несколько прогулок обратно к мосту, к разным скалам, чтобы поговорить наедине. Мы болтали о мальчиках и просто о друзьях, о школе и родителях, ну, обо всех обычных предметах. Мы решили, что когда окончим школу, то полгода будем зарабатывать деньги, а потом вместе отправимся за море. Мы искренне желали этого.

— Я хочу уехать на много-много лет, — мечтательно говорила Корри.

— Корри! Да ты затосковала по дому, когда мы были в школьном лагере для младших, летом, всего-то четыре дня!

— Это не было настоящей тоской по дому. Просто Ян и его дружки слишком меня доставали.

— Ой, они настоящие чудовища! Я их просто ненавидела.

— Помнишь, как они нас бомбардировали растопкой? Они просто сумасшедшие. Но всё-таки с тех пор они исправились.

— Нет, Ян всё такой же балбес.

— Ну, теперь я ничего не имею против него. Он нормальный.

Корри умела прощать гораздо быстрее, чем я. Была более терпимой.

— А родители отпускают тебя на другой континент? — спросила я.

— Не знаю. Могут отпустить, если я буду долго к ним приставать.

— Твоих родителей легче уговорить.

— Да и твоих нетрудно.

— Иногда и мне так кажется. Но это только когда папа в настроении. А он ведь ужасный женоненавистник. Что мне пришлось вытерпеть, чтобы меня отпустили на этот раз! Если бы я была мальчиком, никаких проблем бы не возникло.

— Ну-у... Мой папа в общем неплох. Я его перевоспитала.

Я улыбнулась. Большинство людей недооценивают Корри. Она просто тихо, незаметно воздействует на людей, пока не получит то, что ей нужно.

Мы принялись обдумывать будущие маршруты. Индонезия, Таиланд, Китай, Индия, потом Египет. Корри хотелось оттуда отправиться в Африку, но я жаждала попасть в Европу. Корри считала, что должна увидеть всё, вернуться домой, выучиться на сиделку, а потом отправиться работать в страну, где она была бы нужнее всего. Я ею восхищалась. Лично меня куда больше интересовали деньги.

В общем, так и шло время. Даже в наш последний день, когда уже кончалась еда, никому не хотелось проделывать обратный путь к «лендроверу» за новыми запасами. Вместо того мы импровизировали и смешивали вместе то, что в других условиях выбросили бы в

мусор. Мы ели то, что я и курам бы не стала давать. У нас не осталось ни масла, ни сухого или консервированного молока, потому что мы все его давно высосали, в первый же день. Даже фруктов, чая и сыра не осталось. И шоколада — а вот это уже было серьёзно. Но не настолько серьёзно, чтобы заставить нас оторвать от места свои задницы.

— Если бы у нас был шоколад, — объяснял Кевин, — у меня хватило бы энергии взобраться наверх и принести из «лендровера» что-нибудь ещё. А так... не думаю, что я смогу одолеть хотя бы первую ступень.

И все мы думали так же.

Гомер продолжал восхищаться Фай, ему постоянно хотелось говорить со мной о ней, и он старался как бы случайно оказаться поблизости от неё, но при этом отчаянно краснел каждый раз, когда она с ним заговаривала. А вот Фай меня разочаровывала. Она вообще не желала обсуждать со мной всё это и даже делала вид, что не понимает, о чём я говорю, хотя не понять мог только впавший в кому болван.

Но в общем мы семеро провели эти пять дней без каких-либо серьёзных споров, что было очень хорошо. Ну, должна признать, немножко мы всё-таки спорили. Даже ссорились. Был момент, когда Кевин набросился на Фай из-за того, что та совсем не готовит еду и не моет котелок. Это было сразу после Великой змеиной истории, — думаю, Кевин был смущён тем, что не слишком оправдал общее доверие. Его колбасный сюрприз тоже вызвал недовольство, так что он, наверное, почувствовал себя задетым. Но ведь все замечали, что Фай вдруг исчезает, когда нужно поработать, так что Кевин не слишком-то ошибался.

Ну и ещё время от времени Корри кричала во всё горло: «Это не смешно, Гомер!» — когда он, например, плескал холодной водой в её спальный мешок или жестоко обходился с каким-нибудь крупным жуком, а потом совал ей за ворот паука или когда он вырвал последнюю страницу из её книги и спрятал, так что Корри не смогла узнать, чем дело кончилось. Корри была одной из любимых жертв Гомера: ему стоило лишь показать ей красную тряпку — и она тут же бросалась в бой. Каждый раз. Повезло Гомеру, что Корри не помнит зла.

И если я хочу быть честной до конца, то должна признать, что тоже раз-другой вызвала у кого-нибудь раздражение. Кевин мне говорил, что я строила из себя всезнайку, рассуждая о том, как обращаться с костром. На самом деле костёр не раз доставлял мне немало трудностей. Наверное, я уж слишком старалась. Когда огонь немного угасал или дым начинал тянуться не в том направлении, а котелок висел боком, я тут же бросалась к огню с палкой, «поправляя» его. Ну, то есть это я так называла свои действия. Остальные говорили, что я «черт знает чем занимаюсь».

А самый жаркий спор, в который я ввязалась, был воистину глупым. Ну, не знаю, возможно, все споры воистину глупы. Мы заговорили о цветах автомобилей, о том, какие краски сильнее бросаются в глаза, а какие меньше. Кевин сказал, что самый броский цвет — белый и наименее заметный — чёрный. Ли стоял на жёлтом и зелёном, а я заявила, что это красный и хаки. Не помню, что говорили остальные, но вдруг все ужасно разгорячились.

— А почему, как ты думаешь, «скорая помощь» и полицейские машины всегда белые?! — почти кричал Кевин.

— А почему, как ты думаешь, пожарные машины всегда красные? — кричала я в ответ.

— А почему тогда так много жёлтых такси? — Ли тоже повысил голос, хотя и не думаю, что его действительно это взволновало.

И это продолжалось и продолжалось. Я считала, что стою на твёрдой почве, защищая цвет хаки, ведь именно этот цвет использует армия, но Кевин рассказал какую-то длинную историю о том, как он чуть не столкнулся с какой-то чёрной машиной через неделю после того, как получил права.

— Это не доказывает, что чёрный цвет трудно заметить, — возразила я. — Это говорит только о том, что тебя не следовало выпускать на дорогу!

Совершенно не помню, чем закончился этот спор, а это также доказывает его бессмысленность.

Но в ту последнюю ночь, когда мы сидели вокруг костра, играя в «ужасную исповедь», Робин вдруг заявила:

— А мне не хочется возвращаться. Это лучшее место в мире, и это была наилучшая неделя.

— Да, — вздохнул Ли, — здорово было.

— А я жду не дождусь, когда наконец смогу принять горячий душ, — сказала Фай. — И нормально поесть.

— А давайте это повторим, — предложила Корри. — Вернёмся сюда, на это же место, в той же компании.

— Да, точно, — поддержал Гомер, явно думая о том, чтобы ещё пять дней провести, восхищаясь Фай.

— И никому об этом месте не расскажем, — сказала Робин. — А то сюда все потащатся и быстро тут всё испортят.

— Здесь отличное место для лагеря, — поддержала я. — Но в следующий раз нам надо всерьёз поискать, где жил тот Отшельник.

— У него прямо здесь могла быть какая-то хижина, просто она уже развалилась, — предположил Ли.

— Но он же так здорово построил мост. Вряд ли он свой дом построил бы хуже.

— Ну, может, он жил в какой-нибудь пещере или ещё где-то.

Мы вернулись к игре, но я ушла спать до того, как меня вынудили признаться во всём том, чем мы занимались со Стивом. Я решила, что я уже и так сказала достаточно, поэтому постаралась исчезнуть вовремя. Но заснуть не смогла. Я уже говорила, что обычно спала как сурок, но в последние ночи сон ко мне не шёл. К собственному удивлению, я осознала, что мне хочется поскорее вернуться домой, узнать, как там дела, убедиться, что всё в порядке. Меня терзала непонятная тревога.

Утром все начали собираться спозаранку, но, как это обычно бывает, девяносто процентов дел вы можете сделать в первый час, зато остальные десять процентов растягиваются по меньшей мере часа на два. Это «Закон Элли». В общем, было уже почти одиннадцать часов, когда мы были готовы двинуться в обратный путь. Солнце начинало пригревать. Мы в последний раз проверили, хорошо ли погашен костёр, с сожалением окинули взглядом нашу тайную поляну — и отправились.

Подъём был крутым, и вскоре мы начали понимать, почему нам не слишком хотелось отправиться назад к Тейлор-Стич, ведь идти придётся целый день. Нас прежде всего подталкивало вперёд желание — кроме желания Фай принять горячий душ и нормально поесть — узнать, где же эта тропа выходит наверх. Непонятно, почему мы — и множество других людей за долгие годы — умудрились её не заметить. И потому мы продолжали тащиться по тропе, потая и ворча на самых трудных участках, иногда подталкивая друг друга,

когда пробирались сквозь узкую щель в Ступенях Сатаны. Я заметила, что Гомер постоянно держится поближе к Фай, поддерживая её, когда ему это удаётся, и что та ему улыбается, отчего он сразу краснеет. А что, может быть, Гомер действительно ей нравится, думала я. Или её просто забавляет, что он крутится рядом? Гомеру это пошло бы на пользу. Одна девушка могла отомстить ему за всех нас.

Наши рюкзаки стали намного легче, поскольку мы почти всё съели, но всё равно через какое-то время они стали казаться нам такими же тяжёлыми, как прежде. Но мы ведь должны были уже скоро добраться до гребня, и это нас воодушевляло. Вот только вопрос был в том, насколько мы близки к концу пути. Тропа внезапно повернула от Ступеней Сатаны и растворилась на голой части склона, на месте давней осыпи. Мы в первый раз очутились на открытом месте с того момента, как покинули наш лагерь. И нам понадобилось несколько минут, чтобы снова отыскать тропу по другую сторону осыпи, потому что там она стала более узкой и незаметной. Тропа шла по открытому месту, но для того, кто стоял бы на гребне, она оставалась невидимой. Да если бы кто-то на неё и наткнулся, то, скорее всего, принял бы за звериную тропку.

Но тропа упорно поднималась вверх и наконец закончилась у огромного эвкалипта, рядом с горой Вомбегону. Последнюю сотню метров нам пришлось пробираться через такие густые заросли, что мы были вынуждены сгибаться вдвое, чтобы пройти там. Это было похоже на какой-то туннель, но устроено весьма умно, потому что люди, смотрящие с Вомбегону, увидели бы только непроходимый кустарник.

Эвкалипт стоял у основания нагромождения голых камней, которые тянулись отсюда до вершины Вомбегону. Дерево было весьма необычным, потому что имело несколько стволов, исходящих от одного корня, — видимо, они каким-то образом разделились в самом начале роста и теперь росли чашей, как лепестки мака. И тропа на самом-то деле заканчивалась прямо в середине этого дерева, она хитроумно заманила нас в чашу, нырнув под одним из стволов. Чаша эта была так велика, что мы всемером без труда устроились в ней. По обе стороны от дерева и внизу под ним мы видели дикие заросли Ада, наверх уходили голые камни, на которых, как сказала Робин, не могло остаться никаких следов. В общем, местечко было спрятано идеально.

Мы немножко отдохнули, но не слишком долго, потому что у нас практически не осталось еды и мы оказались слишком ленивы, чтобы взять с собой воды из ручья. А до нашего преданного «лендровера» идти было ещё минут сорок. Но в конце концов мы дошли до него, машина стояла там же, где мы её оставили, притаившись под тенистыми деревьями, терпеливо ожидая нас. Мы с восторженным криком подбежали к «лендроверу» и первым делом набросились на воду, а уж потом на еду; мы слопали даже ту здоровую пищу, от которой с пренебрежением отказались пять дней назад. Просто удивительно, как быстро могут меняться ваши предпочтения. Я помню, как однажды слышала по радио рассказ о том, как в конце Второй мировой войны военнопленные в момент их освобождения были благодарны за любую кроху еды, а уже через два дня жаловались на то, что им дают куриную лапшу, а не томатный суп.

Так и с нами было... и гак оно и есть. В тот день возле «лендровера» я мечтала о мороженом, которое выбросила из холодильника неделю назад, потому что в нём было слишком много кристалликов льда. А в этот момент всё бы отдала за то, чтобы это мороженое очутилось в моих руках. Просто поверить не могу, с какой лёгкостью я его выбросила. Но думаю, что, очутившись дома, через час-другой могла бы снова его

выбросить.

Когда мы добрались до машины, то всем как будто снова расхотелось возвращаться домой. День был жаркий, душный, по небу плыли низкие облака. Мы совсем не видели берега. Погода была из тех, что совершенно лишает вас энергии. Впрочем, ко мне это не совсем относилось. Я по-прежнему чувствовала себя непонятно, мне хотелось поскорее вернуться, убедиться, что ничего не случилось. Но этим утром Робин сказала мне, что я держусь уж очень по-командирски. Меня немного задело её замечание, в особенности потому, что сказала это именно Робин, которая обычно никому не говорила неприятного. Так что я помалкивала, пока все растянулись на солнышке, разомлев от количества съеденного.

Немного погодя Кевин и Корри исчезли, уйдя вниз по дороге. Гомер улёгся так близко к Фай, как только осмелился, но она, похоже, не обращала на него никакого внимания. Я немножко поболтала с Ли о том, как идут дела в ресторане, каково это — там работать. Мне было интересно. Я даже не догадывалась, что это такое трудное дело. Ли сказал, что его родители никогда не пользуются микроволновками или другими современными приспособлениями, а всё готовят исключительно традиционным способом... и это означало невероятно много работы. Отец Ли отправлялся на рынок дважды в неделю, выезжая в половине четвёртого утра. Когда я всё это услышала, то решила: иметь свой ресторан — не для меня.

Наконец мы всё же снялись с места, а по дороге, примерно через километр, подобрали Кевина и Корри. Мы ехали вниз приблизительно с той же скоростью, что и вверх. Но теперь перед нами раскинулась вся долина, и мы с удивлением увидели далеко вдали шесть отдельных пожаров. Два выглядели довольно большими. Однако пора пожаров в буше ещё не пришла, а время пала сухой травы давно миновало. Впрочем, никаких других странностей мы не увидели, к тому же огонь горел достаточно далеко от наших домов.

У реки большинство проголосовало за то, чтобы искупаться, поэтому мы снова надолго, больше чем на час, остановились. Я уже начинала не на шутку нервничать, но ничего не могла сделать, чтобы заставить остальных поторопиться. Я поплавала всего пять минут, а Ли вообще не стал купаться, и потому я, выйдя из воды, снова устроилась рядом с ним, чтобы поболтать. Довольно скоро я сказала:

— Хоть бы они поскорее собрались ехать. Что-то мне уж очень хочется домой.

Ли посмотрел на меня и спросил:

— Почему?

— Не знаю. У меня какое-то странное настроение. Дурное.

— Да, ты выглядишь встревоженной.

— Может, это из-за тех пожаров? Что бы они значили?

— Но ты была напряжена почти всю дорогу.

— Да? Наверное. Не знаю, в чём дело.

— Знаешь, что странно? — сказал Ли. — Я тоже беспокоюсь.

— Ты? По тебе не скажешь.

— Стараюсь не показывать.

— Ну, в это я вполне верю. — И, немного помолчав, я добавила: — Может быть, ты чувствуешь себя виноватым? Мне, например, жаль, что мы пропустили ярмарку. Мы ведь приготовили для выставки много животных. Папа считает, мы должны поддерживать традиции. Жуть как много времени понадобилось, чтобы их выкормить, выгулять и

вычесать, а потом ещё доставить на выставку. Папа много всем занимался, а я помогала вычёсывать их, но всё равно оставила ему массу работы.

— А вы возите скот на выставку просто ради поддержания традиции?

— Нет... На самом деле это очень важная выставка, в особенности для породы коров шароле. Ты заявляешь о себе как о серьёзном заводчике. А в наши дни реклама многое значит.

— Ну да, и в ресторанном деле то же самое... А, идут наконец!

И действительно, Робин и Фай, последние остававшиеся в воде, выбрались на берег, смеясь и рассыпая вокруг себя брызги. Фай выглядела просто фантастически, она отводила с лица мокрые волосы и двигалась с грацией белой цапли. Я украдкой глянула на Гомера. Кевин что-то ему говорил, и Гомер пытался сделать вид, что слушает, но сам отчаянно косился на Фай. А я, снова посмотрев на Фай, поняла, что та отлично это знает. Было нечто особенное в том, как она шла, и в том, как стояла в косых лучах солнца, — точно фотомодель во время сессии где-нибудь на пляже. Да, Фай всё замечала, и ей это нравилось.

От заводи до дома ехать около получаса. Не знаю, была ли я счастлива в тот день — напряжение и странные предчувствия становились всё сильнее и сильнее, — но знаю, что с тех пор я уже никогда не была счастлива.

Собаки мертвы. Это было моей первой мыслью. Они не прыгали вокруг и не лаяли, когда мы подъезжали, и не стонали от счастья, когда их гладили. Они просто лежали рядом со своим вольером, над ними кружили мухи. Глаза у собак были красными, в них застыло отчаяние, а морды покрывала засохшая пена. Я привыкла к тому, что они всегда натягивали цепи до предела, прыгали как сумасшедшие, едва завидев меня. Но теперь их цепи, хотя и натянутые, лежали на земле, а на шеях собак, там, где были ошейники, виднелась кровь. Из пяти собак четыре были совсем ещё молодыми щенками. Они всегда пили из одной большой миски, но теперь она оказалась перевернута и лежала на боку, пустая, сухая. Я в полном ужасе быстро проверила их: все мертвы. Я побежала к Милли, их старой мамаше, которую мы отделили от молодёжи, потому что щенки уж очень её доставали. Её миска стояла как обычно, и в ней было немного воды. Когда я подошла ближе, Милли вдруг едва заметно вильнула хвостом и даже попыталась встать. Я была потрясена тем, что собака до сих пор жива, я ведь уже убедила себя, что и она тоже должна была погибнуть.

Самым разумным в тот момент было бы оставить Милли и помчаться в дом, потому что я же прекрасно понимала: таких ужасов не могло случиться только с собаками, если чего-то ещё более ужасного не случилось с моими родителями. Но все рациональные мысли куда-то пропали. Я сняла с Милли цепь, и старая собака, шатаясь, поднялась на ноги, но тут же её передние лапы подогнулись. Я вдруг решила, что не могу больше тратить время на неё, — я уже сделала что могла.

— Послушай, помоги собаке! — крикнула я Корри и побежала к дому.

Но Корри уже шла туда же — она соображала быстрее, чем остальные ребята. Они стояли с потрясённым видом, лишь начиная осознавать, что дело неладно, но ещё не сделав выводов, к которым уже пришла я. А я сделала их слишком быстро, и это лишь усилило мой страх. Корри замялась, обернувшись к собакам, потом крикнула Кевину:

— Присмотри за собаками, Кев! — И побежала за мной.

В доме не было ничего особенного, но как раз это и показалось мне неправильным. В нём не было вообще никаких признаков жизни. Всё выглядело аккуратно прибранным. Но в это время дня на кухонном столе уже должна стоять еда, в раковине должны уже лежать несколько грязных тарелок, а телевизор должен быть включён... Но вокруг было тихо. Корри бесшумно вошла следом за мной:

— Боже, да что же такое случилось... — Это не было вопросом.

Тон её голоса испугал меня ещё сильнее. Я просто застыла на месте.

— А что с собаками? — спросила Корри.

— Они все мертвы, кроме Милли, да и та чуть жива.

Я оглядывалась по сторонам в поисках какой-то записки, записки для меня, но ничего не находила.

— Давай кому-нибудь позвоним, — тихо сказала Корри. — Давай позвоним моим родителям.

— Нет. Позвони родителям Гомера, они ближе всех. Они должны знать.

Корри достала свой телефон и протянула трубку мне. Я нажала на кнопку включения и стала набирать цифры, но тут сообразила, что не слышу никаких звуков. Я прижала трубку к

уху. Тишина. Меня охватило новым страхом — страхом, какого я никогда прежде не испытывала.

— Ничего нет, — прошептала я.

— Ох боже... — снова выдохнула Корри.

Глаза у неё стали огромными, она заметно побледнела.

В кухню вошли Робин и Фай, а за ними и остальные.

— Что происходит? — спрашивали они. — Что случилось?

Вошёл Кевин, неся на руках Милли.

— Дай ей что-нибудь поесть, возьми в холодной кладовке, — сказала я.

— Я схожу, — откликнулся Гомер.

Я попыталась что-то объяснить, но запуталась и замолчала.

— Мы должны что-то сделать... — наконец произнесла я.

В этот момент вернулся Гомер с миской фарша, от которого жутко пахло.

— Электричества нет, в холодильнике всё протухло, — сказал он. — Воняет жутко.

— Ужасно... — растерянно прошептала я, не понимая, что говорю.

Гомер лишь молча посмотрел на меня.

Робин пошла к телевизору, а Гомер и Кевин стали уговаривать Милли что-нибудь съесть. Мы наблюдали за Робин, которая пыталась включить телевизор, но тот не отзывался.

— Это очень странно, — произнесла она.

— А они не говорили, что куда-нибудь собираются? — спросила Фай.

Я и отвечать не стала.

— Ну, если твоя бабушка заболела... — предположила Корри.

— И поэтому они отключили электричество? — язвительным тоном произнесла я.

— Может, какая-то авария? — высказался Кевин. — Может, энергии нет с того дня, как они уехали?

— Они бы оставили мне записку! — огрызнулась я. — И не оставили бы собак погибать.

Наступило молчание. Никто не знал, что тут сказать.

— В общем, я никаких объяснений всему этому не нахожу, — пробормотала Робин.

— Как будто летающие тарелки тут побывали, — сказал Кевин. — Как будто их пришельцы унесли. — И тут же, видя выражение моего лица, поспешил добавить: — Я вовсе не пытаюсь шутить, Элли! Я понимаю — случилось что-то очень плохое. Я просто пытаюсь понять, что это могло быть.

Ли что-то шепнул Робин. Я даже спрашивать не стала, о чём они там шепчутся. Потому что, когда увидела неприкрытый ужас на лице Робин, спрашивать мне не захотелось.

Я сделала огромное усилие, чтобы взять себя в руки.

— Давайте вернёмся к «лендроверу», — предложила я. — И собаку с собой возьмём. Поедем к Гомеру.

— Погоди-ка, — сказал Ли. — У вас тут есть транзистор? На батарейках.

— Э-э-э... да, только я не знаю, где он, — ответила я, испуганно глядя на него.

Я всё ещё не знала, что у него на уме, но мне не нравилось его лицо, а ещё больше мне не нравилось лицо Робин.

— А что?

Но мне не хотелось, чтобы он отвечал.

— У меня там, в машине, есть приёмник, — сказала Робин.

Ли повернулся к ней:

— Ты слышала хоть один выпуск новостей с тех пор, как мы уехали?

— Нет. Я несколько раз пыталась поймать какую-нибудь радиостанцию, но ничего не вышло. Я думала, это скалы вокруг Ада мешают приёму.

— Ты можешь найти своё радио? — спросил меня Ли.

— Наверное...

Я побежала в свою спальню. Мне не хотелось вот так попусту тратить время; я бы лучше поехала к Гомеру и бросилась к доброй миссис Яннос, обняла её и чтобы она всё объяснила и всё оказалось просто какой-то ошибкой. Но Ли явно думал о чём-то страшном, и я не могла этого игнорировать.

Я вернулась с радиоприёмником, включила его уже в коридоре и стала искать какую-нибудь станцию. К тому времени, когда я дошла до кухни, я уже проверила всю шкалу, но слышала только шум. Наверное, слишком быстро вертела колёсико настройки, подумала я, ведь я всегда тороплюсь. Я начала поиск заново, а остальные тревожно наблюдали за мной, ничего не понимая. На этот раз я двигалась по шкале медленно и аккуратно... но результат был тем же самым: ничего.

Теперь уже мы все по-настоящему испугались. Мы смотрели на Ли, как будто ожидали, что он каким-то чудесным образом найдёт объяснение. А он просто покачал головой.

— Я не знаю, — сказал он. — Давайте поедem к Гомеру.

Но с «лендрровером» получилось так же, как с радиоприёмником. Я с такой энергией попыталась тронуть его с места, с такой силой выжала сцепление, что Кевин, всё ещё державший на руках Милли, чуть не уронил её. Машина скакнула с места, как кенгуру, и замерла. Я буквально услышала голос бабушки: «Чем больше торопишься, тем хуже получается».

Я глубоко вздохнула и повторила попытку, на этот раз спокойнее. И получилось лучше. Мы выехали из ворот и поехали по дороге, а я сказала Гомеру:

— Забыла кур проверить...

— Ничего, Элли, — ответил он. — Всё будет нормально. Мы разберёмся.

Но при этом он не смотрел на меня, а просто вытянулся вперёд на сиденье, тревожно всматриваясь через ветровое стекло.

Дом Гомера находился примерно в полутора километрах от нашего.

Подъезжая, мы хотели увидеть там лишь одно, только одно — движение.

Но его не было. Когда мы проезжали мимо загона для скота, я нажала на сигнал, заставляя его буквально реветь, пока наконец Ли не произнёс настойчиво из-за моей спины:

— Не надо, Элли!

И я снова побоялась спросить почему, но сигналить перестала. Мы резко остановились перед парадной дверью, Гомер стремительно выскочил из машины и побежал к дому. Он распахнул дверь и закричал:

— Мама! Папа!

Но ещё до того, как я спрыгнула с водительского сиденья, тишина в доме послужила мне ответом.

Я пошла к двери. И тут же услышала, как заработал мотор «лендрровера» за моей спиной. Я обернулась. За рулём сидел Ли. Я наблюдала за ним. Он был ужасным водителем, но всё-таки сумел сдвинуть машину с места и отвести в тень под огромным старым перечным деревом, за большим водяным баком. И тут внезапно мне вспомнились разговоры в Аду.

Вдруг я всё поняла, и мне стали ненавистны эти воспоминания. Ли вылез из машины и пошёл ко мне, к парадной двери дома.

— Ли! — закричала я. — Ты ошибаешься! Прекрати всё это! Прекрати о таком думать! Ты ошибаешься!

Робин подошла ко мне и схватила за руку.

— Может, он и ошибается, — проговорила она. — Но радио... — Потом немного помолчала. — Возьми себя в руки, Элли. Пока мы не узнаем всего.

Мы вместе вошли в дом. Когда мы миновали дверь и окунулись в мёртвую тишину, Робин добавила:

— Молись, Элли. Как следует молись. Я молюсь.

Я услышала из глубины дома какой-то рёв и поспешила на задний двор. Там я увидела мрачного Гомера, пытавшегося подоить их корову. Молоко сочилось из её вымени, корова топталась на месте и редела, когда Гомер прикасался к ней.

— Ты умеешь доить, Элли? — тихо спросил Гомер.

— Нет, Гомер, извини... Я так и не научилась. Спрошу у других.

Когда я возвращалась обратно, он крикнул мне вслед:

— Там в гостиной попугай, Элли!

— Ладно, — откликнулась я и побежала.

Но Корри уже нашла попугая, он оказался жив, хотя в его поилке почти не было воды. Мы принесли ему напиток, и попугай принялся глотать воду, как папа глотает первую порцию пива после стрижки овец.

— У вас ведь дома есть дойная корова? — спросила я Корри. — Можешь пойти на задний двор помочь Гомеру?

— Конечно, — кивнула она и ушла.

Мы все продолжали действовать с неестественным спокойствием. Я знала, как страшно Корри и остальным, как они теперь боялись за своих родных, но пока что мы ничего не могли для них сделать.

Я унесла попугая в кухню, там Ли в этот момент вешал телефонную трубку. Я вопросительно подняла брови, Ли качнул головой. Через мгновение в кухню вошёл Гомер.

— Там, в конторе, есть вэ-эр, — сказал он, ни на кого не глядя.

— Что за вэ-эр? — спросила Фай.

А я и не заметила, что она стояла в дверях кладовой.

— Высокочастотная рация, на случай пожаров, — коротко ответил Гомер.

— А ею можно пользоваться? — спросила Робин.

— Не знаю, — бросил Гомер. — Кто вообще что-то знает?

Мне ужасно хотелось всех убедить в том, что всё на самом деле не так, и я заговорила:

— Но это глупо. Я знаю, о чём вы думаете, но это же совершенно невозможно. Абсолютно невозможно. Такого просто не бывает, только не здесь, только не в этой стране! — И тут с внезапно вспыхнувшей надеждой я кое-что вспомнила. — Те пожары! Они, наверное, просто борются с пожарами! Должно быть, там очень сильно горит, вот они и не могут вернуться!

— Элли, это были совсем другие пожары, — возразил Гомер. — Ты и сама знаешь. Ты знаешь, как выглядят большие опасные пожары.

— Я не слишком много знаю о таких вещах, — начал Ли, — но разве такая рация не должна просто гудеть от переговоров, если начинается большой пожар?

— Да! — ответил Гомер.

— Но электричества-то нет, — напомнила Фай.

— Там большой запас батареек, — сказала я.

Мы помчались за Гомером и набились в маленькую контору. Гомер вывернул на всю ручку громкости, но это было ни к чему. Комнату наполнил ровный гул.

— А ты все частоты проверил? — тихо спросила я.

Гомер с несчастным видом кивнул. Мне хотелось его обнять, и я посмотрела на Фай, проверяя, не хочется ли ей сделать то же самое, и тут только сообразила, что она куда-то вышла.

Минуту спустя Гомер заговорил:

— Как вы думаете, мы должны отправить какое-то сообщение по рации?

— Что скажешь, Элли? — спросил Ли.

Я понимала, что должна в этот момент учесть все возможности. Я вспомнила, как была накалена обстановка в стране перед тем, как мы уехали, как ругались и кричали вокруг политики. Стараясь думать спокойно, я ответила:

— Единственное, из-за чего мы могли бы послать сообщение, — помощь нашим родным. Если им что-то грозит, если они в опасности. Но тогда и все остальные в той же лодке. А значит, власти должны об этом знать. Так что мы не поможем родным, отправляя сообщение... Другая причина — если нам отчаянно хочется всё узнать. Но тут приходится признать, что так мы можем навлечь опасность на самих себя... — Я старалась говорить как можно более ровным тоном. — А если случилось что-то ужасное... если люди вокруг...

— И каков вывод? — спросил Ли.

— Думаю, мы не должны посылать никаких сообщений, — грустно ответила я.

— Согласен, — кивнул Гомер.

— Я тоже, — решил Ли.

— Ну, тогда пора ехать к Корри, — сказал Гомер. — И к Кевину. А я даже не знаю, где живёт Робин.

— У самого города, — ответила я.

— Тогда географически Корри и Кевин — первые.

Гомер посмотрел на Ли, и тот молча кивнул. Он уже вычислил, кто будет последним в очереди.

Мы вернулись в кухню почти одновременно с Корри, которая принесла ведро молока. Молоко очень плохо пахло. И было похоже на мешанину из сырых яиц. С Корри пришёл Кевин. Они держались за руки. Я налила немного молока в салатницу и предложила его Милли, которая наконец-то начала проявлять признаки жизни. Милли понюхала молоко и принялась жадно лакать.

Кевин обратился к Гомеру:

— Ты не против, если мы поедem по домам всё проверить? Мы можем и сами, если у нас будет какая-то машина или... — Он посмотрел на меня. — Или «лендровер».

— Папа сказал, что только мне можно... — начала было я, но тут же умолкла, сообразив, как глупо это прозвучало.

Но я уже истратила свои логические способности в конторе Янносков.

Тогда заговорила Робин:

— Мы должны подумать, ребята. Я понимаю, нам всем хочется куда-то бежать, но сейчас тот случай, когда мы не можем поддаваться чувствам. Слишком многое поставлено

на кон. Даже сами жизни. Мы должны признать, что случилось нечто по-настоящему ужасное. Если мы ошибаемся, то сможем потом посмеяться над этим, но мы должны признать, что все не ушли вдруг в паб и не отправились отдохнуть где-то.

— Конечно, это что-то ужасное! — закричала я. — Или ты думаешь, что мой папа оставил бы собак вот так умирать? Ты что, действительно думаешь, что завтра я смогу над этим посмеяться?! — Я кричала и плакала одновременно.

Потом последовала пауза, и вдруг все перестали владеть собой. Робин зарыдала и крикнула:

— Да я совсем ничего такого не думала, Элли! Ты сама знаешь!

— Заткнитесь! — визжала Корри. — Все заткнитесь!

Кевин запустил пальцы себе в волосы и повторял:

— О боже, боже, да что же такое происходит?

Фай засунула руку в рот, как будто хотела её съесть. Она была такой бледной, что я даже подумала: она вот-вот потеряет сознание. И вдруг Гомер ляпнул совершенно дикую фразу:

— Фай, я слышал и раньше, что ты грызёшь ногти, но это же глупо!

Мы её уставились на Фай — а в следующее мгновение дружно захохотали. Это был истерический смех, но это был смех. У Ли катились слёзы по щекам, но наконец он смахнул их и быстро сказал:

— Давайте послушаемся Робин. Поедем ко всем.

— Прости, Робин, — сказала я. — Конечно, я понимаю, что ты не имела в виду...

— Ты меня тоже прости, — ответила она. — Надо было получше выбирать слова.

Робин глубоко вздохнула и сжала кулаки. Видно было, как она старается взять себя в руки, как иногда делала во время игры в нетбол.

— Послушайте, ребята, мне не хочется болтать лишнего, — наконец продолжила она. — Только мы должны быть очень осторожны. Если мы сейчас помчимся по округе, в семь разных домов, это может оказаться не слишком умно, вот и всё. Мы должны сначала кое-что решить, ну, например, лучше ли нам держаться всем вместе или разбиться на маленькие группы, как хотят сделать Кевин и Корри. И стоит ли нам пользоваться машинами. И нужно ли вообще куда-то отправляться при дневном свете. Ну, сейчас уже почти стемнело. И я для начала предлагаю, чтобы никто отсюда не выходил до полной темноты, а потом не пользоваться фонарями.

— Но как ты думаешь, что вообще произошло? — спросила я. — Ты согласна с Ли?

— Ну, — пожалала плечами Робин, — мы ведь не видим признаков того, что кто-то уходил из дома в спешке, как при каком-то несчастье. Все ушли уже несколько дней назад. И они явно собирались быстро вернуться. А что такого произошло несколько дней назад, после чего все должны были вернуться? Мы все знаем ответ на этот вопрос.

— День поминовения, — тихо произнесла Корри. — Ярмарка.

— Именно так.

— Гомер, — сказала я, — ты можешь как-то определить, вернулись ли твои родители с ярмарки? Ну, я хочу сказать, что, если бы я раньше об этом подумала, я бы поискала пару наших быков, которых папа собирался отвезти на выставку и которых не продал бы ни за какие деньги. Он бы ни за что не вернулся с ярмарки без них. Папа бы этих быков в спальне держал, если бы мама разрешила.

Гомер немного подумал.

— Ох да! — припомнил он. — Мамина вышивка по канве. Она к ней каждый год

добавляет что-то, везёт на выставку рукоделий, потом привозит обратно и вешает на Стену почёта. Сколько призов уже получила... Погодите-ка минутку...

Гомер выскочил наружу, а мы молча ждали. Он вернулся через несколько мгновений.

— Ничего нет, — пробормотал он. — Нет вышивки...

— Так, хорошо, — снова заговорила Робин. — Давайте предположим, что множество людей отправились на ярмарку и не вернулись обратно. Давайте предположим, что со Дня поминовения не работают телефоны и нет электричества, не выходят в эфир радиостанции и ещё произошло много пожаров. А те люди, что пошли на ярмарку, собирались вернуться, но не смогли. К чему это нас подводит?

— Но есть и ещё кое-что, — начал Ли.

Робин бросила на него взгляд.

— Да, — кивнула она.

Ли продолжил:

— В ночь накануне ярмарки со стороны побережья пролетели сотни самолётов, может, даже больше, чем сотни, и они летели низко на очень большой скорости.

— И без огней, — добавила я, впервые осознав этот важный момент.

— Без огней? — переспросил Кевин. — Ты этого не говорила.

— Я не обратила внимания, — пояснила я. — Знаешь, ведь как бывает, видишь что-то, но не осознаешь.

— Давайте ещё кое-что предположим, — сердито начала Фай. Выглядела она тоже сердитой. — Давайте предположим, что все ваши слова — абсолютная глупость!

Фай говорила точно так же, как говорила я сама в этой же комнате совсем недавно. Неужели и я сказала «абсолютная глупость»? Но теперь я уже начинала понимать ход мыслей Ли и Робин. Тот маленький факт, что самолёты летели без огней, сразу изменил мой взгляд. Ни одно воздушное судно, летящее в соответствии с законом по разрешённому маршруту, никогда не могло бы мчаться без огней. Мне бы вовремя это отметить... и я рассердилась на себя за то, что этого не сделала.

— Можно найти десятки разных объяснений! — продолжала Фай. — Десятки! Не знаю, почему вы их даже не рассматриваете!

— Хорошо, Фай, выкладывай, — согласился Кевин. — И побыстрее.

— Ладно, — кивнула Фай. — Первый номер. Они заболели. Отправились на ярмарку и съели или выпили там что-то испорченное. Они в больнице.

— Тогда бы сюда пришли соседи, чтобы присмотреть за всем, — возразил Гомер.

— А они тоже заболели.

— Это не объясняет того, почему не работает радио, — напомнила Корри.

— Значит, все заболели! — заявила Фай. — Это общенациональное несчастье, какая-то эпидемия.

— Это не объясняет самолётов, — сказала Робин.

— Они просто возвращались с парада в честь Дня поминовения, как мы и подумали сразу.

— Без сигнальных огней? И в таком количестве? Фай, я не уверен, что у нас вообще есть столько самолётов. Не думаю, что наши военно-воздушные силы настолько велики.

— Ладно, — согласилась Фай. — Тогда это может быть какая-то грандиозная авария в масштабах страны, и всем пришлось отправиться на помощь.

— А самолёты?

— Военный флот, они тоже спешили на помощь. А может быть, и из других стран прилетели.

— Тогда почему на них не горели огни?! — Робин уже кричала, выходя из себя, как во время трудной игры.

— Мы не можем этого знать! — тоже кричала Фай.

Фай — кричала? Прежде всего я почему-то подумала именно об этом. А она продолжала:

— Элли может и ошибаться! Была середина ночи. Она могла и не проснуться толком. Я хочу сказать, она ведь только теперь додумалась об этом упомянуть. Она не уверена!

— Я их видела, Фай, — ровным тоном произнесла я. — Я уверена. Просто в тот момент меня это почему-то не удивило. Но глаза-то видели. Просто мозг не отреагировал. Да и в любом случае Робин ведь тоже их видела. И Ли. Спроси у них.

— Мы их не видели! — огрызнулась Робин. — Мы их только слышали.

— Так, все успокойтесь! — вмешался Гомер. — Успокойтесь, или мы так ни к чему и не придём. Продолжай, Фай, что ещё?

— Не знаю, — ответила она. — Я просто думаю, что они бросились кому-то помогать. Может, китов выбросило на берег.

— И потому множество родителей умчались, не оставив даже записок? — спросил Кевин.

— Но вы же не знаете, сколько именно, — возразила Фай, — понятия не имеете! Может, это просто какая-то небольшая местная авария.

— Не забывай о радио, — напомнила Робин.

— Фай, это все никудышные теории, — снова заговорил Ли. — Но я не утверждаю, что ты не права. Может, и права, а самолёты — это просто совпадение, а радио можно объяснить сотней причин. Но что меня пугает до смерти, так это то, что только одна теория охватывает все факты разом, и почти безупречно. Помнишь наш разговор тем утром в Аду? Что День поминовения — идеальный момент для нападения?

Фай молча кивнула, по её лицу покатались слёзы. Мы все снова заплакали, даже Ли, хотя он и продолжал при этом говорить:

— Может быть, рассказы моей мамы заставили меня подумать об этом раньше, чем вас. И как уже говорила Робин, если мы ошибаемся... — Он с трудом произносил слова, его лицо искривилось, как от инсульта. — Если мы ошибаемся, то можешь потом смеяться как угодно долго и громко. Но пока что, пока что давайте считать, что это правда. Будем считать, что на страну напали. И я думаю, это может быть война.

Было ужасно тяжело дожидаться темноты. Мы смотрели в окна, то и дело повторяя: «Ладно, уже достаточно темно, идемте!» — но кто-нибудь тут же возражал: «Нет, погодите, ещё слишком светло!»

В том-то и проблема летнего времени: дневной свет слишком долго не угасает. Но мы решили действовать наверняка и держались этого решения.

Луна взошла поздно тоненьким полумесяцем, так что, когда мы наконец решили выйти, было и вправду достаточно темно. У нас была пара фонарей, которые сумел отыскать Гомер, но мы договорились не включать их без крайней необходимости. Мы уложили Милли на одеяло в кухне в доме Гомера. Она была слишком слаба, чтобы много ходить. Мы прошли по дороге примерно полтора километра, потом пересекли последний загон Янносов, чтобы сократить путь к дорожке, которая вела к дому Кевина. Я шла рядом с Гомером, но мы почти не разговаривали, и тут я вдруг вспомнила, что не спросила его о его собаках.

— У нас их только две осталось, — ответил он, — и их там не было. Не знаю, куда они могли убежать. Кажется, папа что-то говорил о том, что их нужно отвезти к ветеринару. У обеих жуткая экзема. Но не помню, точно ли он это говорил, или мне просто вообразилось.

Когда мы вышли на дорожку, Кевин припустил бегом. Оставалось ещё около двух километров, но мы, не обменявшись ни словом, побежали следом за ним. Кевин парень крупный, к бегу он совсем не приспособлен, так что он топал, как конь-тяжеловоз, но мы впервые не сумели его догнать. Кроме Робин.

Через какое-то время их стало не видно, но я слышала в темноте тяжёлое дыхание Кевина. Когда мы оказались ближе к дому, Ли крикнул:

— Кевин, ты там поосторожнее!

Но Кевин не ответил.

Я бы сказала, что он обошёл нас минуты на две или три, то есть они с Робин. Но смысла в том не было. Его дом выглядел точно так же, как дом Гомера и мой. Три мёртвые собаки на цепях, мёртвый какаду в клетке на веранде, два мёртвых ягнёнка на ступенях веранды. Но любимая комнатная собачка Кевина, породы корги, была заперта в доме с горой еды и миской воды, стоявшей в прачечной. Она была жива, но выбрала в качестве туалета одну из спален, так что в доме изрядно воняло. Собачка пришла в восторг, увидев Кевина. Когда мы вошли, она всё ещё облизывала его лицо, жалобно скуля, подпрыгивала, даже описалась от возбуждения.

Корри с мрачным лицом прошла мимо меня с мокрой тряпкой и кучей ветоши. Я давно заметила, что, когда Корри обуревают волнение, она начинает уборку. Очень полезная привычка.

Мы провели ещё одно короткое совещание. Похоже, и проблем, и вариантов действия было множество. Робин высказала отличную идею насчёт велосипедов — они движутся быстро и бесшумно, то есть представляют собой идеальный транспорт. У Кевина было два младших брата, так что мы тут же вывели из сарая три велосипеда. Гомер спросил, знаем ли мы кого-нибудь, кто не собирался на ярмарку, — он сообразил, что если мы найдём человека, оставшегося в тот день дома, это могло бы разрешить всю загадку. Ли сказал, что его родители вряд ли туда отправились; братья и сёстры — да, но не родители. Кевин заявил,

что возьмёт свою собачку Флип с собой. Он и подумать не мог о том, чтобы снова оставить её одну после того, что ей уже пришлось вынести.

Это была серьёзная проблема. Мы все сочувствовали собачонке, которую как будто привязали к ногам Кевина коротким поводком, но мы уже начинали всё больше и больше думать о собственной безопасности. Но наконец согласились взять собачку к Корри, а там уже окончательно решить, в зависимости от того, что найдём в её доме.

— Но, Кевин, — предупредил Ли, — возможно, нам придётся сделать неприятный выбор.

Кевин лишь кивнул в ответ. Он понимал.

Робин, додумавшаяся до велосипедов, в итоге почти всю дорогу до дома Корри пробежала трусцой. Мы ведь могли сесть на велосипеды только по двое, и она тут же заявила, что нуждается в тренировке. Гомер ехал с Кевином, а тот держал на руках Флип. Маленькая корги всю дорогу в экстазе любви и благодарности облизывала его лицо. Наверное, это выглядело бы забавно, если бы у нас ещё оставались силы для смеха.

Картина, которая навсегда запомнилась мне в доме Корри, была такой: Корри стоит одна посреди гостиной, заливаясь слезами. Потом вернулся Кевин, проверявший спальни; увидев её, он быстро подошёл и крепко обнял. Они просто стояли так несколько минут. Я прониклась к Кевину большим уважением за это.

По настоянию Робин мы согласились кое-как перекусить, прежде чем приступить к дальнейшим действиям. Она весь вечер была такой логичной и продолжала мыслить логично, несмотря на то что теперь мы должны были отправиться к ней домой. Поэтому они с Гомером смастерили сэндвичи из чёрствого хлеба и салями, а ещё нарвали салата и помидоров в знаменитом огороде миссис Маккензи. Мы приготовили чай и кофе, используя просроченное молоко и маленькую походную плитку на твёрдом топливе. Трудно было протолкнуть еду в пересохшее горло, но мы старались, пока каждый не съел хотя бы один сэндвич, и это действительно прибавило нам энергии и бодрости.

Во время еды мы решили, что теперь отправимся к Робин, но все прекрасно понимали, что нас ждёт целый букет новых проблем. Здесь, в родных краях, где жило большинство из нас, где воздух был чист, а загоны просторны и пусты, мы могли передвигаться вполне уверенно. Какая-либо опасность казалась здесь маловероятной. Мы знали, что если и возникнут трудности, если и появится опасность, так это в городе.

Робин подробно рассказала для тех, кто там не бывал, как именно расположен её дом и где именно он находится по отношению к Виррави. Мы рассчитали, что будет безопаснее отправиться по Коучман-лейн, которая на самом деле представляла собой просто грязную дорогу вдоль нескольких десятков акров, застроенных домами, включая дом Робин. С холма за этим домом мы могли осмотреть город, и, возможно, это что-то бы нам пояснило.

Пора было отправляться в путь. Корри ждала меня у выхода. Я зашла в их туалетную комнату. Я забыла, что у Маккензи не было магистрального водопровода, и для подачи воды в дом использовалось электричество. Так что мне пришлось выйти из ванной комнаты и отправиться в огород, наполнить водой ведро и потом вернуться обратно, чтобы оставить всё в порядке. Корри уже проявляла нетерпение, но я задержала её и ещё на несколько секунд. Я шла по коридору мимо телефона и вдруг заметила сообщение в факсе.

— Корри, — позвала я, — хочешь взглянуть на это? — Я протянула ей лист, добавив, пока она шла ко мне: — Может быть, это старое, но заранее ведь не скажешь.

Корри взяла лист, прочитала. Пока её глаза бежали со строчки на строчку, рот Корри

медленно открывался, а лицо как будто вытянулось и осунулось от потрясения. Она уставилась на меня огромными глазами, потом сунула сообщение мне в руку и стояла, дрожа с головы до ног, пока я читала.

А я смотрела на слова, написанные мистером Маккензи:

Корри, я сейчас в офисе секретариата ярмарки. Что-то происходит. Люди говорят, что это военные манёвры, но я всё равно это отправлю, а потом, вернувшись домой, разорву в клочья, чтобы никто не узнал, каким дураком я был. Но, Корри, если ты это получишь, беги в буш. Будь как можно осторожнее. И не выходи оттуда, пока не убедишься, что это безопасно. Я тебя очень люблю. Папа.

Последние двадцать слов были жирно подчёркнуты, от слова «буш» и до конца.

Мы мгновение-другое смотрели друг на друга, потом внезапно обнялись. Мы немного поплакали, а после выбежали наружу, чтобы показать сообщение остальным.

Должно быть, в тот день я выплакала все свои слёзы, потому что больше уже ни разу не плакала.

Выйдя из дома Маккензи, мы стали продвигаться с большой осторожностью. Впервые мы вели себя как в военное время, точно солдаты или партизаны.

— Раньше я всегда смеялась над предосторожностями папы, — сказала Корри. — И над тем, что он постоянно носит с собой компас и спиртовой уровень. Но у него был девиз: «Время, потраченное на разведку, потрачено не зря». Может, и нам стоит ему следовать.

У нас теперь был ещё один велосипед, велосипед Корри, так что мы двигались так, чтобы, как нам казалось, сохранять равновесие между скоростью и безопасностью. Мы наметили для себя ориентиры — первым стала Христова церковь, — и первая пара, Робин и Ли, должна была доехать до неё и там остановиться. Если там ничего опасного, они должны были поднять чайное полотенце над дорогой, в двухстах метрах перед церковью. Следующая пара должна очутиться там через пять минут после Робин и Ли, а последняя тройка — ещё через пять минут. Мы решили соблюдать полное молчание, а собачку Флип оставили в доме Маккензи. От страха мы научились думать.

В результате путешествие к дому Робин прошло без приключений. Мы двигались медленно, но без происшествий. Мы нашли дом Робин в таком же состоянии, как и остальные дома, — пустым, дурнопахнущим и уже затянутым паутиной. Это заставило меня задуматься о том, как быстро могут развалиться дома, если в них не будет людей, чтобы за всем присматривать. Но дома ведь всегда казались такими крепкими, такими неизменными. Мама часто цитировала какое-то стихотворение: «Взгляни на труды мои, огромные и бесполезные». Ничего другого я не запомнила, но лишь теперь впервые начала понимать смысл этих строк.

Было половина второго ночи. Мы поднялись на холм за домом Робин и стали смотреть на Виррави. И вдруг я почувствовала себя ужасно уставшей. Город был погружен во тьму, ни один фонарь на улицах не горел. Но, должно быть, где-то всё же имелось электричество, потому что на выставочной площади горели яркие огни — прожекторы, которыми освещалась беговая дорожка, — и ещё пара зданий в центре города также была освещена.

Мы сидели на склоне и тихонько обсуждали свои дальнейшие действия. Ясно, что мы должны попробовать добраться до домов Фай и Ли. Не потому, что мы ожидали кого-то там найти, а просто потому, что пятеро из нас видели свои дома, видели их пустоту, получив

шанс всё осознать, поэтому вполне справедливо, что и у оставшихся двоих имелось такое же право.

С территории ярмарки медленно выехал какой-то грузовик и направился к одному из освещённых зданий, думаю, на Баркер-стрит. Мы замолчали, наблюдая за ним. Это был первый признак человеческой жизни, который мы увидели после появления самолётов.

А потом Гомер сделал предложение, которое никому не понравилось:

— Мне кажется, нам следует разделиться.

Все шёпотом выразили протест, если это можно так назвать.

— Нам нужно уйти от города до рассвета, — продолжил Гомер. — Как можно дальше от города. А времени у нас мало. Но пробираться по улицам нелегко, быстро это сделать не получится. Мы уже устали, и одно это нас задержит, не говоря уж о том, что мы должны быть предельно осторожны. А два человека могут двигаться незаметнее, чем семеро. И наконец, по правде говоря, если там есть какие-то солдаты и кто-то попадётся... ну, опять же, лучше двое, чем все сразу. Да, мне неприятно об этом говорить, но если на свободе пятеро, а заперты где-то двое, то это всё же лучше, чем семеро под замком и никого на свободе. Вы все знаете, что считать я умею.

Пока Гомер говорил, мы сидели, закрыв рот. Мы понимали, что он прав — ну, может быть, не в части математического дара...

— И что ты предлагаешь? — спросил Кевин.

— Пойдём я и Фай. Мне всегда хотелось заглянуть в один из тех богатых домов на холме. Вот и подвернулся шанс. — Фай устало ткнула его кулаком, и Гомер ничего не имел против. — Может быть, Робин и Ли пойдут к дому Ли, как вы думаете? А вы трое постарайтесь рассмотреть ярмарочную площадь. Все эти огни... может, там их база? Или они там держат людей?

Мы наконец переварили его предложение.

— Да, так будет лучше всего, — кивнула Робин. — А как насчёт того, что не у всех есть тёмная одежда? Может, им вернуться домой и найти что-нибудь подходящее? А потом встретимся здесь, на холме, ну, скажем, в три часа?

— А если кто-нибудь пропадёт? — тихо спросила Фай.

Мысль была ужасной. После долгого молчания Фай сама ответила на свой вопрос:

— Тогда подождём ещё полчаса, если кто-то не вернётся? А потом поспешим отсюда, но вернёмся завтра вечером... то есть уже сегодня вечером. И если вы окажетесь тем, кто опоздал, вы должны будете здесь затаиться на весь день.

— Да, — согласился Гомер. — Это годится.

Кевину, Корри и мне не нужна была одежда темнее, так что мы были готовы отправиться. Мы немного постояли, обнимаясь и желая друг другу удачи. Оглянувшись через минуту, я их уже не увидела. Мы пошли вниз по склону к Уорригл-стрит, пролезли сквозь живую изгородь перед домом Матерсов и дальше стали красться вдоль дороги, держась как можно ближе к деревьям. Кевин шёл впереди. Я лишь надеялась, что он не наступит на что-нибудь скользкое и ползучее. Не время было визжать с перепуга.

Хотя ярмарочная площадь находилась на самом краю города, край этот был с другой стороны по отношению к нам, так что путь предстоял неблизкий. Но мы продвигались достаточно быстро, потому что шли вдалеке от больших улиц. В Виррави не так уж много крупных улиц, но... Я радовалась уже тому, что мы просто движемся, — это и поддерживало во мне рассудок. Трудно одновременно идти, наблюдать и помалкивать. Иногда я всё же

издавала какие-то звуки, двое других при этом сразу оглядывались и сердито смотрели на меня. Я пожимала плечами, разводила руками, закатывала глаза. Я всё ещё не осознавала, что это может быть вопросом жизни и смерти, что это самые серьёзные обстоятельства, в каких я когда-либо оказывалась. То есть, конечно, я это знала — просто не в силах была помнить об этом ежесекундно. Мой ум оказался не настолько дисциплинированным. Да и Кевин с Корри вели себя не так тихо, как им казалось.

И ещё трудности создавала темнота. Мы то спотыкались о какие-то камни, то наступали на сухую палку, то время от времени даже налетали на бак для мусора.

Добравшись до Рейскорс-роуд, мы почувствовали себя немного увереннее, потому что домов здесь было немного. Проходя мимо дома миссис Александер, я даже на мгновение остановилась, чтобы понюхать большие старые розы, росшие вдоль живой изгороди. Мне очень нравился сад миссис Александер. Каждый год на Рождество она устраивала здесь вечеринку. Всего несколько недель прошло с того дня, когда я стояла под одной из её яблонь, держа тарелку с бисквитами и объясняя Стивену, что не хочу больше с ним встречаться. Теперь казалось, будто с тех пор прошло лет пять. Мне было трудно начать этот разговор, а Стив выглядел таким милым, что от этого было ещё труднее. Может, он нарочно так держался? Или я просто циник?

Я подумала о том, где сейчас Стив, и миссис Александер, и Матерсы, и мама с папой, и все остальные... Неужели на нас действительно кто-то напал, кто-то вторгся в нашу страну? Я даже вообразить не могла, как все себя чувствовали, как реагировали... Наверное, были чудовищно ошеломлены, до онемения. И кто-то наверняка пытался сопротивляться. Кое-кто из наших друзей не принадлежал к тем людям, что станут просто сидеть и смотреть, если толпа солдат явится сюда, чтобы захватить их земли и дома. Например, мистер Джордж. К нему в прошлом году явился строительный инспектор, чтобы сообщить, что мистер Джордж не может увеличивать свой сарай для стрижки овец, а мистер Джордж ответил тем, что швырнул в него крышку. Да и папа тоже весьма упрям. Мне оставалось только надеяться, что они будут вести себя рассудительно и до насилия дело не дойдёт.

Я шла вперёд, думая о маме и папе. На нашу жизнь всегда очень мало влиял внешний мир. Конечно, мы смотрели новости по телевизору и переживали, когда нам показывали сцены войны, голода или наводнений. И время от времени я даже пыталась представить себя на месте тех людей, но не могла. Воображение тоже имеет свои пределы. Единственное, что на нас влияло из внешнего мира, так это цены на овечью шерсть и на скот. Где-нибудь за много тысяч километров от нас, на другом континенте, две какие-нибудь страны могли подписать некое соглашение, а нам из-за этого пришлось бы через год уволить одного из рабочих.

Но, несмотря на нашу изоляцию, на нашу совсем не светскую жизнь, мне нравилось быть деревенским жителем. Другие дети дожидаться не могли того, когда они вырвутся в город. Как только заканчивались занятия в школе, они уже мчались на автобусную станцию с битком набитыми рюкзаками. Им хотелось очутиться в шумной толпе, пойти в заведения быстрого питания, в огромные торговые центры. Им хотелось наполнить свои вены адреналином. Мне тоже нравилось всё это, но в небольшом количестве. Я знала, что в будущем мне захочется проводить в городе больше времени. Но я знала и то, что мне гораздо больше нравится другое, а именно родной дом, пусть даже мне пришлось бы половину жизни заниматься ремонтом тракторных моторов, или вытаскивать овец, застрявших в какой-нибудь колючей изгороди, или получать солидные удары копытом от коровы, если я

вдруг окажусь между ней и телёнком.

В тот момент я ещё не могла до конца понять и оценить, что же происходит. Удивляться этому не приходится. Мы ведь почти ничего не знали. У нас были только намёки, догадки, подозрения. Например, я вообще не могла всерьёз рассматривать ту возможность, что мама и папа — или кто-либо ещё — по-настоящему пострадали или убиты. Я хочу сказать, рассудок мне говорил, что подобное является естественным следствием вторжений, сражений, войн, — но логика пока что сидела где-то в дальнем уголке ума. А воображение сидело совсем в другом углу, и я не позволяла им объединиться. Наверное, такое вообще трудно постичь — что твои родители когда-нибудь умрут. Это всё равно что размышлять о собственной смерти.

Чувства мои также существовали отдельно, в своей части мозга. И в то время, когда мы шли по городу, я изо всех сил старалась не выпустить их наружу.

Но я позволила себе предположить, что моих родителей где-то держат против их воли. Я даже представила их: папа разочарован и сердит, даже взбешён, как бык в загоне, и отказывается принять происшедшее, отказывается принять чью-то власть. Он наверняка даже не понимает, что вообще происходит, почему явились чужие люди. Он не примет ни их языка, ни их идей, ни их культуры. Но я, даже пребывая в ужасе и потрясении, всё равно хотела понять, хотела найти ответы на все вопросы.

Мама поведёт себя иначе. Она сосредоточится на том, чтобы сохранить ясность мысли, не поддастся панике. Я представляла, как она смотрит на голые холмы, может быть, сквозь изгородь какого-то лагеря для пленных, не обращая внимания ни на что вокруг, не слыша сердитых или горестных голосов.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Потом вдруг я заметила, что думаю о родителях так, словно они дома.

Мы дошли до конца Рейскорс-роуд. Я немного отстала от Кевина и Корри, и они остановились, ожидая меня. Мы затаились между каким-то деревом и живой изгородью, присев на корточки. Любой, кто нас увидел бы, мог бы принять нас за странное чёрное растение, внезапно выскочившее из земли. Становилось довольно холодно, я почувствовала, как мои товарищи дрожат, когда мы прижимались друг к другу.

— Нам теперь нужно удвоить осторожность, мы очень близко подошли, — прошептал Кевин. — Элли, постарайся больше не отставать.

— Извини. Я просто задумалась.

— Ну, что будем делать? — спросил Кевин.

— Да просто подойдём чуть ближе и посмотрим, — ответила Корри. — Времени у нас не так уж много. Главное — быть осторожными. Если мы ничего не сможем увидеть, вернёмся к Робин. Если же там кто-то есть, то будет глупее глупого, если мы позволим себя заметить и погнаться за нами.

— Да, согласен, — кивнул Кевин. И уже хотел встать.

Это меня разозлило. Очень это типично для Кевина — даже не спросить, что думаю я. И я дёрнула его за руку, заставляя снова присесть.

— Что такое? — спросил он. — Надо двигаться дальше, Эл.

— Это не значит, что мы должны мчаться как идиоты. А вдруг нас заметят? Или за нами погонятся? Мы не можем тогда бежать обратно к Робин. Иначе приведём их туда.

— Тогда, наверное, лучше разделиться. Труднее преследовать трёх человек по отдельности, чем группу. Потом, когда мы убедимся, что за нами никто не гонится, можно

будет вернуться к Робин.

— Годится.

— Это всё?

— Нет! Если рассуждать логически, как недавно Гомер, нам вообще не следует всем вместе приближаться к ярмарочной площади. Должен пойти кто-то один, а двое останутся здесь. Так меньше шансов оказаться замеченными и потери будут меньше, если попадётся только один.

— Нет! — тихонько вскрикнула Корри. — Это уж слишком логично. Ты же моя лучшая подруга! Я не хочу, чтобы ты так рассуждала.

Я и сама не хотела, если хорошенько подумать.

— Ладно, пусть так, — согласилась я. — Один за всех, все за одного. Пошли. Три мушкетёра.

Мы, как тени, скользнули через дорогу и обогнули угол. Свет с площади добирался даже сюда, он был слабым, но достаточным, чтобы всё рассмотреть. Мы, нервничая, остановились на краю ярко освещённого пространства. Казалось, один-единственный шаг в круг света выставит нас напоказ перед целой армией вражеских наблюдателей. И это пугало.

Вот тогда я впервые осознала, что такое настоящая храбрость. До того момента всё казалось каким-то нереальным, вроде игры в ночную разведку в школьном лагере. А теперь выйти из темноты означало проявить храбрость другого рода, какой мне никогда не приходилось демонстрировать, да я и не знала о ней. Я мысленно покопалась внутри, пытаюсь найти где-то некую новую часть себя. Я чувствовала, что у меня должно хватить духа сделать это, но это был такой дух, с которым я раньше не была знакома. Если бы только мне удалось его найти, я могла бы наладить с ним связь. И тогда, вероятно — только вероятно, — смогла бы растопить тот страх, что сковал, заморозил моё тело. Может быть, я сумела бы совершить этот ужасный и опасный поступок.

Ключом к поиску силы духа стало маленькое, короткое движение. Примерно в четырёх шагах от меня, впереди и слева, стояло дерево, находившееся уже в зоне света, лившегося с площади. И я внезапно заставила себя покинуть тень и пойти к нему, сделав четыре быстрых лёгких шага. Получилось нечто вроде танца, удивившего меня саму, но вызвавшего у меня лёгкое головокружение и приступ гордости. Вот оно, подумала я. Я это сделала!

Это был танец храбрости. Я чувствовала тогда и по-прежнему чувствую — эти четыре шага изменили меня. В то мгновение я перестала быть невинным деревенским подростком, превратившись в кого-то другого, в некую более сложную и одарённую личность, обрела силу, которую надо принимать во внимание. Я уже не была просто вежливым, послушным ребёнком. В тот момент не время было изучать эту новую и интересную меня, но я пообещала себе сделать это позже.

У меня всё ещё голова шла кругом, когда Кевин, а за ним и Корри присоединились ко мне буквально через мгновение. Мы переглянулись и усмехнулись, гордые и взволнованные, не веря самим себе.

— Ладно, что дальше? — спросил Кевин.

И вдруг он вопросительно посмотрел на меня. Может быть, он заметил, как я изменилась за несколько последних мгновений? Но ведь наверняка и он тоже изменился?

— Будем двигаться влево, от дерева к дереву. Нам нужно добраться вон до того эвкалипта. Так мы окажемся напротив площадки лесорубов. Оттуда будет лучше видно.

Я шагнула в сторону, едва успев договорить, настолько взбудораженная, что даже не

сообразила, что делаю как раз то самое, против чего совсем недавно возражала, — то есть веду себя так же, как Кевин вёл себя по отношению ко мне. И с новой точки наблюдения я увидела движение: трое мужчин в мундирах не спеша вышли из тени за трибуной для зрителей и двинулись по периметру проволочной изгороди. У них было какое-то оружие, может быть, винтовки, но с такого расстояния рассмотреть как следует не удавалось.

Несмотря на все доказательства, которыми мы уже располагали, это было первое реальное подтверждение того, что в нашей стране находится некая вражеская армия и она владеет ситуацией. В это невозможно было поверить. Я почувствовала, как меня наполняют страх и гнев. Мне хотелось крикнуть этим людям, чтобы убирались отсюда, и в то же время хотелось убежать подальше и спрятаться. Я не могла отвести от них глаз.

Когда они исчезли за стойлами для беговых лошадей, я услышала шорох лёгких шагов, и рядом со мной очутились Кевин и Корри.

— Вы видели тех мужчин? — спросила я.

— И да и нет, — прошептала Корри. — Там не все были мужчинами. Среди них по крайней мере одна женщина.

— Правда? Ты уверена?

— Хочешь узнать, какого цвета у них пуговицы? — пожала плечами Корри.

Я промолчала. Корри всегда отличалась превосходным зрением.

Мы двинулись дальше, делая короткие перебежки от дерева к дереву, пока наконец не очутились, задыхаясь, за большим эвкалиптом. Отсюда мы стали осторожно всматриваться в окружающее: Корри, присев на корточки, выглядывала из-за ствола справа, Кевин, припав к земле, смотрел между двумя разделёнными стволами, а я изучала ситуацию слева. Точка наблюдения оказалась хорошей, мы находились примерно в шестидесяти метрах от изгороди, откуда видна была третья выставочная площадка. Первое, что я заметила, — это большие палатки на ней. Они были разного цвета и формы, но все очень большие. Потом я увидела парочку вооружённых солдат — они стояли на беговой дорожке. Они ничего не делали, просто стояли, один лицом к палаткам, другой лицом к павильонам. Ясно было, что это часовые, они охраняли, наверное, то, что находилось в палатках. И один из часовых был женщиной, тут Корри оказалась права.

Территория выставки выглядела так, словно ожидала начала ярмарки, хотя её должны были убрать ещё четыре дня назад. Но всё по-прежнему оставалось на своих местах: чёртово колесо и колесо обозрения, тракторы и автоприцепы, брёвна для соревнования дровосеков и трейлеры-кафе с блинчиками и пирожками... всё так и стояло. Слева от нас, подальше, темнело безмолвное море припаркованных машин, большинство из них было похоже на притаившихся животных, некоторые поблескивали, отражая свет. И наша машина должна была стоять где-то среди них. А в каких-то машинах остались собаки. Я постаралась не думать об их ужасной смерти, такой же, как смерть собак у меня дома. Может, у солдат хватило сострадания и они их выпустили, когда битва закончилась. Может быть, у них нашлось время для этого...

Мы наблюдали восемь минут — я засекала время, — прежде чем кое-что произошло. Как раз в то мгновение, когда Кевин наклонился ко мне и шепнул: «Надо уходить», а я кивнула, из палатки вышел какой-то человек. Он заложил руки за голову и остановился. Часовые мгновенно ожили, один из них быстро направился к мужчине, второй напрягся и, повернувшись, стал смотреть на него. Часовой и мужчина о чём-то переговорили, а потом мужчина, всё так же держа руки за головой, пошёл к туалетам и исчез внутри. Лишь в самую

последнюю секунду, когда свет, горевший над дверью уборной, упал на его лицо, я его узнала. Это был мистер Коулс, школьный учитель, — я училась у него в четвёртом классе в Виррави.

Что ж, наконец-то мы кое-что узнали. Меня пробрало холодом. Вся кожа покрылась мурашками. Это была новая реальность нашей жизни. Меня слегка затрясло, но пора было уходить. Мы поползли обратно по траве и начали перебежки от дерева к дереву. Я вспомнила, как пару лет назад был большой шум, когда люди протестовали против замысла городского совета спилить все эти деревья, чтобы расширить зону парковки. Скандал был таким, что совет отказался от своей идеи. Я усмехнулась в темноте, но не потому, что мне стало весело. Следовало просто поблагодарить Бога за то, что тогда победили хорошие парни. Но ведь никому и в голову не могло прийти, какими полезными для нас могут оказаться эти деревья.

Я добралась до последнего дерева и ласково похлопала по его стволу. Я ужасно любила его. Корри уже догнала меня, а потом и Кевин.

Я ещё раз прикоснулась к стволу, чувствуя в этом необходимость. И вдруг позади раздались выстрелы. Пули свистели рядом, выбивая куски коры из ствола слева от меня. Я услышала судорожный вздох Корри и короткий вскрик Кевина. Я буквально не чуяла под собой ног от страха. На мгновение я словно потеряла контакт с землёй. Это было странное ощущение, будто я вообще на долю мгновения перестала существовать. А потом я прыгнула к углу улицы, перекатилась по траве и поползла к канаве, как уховёртка. Я сразу оглянулась, чтобы окликнуть Кевина и Корри, но они уже шлёпнулись прямо на меня, и я чуть не задохнулась.

— Бежим! — бросил Кевин, рывком поднимая меня на ноги. — Они идут!

И я, хотя была не в силах даже дышать, каким-то чудом побежала. Метров сто я слышала только шум воздуха в собственных лёгких и мягкий топот собственных ног по дороге. Хотя мы весьма логично решили заранее, что нам следует разделиться в случае преследования, я понимала теперь, что не собираюсь этого делать. В то мгновение лишь пуля могла отделить меня от моих друзей. Они вдруг стали моей семьёй.

Кевин то и дело оглядывался назад.

— Надо уйти с дороги! — выдохнул он как раз в тот момент, когда я ощутила, что теряю силы.

Мы повернули на чью-то подъездную дорожку. И тут я услышала громкий окрик. А следом за ним полетели пули, срезая ветки с яростной силой, как внезапно налетевший шторм. Я сообразила, что мы бежим по подъездной дорожке миссис Александер.

— Я знаю это место! — крикнула я. — Давайте за мной!

Не то чтобы у меня возник какой-то план — просто я не хотела бежать в темноте за тем, кто сам не знает, куда мчится. Мной руководил панический страх.

Я повела друзей через теннисный корт, пытаюсь на ходу соображать. Недостаточно было просто бежать. Те люди вооружены, они могут оказаться быстрее нас и без труда позовут подкрепление. Единственное, что служило нам на пользу, — это то, что преследователи не знали, вооружены мы или нет. Возможно, они даже думали, что мы пытаемся завести их в засаду. Я очень надеялась, что они так решат. И мне хотелось, чтобы мы смогли завести их в засаду.

Мы обогнули дом, там было темнее. И лишь тогда я сообразила, что, думая о засаде, сама, по сути, завела Кевина и Корри в ловушку. Здесь ведь не было задней изгороди или

задних ворот, а лишь ряд старых строений. В прошлом веке это были жилища слуг, кухня и прачечная. А теперь эти строения использовались как гаражи, сараи для садовой техники, кладовые. Я остановила друзей и ужаснулась тому, насколько испуганный был у них вид, ужаснулась, потому что понимала — я и сама должна выглядеть так же. Глаза у них блестели, зубы тоже, потому что они дышали открытым ртом, хватая воздух. Мои мысли разлетелись. Я поняла, что моя самоуверенность, будто я знаю дорогу, могла стоить нам жизни. Я заставила себя заговорить, хотя у меня стучали зубы. Я, правда, не знала толком, что собираюсь сказать, и моя злость на саму себя, похоже, готова была выплеснуться на них. Я не слишком горжусь тем, как вела себя той ночью.

— Заткнитесь! Заткнитесь и слушайте! — крикнула я. — Бога ради! У нас есть пара минут. Здесь большой сад. Они не захотят обшаривать его в темноте, потому что могут нас опасаться.

— Я ногу ушибла, — простонала Корри.

— Эй, тебя не подстрелили?

— Нет, я обо что-то споткнулась вон там.

— Это сенокосилка, — пояснил Кевин. — Я тоже чуть не налетел на неё.

Нас прервал грохот выстрелов. Они были чудовищно громкими. Мы видели вспышки. И пока, дрожа, смотрели, начали понимать тактику врага. Солдаты держались вместе, двигаясь через сад и стреляя во всё, что могло походить на человека: в кусты, яму для барбекю, компостную кучу. Наверное, они достаточно хорошо нас рассмотрели, чтобы понять: мы не вооружены, — и тем не менее продвигались вперёд очень осторожно.

Я всё ещё пыталась наполнить лёгкие воздухом, мне было трудно дышать. Наконец я начала соображать. Однако мозг мой работал не лучше лёгких, он словно задохнулся.

— Да, бензин... мы можем перевернуть... нет, это даст им лишнее время... но если она там стоит... спички... и стамеска или что-то такое...

— Элли, о чём ты, чёрт побери?!

— Найдите спички или зажигалку. И стамеску или долото. И молоток. Быстрее! Очень быстро! Загляните в те сараи.

Мы рассыпались в стороны, спеша к тёмным строениям, Корри при этом прихрамывала. Я очутилась в гараже. Нащупывая дорогу, нашла гладкий холодный кузов какой-то машины и обошла её. Дверца оказалась незапертой — как и большинство людей, живущих в Виррави, миссис Александер не трудилась запираť свою машину. Здесь все друг другу доверяли. Но теперь это изменится — навсегда. Когда дверца открылась, в салоне, к моему ужасу, вспыхнул свет. Я нашла выключатель и нажала на него, потом застыла на месте, ожидая, что вот-вот стену сарая насквозь пробьют пули. Но ничего не случилось. Я открыла бардачок, в котором имелась собственная лампочка, она была очень слабой, но я очень нуждалась в ней. И там он лежал — благословенный коробок спичек. Слава богу, миссис Александер была отчаянной курильщицей. Я схватила спички, захлопнула бардачок и выбежала из гаража, от волнения забыв, что снаружи уже могут быть солдаты. Но там никого не было, кроме Кевина.

— Нашёл?

— Молоток и стамеска.

— Ох, Кевин, я тебя люблю!

— Я тебя слышу! — раздался в темноте шёпот Корри.

— Где та сенокосилка? — спросила я.

До того сразу двое её нашли, когда она была им совершенно не нужна. А теперь мы втроём желали её отыскать, но не могли. Прошли две мучительные минуты. Я чувствовала, как холодею всё сильнее и сильнее. Как будто по мне ползали какие-то ледяные насекомые. Наконец я подумала: «Безнадёжно. Придётся сдаться».

Но я упорно, как последняя идиотка, продолжала поиски.

Наконец я снова услышала шёпот Корри:

— Вот она!

Мы с Кевином одновременно ринулись к сенокосилке. И именно в этот момент я заметила короткую вспышку фонаря, где-то рядом с передней верандой дома.

— Они близко, — сказала я. — Скорее! Помогите мне её подтолкнуть. Только тихо.

Мы передвинули сенокосилку к подъездной дороге, рядом с кирпичной стеной студии миссис Александер.

— А зачем молоток и стамеска? — настойчивым шёпотом спросил Кевин.

— Чтобы пробить дыру в бензобаке, — ответила я. — Но теперь я думаю, что мы слишком уж нашумим.

— А зачем тебе нужна дыра? — спросил Кевин. — Можно просто отвинтить крышку.

Я снова почувствовала себя ужасно глупо. Потом я осознала, что на самом деле была ещё глупее, ведь молоток и стамеска могли высечь искру, и тогда нас всех убило бы взрывом.

Но Кевин, поняв мой замысел, уже отвинчивал крышку бензобака.

— Нам надо отойти за стену, — прошептала я. — И нужно провести туда бензиновую дорожку.

Кевин кивнул и, стянув с себя футболку, сунул её в бензобак. Потом он вернул на место крышку, а с помощью футболки проложил бензиновый след к стене. У нас оставались считанные секунды. Мы уже слышали мягкий угрожающий скрип гравия под ногами врагов, время от времени солдаты что-то негромко говорили... Я расслышала один мужской голос и один женский. Снова вспыхнул фонарик, прямо за поворотом подъездной дороги.

Кевин выдохнул мне в ухо:

— Нам надо убедиться, что они находятся рядом друг с другом.

Я кивнула — сама только что поняла это. В темноте я различила две фигуры, но предполагала, что за нами идут трое часовых, те, которых мы видели ранее. Кевин подтвердил мою догадку, снова зашептав мне в ухо:

— Я видел на дороге троих.

Я опять кивнула, потом глубоко вздохнула и тихонько застонала, как будто от боли. На солдат это подействовало как удар молнии. Они сразу повернулись в нашу сторону, словно обладали встроенной антенной. Я ещё раз громко вздохнула, как бы рыдая. Один из солдат, мужчина, тут же настойчиво позвал отставшего, но какой это язык, я не поняла, через мгновение к ним присоединился третий, выскочивший из-за деревьев. Они обменялись несколькими словами, показывая в нашу сторону. Да, они явно знали к этому времени, что оружия у нас нет: мы ведь наверняка хоть несколько раз бы выстрелили, если бы оно у нас было.

Но всё же они немного разошлись в стороны, медленно идя к нам. Я всё ждала и ждала, пока они не очутились метрах в трёх от сенокосилки. Она как будто нарочно притаилась на краю густой тени, требуя, чтобы её заметили. Тут я впервые увидела их лица и сразу же чиркнула спичкой.

Но она не загорелась.

Моя рука, до этого момента вполне уверенная, задрожала. Я подумала: «Мы все сейчас умрём, просто потому, что я не могу зажечь спичку». Это показалось мне несправедливым, почти глупым. Я повторила попытку, но слишком сильно дрожала. Солдаты уже почти прошли мимо сенокосилки. Кевин схватил меня за запястье.

— Давай же! — яростно зашипел он мне в ухо.

Солдаты как будто его услышали, судя по тому, как сразу повернули голову в нашу сторону. Я в третий раз чиркнула спичкой, почти уверенная в том, что на ней просто недостаточно серы для того, чтобы она вспыхнула. Но спичка вспыхнула, тихонько зашипев, и я бросила её на землю. Но бросила слишком быстро — не знаю, как уж она умудрилась не погаснуть. Должна была погаснуть, и почти погасла. На мгновение спичка превратилась в крошечную точку света, а я опять подумала: «Мы все умрём, и это моя вина».

Но тут бензин подхватил огонь с быстрым тихим гулом.

Пламя промчалось по полосе бензина, как змея, только очень быстро. Конечно, солдаты его заметили. Они обернулись, явно желая отскочить в сторону. Но к их удивлению, они двигались слишком медленно, как и я до того. Один вскинул руку, как будто показывая на что-то. Другой отклонился назад, но мне показалось, что и он сделал это слишком неторопливо. Это последнее, что я увидела, потому что Кевин оттащил меня назад, за кирпичную стену, а через мгновение сенокосилка превратилась в бомбу. И сама ночь как будто взорвалась. Стена вздрогнула и пошатнулась, но вернулась на место. Маленький оранжевый шарик огня улетел в темноту, а за ним последовали другие. Шум был пронзительным, громким, пугающим. От него стало больно ушам. Я видела шрапнель, летевшую в деревья, слышала и ощущала обломки, ударявшиеся в стену, за которой мы прятались. Потом почувствовала, как Кевин тянет меня за руку, повторяя:

— Бежим, бежим!

И в тот же миг с другой стороны стены раздались крики.

Мы бежали между фруктовыми деревьями, вниз по склону, мимо курятника, к передней изгороди миссис Александер, где её земля встречалась с землёй соседей. Крики позади рвали ночь на части. Я надеялась, что чем быстрее и дальше мы убежим, тем скорее утихнут крики, но ничего не менялось. Не знаю, может, я слышала их ушами, а может, только умом.

— Уже время, — выдохнула рядом со мной Корри.

До меня далеко не сразу дошло, что она имеет в виду.

А нам пора было встречаться с остальными.

— Можем бежать напрямик туда! — крикнул Кевин.

— Как твоя нога, Корри? — спросила я, безуспешно пытаюсь вернуться в обычный мир.

— Нормально, — ответила она.

Мы видели, как в сад упал свет фар, когда мимо на большой скорости промчался какой-то грузовик. Это был открытый грузовик со склада в Виррави, только вместо садовых инструментов в кузове сидели солдаты. Впрочем, всего два солдата.

Мы побежали дальше, добрались до Уорригл-стрит, потом помчались по крутой подъездной дороге Матерсов, уже без какой-либо осторожности. Мы все уже дышали с трудом. Мои ноги чувствовали себя старыми и малоподвижными. Они болели по-настоящему. Я остановилась и подождала Корри, дальше мы пошли вместе, держась за руки. Больше мы ничего не могли — не могли идти быстрее, не могли дальше бороться.

Гомер и Фай были уже на месте встречи, окружённые велосипедами, их теперь было

семь. Пешему хождению пришёл конец, но ирония состояла в том, что теперь, когда велосипедов достаточно, только пятеро могли на них ехать. Ни Ли, ни Робин пока что не появились. Было уже 3.35, и мы видели с холма, как другие машины выезжают с территории ярмарки и все направляются к Рейскорс-роуд. Одной из них была машина «скорой помощи». Мы не могли больше ждать.

Мы устало обменялись несколькими словами — в основном чтобы узнать, что дом Фай также оказался пуст, — сели на холодные велосипеды и поехали вниз по склону холма. Не знаю насчёт остальных, но я себя чувствовала так, как будто топчусь на месте. Я заставила ноги действовать энергичнее, быстрее. Наконец мы немного согрелись и прибавили скорости. Казалось просто невероятным то, что до сих пор мы находили в себе энергию, но простая необходимость не отрываться от других, чтобы не остаться в одиночестве позади, заставляла меня работать ногами. К тому времени, когда мы проехали мимо плаката «Добро пожаловать в Виррави», мы уже мчались, как летучие мыши, выскочившие из ада.

К дому Корри мы подъехали перед самым рассветом. Небо только начало светлеть. Гонка была ужасной. Перед каждым деревом мне казалось, что поворот уже близко, только сомневаюсь, что к тому времени мы проехали хотя бы половину пути. У меня всё болело, прежде всего ноги. Но потом боль возникла и в груди, в спине, в руках, в горле, во рту. Я вся горела, чувствовала себя совершенно больной. Голова склонялась всё ниже и ниже, и я уже видела перед собой только заднее колесо одного из велосипедов, кажется Корри. В уме у меня бесконечно и бессмысленно повторялись одни и те же слова песенки:

Я смотрю на твоё фото, и что я вижу?
Лицо ангела, смотрящее на меня...

Наверное, я пропела это тысячу раз. Слова вертелись и вертелись в голове, как колеса велосипеда, и я уже готова была кричать, чтобы прогнать их, только ничто не помогало. Я не хотела думать о том, что случилось с миссис Александер, или о судьбе троих солдат, которые гнались за нами, или о том, что могло произойти с Ли и Робин, поэтому у меня, похоже, просто не было выбора, кроме как снова и снова мысленно напевать:

Лицо ангела, сошедшего с небес,
Ты мой нежный ангел, тот, кого я люблю...

Я пыталась вспомнить ещё какие-то строки, но не могла.

В какой-то момент кто-то спросил:

— Что ты сказала, Элли?

И только тогда я сообразила, что, похоже, запела вслух, но я слишком устала для того, чтобы отвечать, — даже не знаю, кто задал мне этот вопрос. Может быть, мне это просто показалось. Я не помню, чтобы кто-нибудь разговаривал по дороге. Даже решение отправиться именно к Корри было как будто принято телепатически.

Мы уже проехали половину подъездного пути, когда я наконец поверила, что мы действительно добрались, что мы это сделали. Полагаю, и остальные чувствовали нечто подобное. Я остановилась перед крыльцом Маккензи и замерла, пытаюсь найти в себе силы поднять ногу и спрыгнуть с велосипеда. Я стояла так очень долго, понимая, что ногу нужно поднять, но не знала, сумею ли сделать это. Наконец Гомер мягко произнёс:

— Ну же, Элли!

И мне стало стыдно собственной слабости, я наконец свалилась с велосипеда и даже завела его в сарай.

В доме собачка Флип с восторженным видом уже носилась вокруг Кевина, Корри

готовила кофе на походной плитке, Фай сидела у кухонного стола, опустив голову на руки, а Гомер ставил на стол тарелки и раскладывал столовые приборы. Я просто поверить не могла, насколько по-другому всё выглядело без Ли и Робин — как будто кухня почти пуста.

— А мне чем заняться? — довольно глупо спросила я, не в состоянии больше молчать.

— Просто сиди и ешь, — ответил Гомер.

Он нашёл хлопья и сахар, а ещё молоко длительного хранения. Я чуть не подавилась первыми ложками, но потом привычка к еде восстановилась, пища начала проскальзывать внутрь.

Постепенно мы разговорились, а потом и вовсе остановиться не могли. Но все настолько устали и были так потрясены, что разговор превратился в бессмысленное бормотание множества голосов, никто никого не слушал, а потом все начали кричать. Наконец Гомер встал, схватил пустую кофейную чашку и изо всех сил швырнул её в камин, где та и разлетелась на белые фарфоровые осколки.

— Греческий обычай, — пояснил он, глядя на наши изумлённые лица, и снова сел. — А теперь, — продолжил он, — давайте говорить по очереди. Элли, начинай ты. Что там у вас произошло?

Я глубоко вздохнула и, чувствуя, что от мюсли и рисовых хлопьев, которые я только что съела, сил у меня прибавилось, начала подробно описывать всё то, что мы видели на территории ярмарки. Кевин и Корри время от времени подсказывали детали, которые я упустила, но это началось лишь тогда, когда я добралась до рассказа о саде за домом миссис Александер, тут мне стало совсем плохо. Я не могла ни на кого смотреть, просто уставилась на коробку из-под мюсли, потом взяла её и начала мять, скручивать. Мне было трудно поверить в то, что я, обыкновенная Элли, самая обыкновенная, только что убила трёх человек. Это было слишком трудно для меня, мой ум отказывался это осознать. Когда я позволяла себе эту мысль — «я убила трёх человек», — меня переполнял ужас. Я чувствовала, что моя жизнь навсегда искалечена, я уже никогда не смогу быть нормальной, прежней и на всю остальную жизнь превращусь в пустую скорлупу. Элли может ходить и разговаривать, есть и пить, но внутри все её чувства обречены на то, чтобы иссохнуть и умереть. Я даже не особо думала о тех солдатах как о людях: просто не могла, потому что у меня не было к ним никаких чувств. Я даже их лиц толком не рассмотрела. Не знала их имён, возраста, из каких они семей или земель, не представляла, что они думали о жизни. И я до сих пор не знала, откуда они к нам явились. Поэтому те солдаты едва ли существовали для меня как реальные люди.

Я постаралась рассказать обо всём как сторонний наблюдатель, точно читала историю, написанную в книге. В исторической книге о каких-то других людях, не обо мне. Но мне было стыдно за то, что произошло, я чувствовала себя виноватой.

При этом я боялась и прямо противоположного: что если я представлю историю с сенокосилкой как некий подвиг, то остальные, в особенности мальчики, тут же почувствуют себя такими, знаете, мачо и начнут себя вести по-геройски.

А я не хотела превращаться в Рэмбо, я хотела оставаться собой, быть просто Элли.

Но их реакция оказалась не той, какую я ожидала. Уже в середине рассказа Гомер сжал мои руки своими большими тёмными ладонями, что помешало мне терзать коробку из-под мюсли, а Корри придвинулась ближе и обняла за плечи. Фай слушала, не сводя глаз с моего лица, приоткрыв рот, как будто не могла поверить в то, что слышала. Кевин сидел с мрачным видом. Не знаю, что уж он думал, но наверняка не собирался издавать

воинственные крики или вырезать метки на своём ремне, чего я почти боялась.

Когда я закончила, все долго молчали.

— Вы, ребята, отлично справились, — сказал наконец Гомер. — И не надо так мучиться. Это война, и обычные правила теперь не действуют. Те люди вторглись в нашу страну, захватили в плен наших родных. Из-за них умерли твои собаки, Элли, и они пытались убить вас. Моя греческая половина это прекрасно понимает. С того самого момента, когда они покинули собственную страну, чтобы явиться в нашу, они знали, что делают. Именно они первыми нарушили правила, не мы.

— Спасибо, Гомер, — пробормотала я.

Он действительно мне помог.

— А с вами что было? — спросил Кевин.

— Ну.. — начал Гомер. — Мы сначала быстренько проехали по Хани-стрит. И чем дальше мы забирались в город, тем приходилось быть осторожнее, поэтому мы уже двигались медленнее. Но ничего не случилось, пока мы не добрались до угла Мэлдон и Уэст. А там что-то происходило. Думаю, какое-то столкновение — там были две полицейские машины, перевёрнутые набок, и какой-то грузовик, он врезался в дерево. И везде были рассыпаны кассеты, сотни кассет. Но никаких трупов или чего-то такого.

— Кровь, — напомнила Фай. — Просто море крови.

— Ну да, мы думаем, это была кровь. Много тёмных пятен. Но там ведь ещё и масло, и бензин были вокруг разлиты... в общем, полный кавардак. Так что мы пробрались мимо потихоньку, а потом поехали по Джубили-парк. Мы хотели добраться до Баркер-стрит, но там, вообще-то, черт знает что творилось. Как в телевизоре, когда показывают американские бунты. Во всех магазинах — разбитые витрины, всё разбросано по дороге и тротуарам. Похоже, те ребята там отлично повеселились.

— Наверное, подумали, что сейчас Рождество.

— Не знаю, отмечают ли они Рождество. Но мы и посмеялись тоже: прямо напротив увидели большой плакат в витрине «Тозерса»: «Магазинное воровство карается по закону». Ну а тех ребят уж точно можно назвать магазинными ворами. Весь магазин разграблен. Ну, как бы то ни было, мы решили повернуть в маленький переулок за «Тозерсом». Там было темно, нам это подходило. Забавно, как быстро можно превратиться в ночное существо! В общем, мы проскользнули через автостоянку и попали на Гловер-стрит. Потом Фай услышала голоса, у неё же слух как у летучей мыши, и мы спрятались в общественном туалете. В мужском, конечно: я просто не мог позволить, чтобы меня застукали в женском. Вообще-то, это был не очень умный поступок. Иногда ведь кажется, что ты очень быстро думаешь и приходишь к правильному решению, только мы-то ещё не перенастроили свои мозги. И если бы кто-нибудь заметил, что мы туда идём, или бы нас поймали внутри, мы бы уже были холодными трупами — это же настоящая ловушка, вот что это такое! И тут кто-то стал к нам приближаться, я даже слышал голоса. Я чуть не обмочился... ну, когда ты напуган, то... не знаю, как у девочек, но если парень стоит вот так с полчаса и не может...

— Эй, продолжай, Гомер, к делу! Я уже спать хочу.

— Ладно-ладно. Ну, мы ждали и ждали. Кто бы там ни был, они явно не спешили.

— Гомер для развлечения начал писать на стенах, — вмешалась Фай.

— Да, верно, — признал Гомер без малейшего смущения. — Я подумал, что это, наверное, единственный случай в моей жизни, когда я могу себе такое позволить. Когда всё это кончится, у людей будут более важные дела, чем чтение моих посланий на стенах

уборной. А я написал кое-что вполне патриотическое.

— Не вижу ничего патриотического в словах «Посторонним вход воспрещён», — снова перебила его Фай.

— Но я там и ещё кое-что написал.

— Ты просто идиот, Гомер, — проворчал Кевин. — Ни к чему не можешь отнестись всерьёз.

Но я помнила, как Гомер сжал мои руки, когда я говорила о криках троих солдат, попавших в огненную засаду. И помнила, что он сказал, чтобы утешить меня. Я улыбнулась ему и подмигнула. Я понимала, что он пытается сделать.

— Как бы то ни было, те ребята подходили ближе. То есть когда я говорю «ребята», я имею в виду всех разом. Как и в вашем патруле, там были и мужчины и женщины. Всего человек шесть или семь, так мы подумали. И сильнее всего мы боялись того, что им вздумается воспользоваться туалетом. Мне хотелось забраться в кабинку и запереть дверь, чтобы появился значок «Занято», я был уверен, что они отнесутся к этому с уважением. Но Фай таким желанием не горела, так что мы вместо того забрались в кладовку уборщика. Кладовка оказалась одним из тех мест, которые ещё не ограбили. Правда, тесная она очень и запах стоял ужасный, но там мы чувствовали себя в большей безопасности, хотя на самом деле, как я уже говорил, вели себя просто безумно. Всё это место было смертельной ловушкой. И ведь действительно минуты через две кто-то протопал внутрь: нам показалось, что это были трое мужчин. Двое подошли к писсуарам, а один направился к унитазу. Так что мы не зря спрятались, потому что мне бы не понравилось, если бы Фай на всё это смотрела. Парень в кабинке был прямо рядом с нами, и, черт побери, если там и раньше воняло, то уж теперь просто нечем было дышать. Наверное, они пытались сберечь боеприпасы, пытались убить нас газовой атакой. А уж что касается звукового сопровождения...

Гомер изобразил эти звуки. Собачка, сидевшая на коленях Кевина, насторожила уши и твякнула. Даже Фай засмеялась.

— Хорошо, что с нами не было малышки Флип, — заметил Гомер. И продолжил рассказ: — Мы не слишком много узнали, разве что то, что они ели много яиц и сыра. Они всё время разговаривали, но я ничего не понял. Хотя это значения не имеет. Могу только утверждать, что это не греки. Но Фай у нас специалист, вроде как шесть языков знает... да, Фай? Однако и она не смогла определить, откуда они.

Я отметила, что проведённая вместе с Фай ночь придала Гомеру уверенности. Он нашёл нужный тон, стиль общения с ней. А Фай, похоже, это нравилось. Она смеялась его шуткам, её лицо слегка оживало и розовело, когда она смотрела на Гомера. И она уже не была такой холодной, как прежде.

— Ну вот, — продолжил Гомер. — Наконец они закончили делать то, что делали, и мы услышали, как они выходят. Мы дали им пять минут, а потом выбрались из кладовки. Мы даже выглянули за дверь и посмотрели им вслед, когда они поворачивали на Гловер-стрит. Команда выглядела довольно забавно. Там оказалось восемь человек, и среди них три женщины. Но из мужчин двое выглядели очень старыми, а двое уж очень молодыми, примерно нашего возраста или ещё моложе. И одеты они были в потрёпанные старые мундиры.

— Наверное, — предположила Корри, — чтобы вторгнуться в такую большую страну, нужно было призвать всех, у кого имеются все конечности.

— А поскольку сенокосилок поблизости не нашлось, — снова заговорил Гомер, — мы

осторожно двинулись в противоположном направлении. И больше ничего не случилось, пока мы не дошли до дома Фай.

— Да уж, — опять встряла Фай. — Помнишь те тени?

— Ой да! — кивнул Гомер. — Давай ты рассказывай. Я их не видел.

— Примерно за два квартала до моего дома, — начала Фай, — есть молочный бар, а перед ним маленькая парковка. Молочный бар был разграблен, как и все магазины. Мы крались через парковку, когда мне показалось, что я вижу две какие-то тени, они выскользнули из бара. То есть это были, конечно, люди. Я их просто так называю, потому что они были очень тёмными. Поначалу я подумала, что это солдаты, схватила Гомера за руку, и мы спрятались за деревом. Когда я снова туда посмотрела, тени исчезли в той стороне, где Шерлок-роуд, но по тому, как они двигались, я поняла, что это не солдаты. Я их окликнула, они остановились, оглянулись, потом обменялись парой слов и убежали. Вот и всё.

— А я их так и не увидел, — пояснил Гомер. — И чуть не помер от страха, когда Фай закричала. Я думал, что она, наверное, нанюхалась «Деттола» в той кладовке. Но если подумать, то вполне логично предположить, что какие-то люди остались на свободе. Не могли же они схватить всех в округе за такое короткое время. В общем, мы двинулись дальше вверх по холму. Добрались до дома Фай. Дом был заперт, но Фай знала, где лежит запасной ключ. А теперь и я это знаю, что вполне может когда-нибудь пригодиться. Фай впустила меня внутрь, объяснив: первый выключатель находится примерно в ста метрах от входной двери, по другую сторону огромного холла, а сама она осталась снаружи, пока я там ползал по жутко тёмной комнате. Говорю вам, это было весьма неприятно. Вы же знаете, какой я телепат, и я просто ощущал там чьё-то присутствие, какого-то существа. Знал, что я там не один. Я уже прошёл почти половину пути, и вдруг наверху раздался какой-то нечеловеческий крик, а в следующую секунду я был атакован. Дьявольские когти рвали меня, голос призрака завывал мне в ухо! Вот так мы и узнали, что кошка Фай жива и прекрасно себя чувствует, устроившись на стропилах. Родным Фай следовало бы обновить потолки.

— Боже мой, ты безнадёжен, Гомер, — зевнул Кевин. — Заканчивай уже!

— Ну, я не стану вдаваться в тяжкие подробности. Вроде того, как мы отправились к Робин и там никого не было. Но все на своих местах. Я уверен, что с ними ничего не случилось и что все вообще будут в порядке. Похоже, что все отправились на ярмарку, а как только эти вторженцы разберутся, они снова всех выпустят. И в любом случае там полно еды. Для начала у них есть огромный пирог моей мамы, такого огромного я вообще никогда не видел.

Последовала короткая пауза, йотом Корри спросила:

— А до Робин вы добрались без происшествий?

Гомер стал серьёзным, его голос смягчился.

— Ты знаешь Андерсенов?

— Мистер Андерсен тренирует футбольную команду?

— Да. Знаешь их дом? Ну, мы возвращались другой дорогой, обходя торговые центры, и проходили мимо дома Андерсенов. Мимо того, что от него осталось. Моя мама всегда говорила, что моя комната выглядит так, словно в ней взорвалась бомба. Теперь я знаю, что она имела в виду. Думаю, в дом Андерсенов попала бомба. И ещё в два дома, между ним и железной дорогой. В той части города вообще много разрушений. — Гомер помолчал, глядя

вниз, как будто до сих пор видел перед собой те дома. Потом вскинул голову, расправил плечи и продолжил: — В общем, так. Мы дошли до дома Робин примерно без четверти три. Мы надеялись, что по пути встретим Ли и Робин, но их не было. Мы решили подождать и, как нам казалось, ждали очень долго. Мы боялись, что никто из вас не вернётся, что вас всех схватили. Потом услышали выстрелы со стороны ярмарки. Я перепугался до полусмерти. Потом опять стреляли, а потом был тот взрыв на Рейскорс-роуд. Боже мой, казалось, что огонь и обломки летят до самого неба! Я бы оценил это в пять баллов по шкале Рихтера. Ужасно! Вы теперь знаете, как устраивать настоящее огненное шоу. Но конечно, было нелегко просто стоять там, не зная, что происходит. Мне бы не хотелось снова это пережить. — Гомер снова замолчал и тоже зевнул. — Что-то мне кажется, нам всем надо поспать. Нет смысла сидеть здесь и гадать, что случилось с Ли и Робин. Мы только сами себе хуже сделаем. Но позже мы можем выработать какую-то тактику. Что нам действительно необходимо, так это поддерживать в себе силы. Если мы станем по очереди стоять на страже, к завтрашнему дню будем в порядке. Не думаю, что у тех людей достаточно сил, чтобы за один день обшарить всю округу.

— Да, ты в общем прав, — сказала я. — Но мы должны сначала продумать маршрут бегства, на тот случай, если они всё-таки придут сюда. То, до чего ты додумался, сидя вместе с Фай в той кладовке, и сейчас должно пригодиться.

— Ох, те ужасные маленькие жёлтые шарики, — вздохнула Фай, наморщив нос. — И почему в мужских туалетах всегда есть эти жёлтые шарики?

— А ты откуда знаешь, что всегда бывает в мужских туалетах? — спросил Гомер.

— Что, если мы будем спать в комнатах стригалей? — сказала Корри. — А тот, кто будет дежурить, может забраться в домик на дереве. Если какая-нибудь машина подъедет к домику стригалей сзади, мы сможем выскочить через загон в буш, прежде чем они окажутся слишком близко.

— А мы увидим эту машину, услышим её? — опять спросил Гомер.

Корри немножко подумала:

— Можем. И успеем сбежать, если дежурный вовремя нас разбудит.

— Надо поставить там рядом велосипеды, тогда у нас будет преимущество. И ещё давайте приберёмся в кухне, как будто нас тут и не было.

Гомер с каждым часом удивлял меня всё сильнее. Теперь уже трудно было поверить в то, что этому сообразительному парню, который потратил пятнадцать минут на то, чтобы заставить нас засмеяться, прийти в себя и рассуждать разумно, в школе никто бы не доверил даже раздачу учебников...

Фай разбудила меня около одиннадцати часов. Так мы договорились, но было куда легче заключить соглашение, чем выполнить его. Я чувствовала себя отяжелевшей, поглупевшей, заторможенной. Забраться на дерево казалось мне не по силам, это было слишком тяжкое испытание. Я стояла перед стволом и смотрела наверх минут пять, прежде чем накопила достаточно энергии.

Есть люди, которые просыпаются быстро, и есть такие, кто просыпается медленно. Я вообще проснуться не могла. Но по опыту знала, что если просто посижу полчаса, то постепенно наполнюсь энергией. Так что я сонно уселась в домике на дереве, глядя на дорогу вдаль, терпеливо ожидая, когда моё тело снова начнёт нормально функционировать.

Как только это произошло, сидеть на дереве стало не в тягость. Я, не веря самой себе, вдруг осознала, что прошло не более двадцати часов с того момента, когда мы выскочили из буша в совершенно новый мир. Жизнь может меняться очень быстро. И в каком-то смысле нам следовало привыкнуть к переменам. Мы ведь уже повидали всякое. Например, вот этот домик на дереве. Мы с Корри немало часов провели под его крышей, устраивая чайные вечеринки для кукол, играя в школу, подсматривая за стригалиями овец, делая вид, что мы тут пленницы. Все наши игры были подражанием действиям взрослых, взрослой жизни, хотя мы, конечно же, тогда этого не понимали. А потом наступил день, когда мы перестали играть. Пара месяцев прошла без наших обычных игр, но в первые школьные каникулы я собрала кукол и попробовала начать всё сначала. Но всё пропало: магия игры уже не действовала. Я даже с трудом могла вспомнить, как мы всё тут делали, пытаюсь вернуть то настроение, сюжеты игр, вспомнить, как куклы двигались, думали, говорили. Но это теперь напоминало чтение бессмысленной книги. Потрясённая тем, как быстро всё растаяло, я грустила о потерянном, немного боялась того, что со мной произошло, и не знала, чем теперь занять время.

Потом я услышала внизу какой-то звук и увидела рыжую голову Корри, которая поднималась в домик. Я сдвинулась влево, освобождая для неё место, и через мгновение она уже была рядом со мной.

— Заснуть не могу, — объяснила Корри. — Так много нужно обдумать!

— Я спала, только не знаю как.

— Что-то страшное снилось?

— Не знаю. Я никогда не помню сны.

— Ну да, не так, как Тео, как там его фамилия... Он каждое утро рассказывал нам, что ему приснилось, во всех подробностях. Скукота!

— Да он просто зануда.

— Интересно, где они все сейчас, — тихо проговорила Корри. — Я так надеюсь, что они там, на территории ярмарки... Надеюсь, что с ними всё в порядке. Только об этом и думаю. Вспоминаю то, что мы проходили на истории о Второй мировой войне, о Кампучии и всяком таком, и у меня просто мозги плавятся от ужаса. А потом я думаю о том, как те солдаты в нас стреляли и как они кричали, когда взорвалась сенокосилка... — Корри с несчастным видом подобрала кусок коры. — Элли, я просто не могу поверить, что это происходит на самом деле. Вторжения случаются в других странах и в кино. Даже если мы

всё переживём, я уже никогда не буду чувствовать себя в безопасности.

— Я тут думала о том, как мы здесь играли...

— Да-да, чайные вечеринки. И наряжали кукол. Помнишь, как мы их всех намазали губной помадой?

— А потом нам стало неинтересно.

— Мм... да, всё как-то угасло... Мы выросли, наверное. Появились другие интересы, вроде мальчиков.

— Да, то были наши невинные дни... Знаешь, когда мы перешли в старшие классы и всё такое, я, оглядываясь назад, улыбалась и думала: «Боже, неужто я была такой наивной?» Санта-Клаус и Зубная фея... Ещё я думала, что мама лепит мои рисунки на холодильник потому, что это настоящее искусство... Но кое-что я вдруг поняла. Корри, мы и оставались такими же наивными. Вплоть до вчерашнего дня. Да, мы уже не верили в Санта-Клауса, но мы верили в другие фантазии. Ты сама назвала одну из них. Самую главную. Мы верили, что нам ничто не грозит. Вот уж всем фантазиям фантазия! А теперь мы знаем, что это не так, и, как ты и сказала, никогда уже не почувствуем себя в безопасности, так что прощай невинность! Было приятно с ней познакомиться, но теперь она ушла.

Мы сидели в домике, глядя через загон на тёмный кусок дороги вдаль, дороги, которая протянулась там, как тонкая чёрная змея. На ней появились бы люди, если бы вздумали искать нас. Но на дороге не было никакого движения, только птицы занимались своими неизменными делами.

— Думаешь, они придут? — вскоре спросила Корри.

— Кто? Солдаты? Не знаю, но Гомер кое-что сказал... насчёт того, что у них недостаточно людских сил, чтобы обшарить весь округ. Думаю, в его словах большая доля правды. Понимаешь, у меня такая теория: они используют нашу долину как некий коридор, подступ к большим городам и поселениям. Предполагаю, что они приземлились около залива Кобблер и что Виррави их интересует лишь потому, что они хотят затаиться, пока не смогут добраться до остальной страны. Залив Кобблер — огромная гавань, и вспомни: мы ведь его не видели, когда выбрались из Ада, он скрывался в тумане. Могу поспорить, что там сейчас полным-полно кораблей и оттуда их части передвигаются по шоссе. Но едва ли Виррави может быть для кого-то главной целью. У нас тут нет секретных ракетных баз, нет атомных станций. Или, по крайней мере, не было в последний раз, когда я смотрела по сторонам.

— Не знаю, — с сомнением произнесла Корри. — Никогда ведь было не угадать заранее, к чему ведёт миссис Норрис, когда она показывала нам разные опыты в школьной лаборатории... Так и тут... что-то может быть хорошо скрыто.

— Эй, детишки, а ну спускайтесь с дерева! — послышался голос внизу. Нам и смотреть туда было незачем, чтобы понять, кто это. — Вы, конечно, отменные сторожа! — сказал Гомер, поднимаясь к нам. — Но я слышал, что вы тут говорили о миссис Норрис, моей любимой учительнице. Я ей всё расскажу, когда вернёмся в школу.

— Ага, лет через двадцать.

— А разве не на уроке миссис Норрис ты вылез в окно и спустился по водосточной трубе? — спросила я.

— Вполне возможно, — признал Гомер.

— И почему? — со смехом спросила Корри.

— Ну, мне стало немножко скучно, — объяснил Гомер. — Даже скучнее обычного.

Вот я и подумал, что лучше уйти. А окно оказалось ближе, чем дверь, так что, когда училка отвернулась к доске, я и вышел. И спустился по трубе.

— А потом наткнулся на мисс Максвелл, — хихикнула я.

— И она спросила: «Ты что тут делаешь?»

— Вполне справедливый вопрос, — кивнула я.

— А я ей объяснил, что проверяю систему стоков, — закончил Гомер, качая головой при воспоминании о взбучке, которая за этим последовала.

Мы захохотали так, что едва не свалились с дерева.

И тут нас заставил умолкнуть знакомый звук. Мы замолчали и вытянули шею, всматриваясь в небо.

— Вон там! — воскликнула Корри, показывая.

Над холмами пронёсся реактивный самолёт, так низко, что мы смогли рассмотреть опознавательные знаки на нём.

— Это один из наших! — взволнованно закричал Гомер. — Мы всё ещё в деле!

Самолёт взял немного вверх, чтобы миновать вершины, повернул влево и унёсся в сторону Страттона.

— Ой, смотрите! — закричала Корри.

Ещё три самолёта, тёмные и зловещие, промчались следом за нашим. Они летели немного выше, но в том же направлении. Шум был оглушительным, он рассёк тишину неба и земли, как некая гигантская застёжка-молния, разошедшаяся с бешеным грохотом. Гомер снова сел.

— Трое против одного, — пробормотал он. — Надеюсь, он с ними справится.

— Он или она, — рассеянно пробормотала я.

Длинный день продолжался. Когда все проснулись, мы довольно поздно позавтракали и без конца говорили о Ли и Робин, гадая, где они могут быть и что могло случиться. Через какое-то время мы осознали, что бессмысленно повторяем одно и то же. Гомер замолчал минут на десять, и наши голоса постепенно утихли, потому что мы заметили, что все смотрим на него. Наверное, так всегда случается, когда кто-то молчит слишком долго. А может быть, это произошло потому, что мы уже начали признавать главенство Гомера. Он вроде бы ничего не заметил, просто заговорил в какой-то момент, как будто так и надо было.

— А как насчёт вот чего... — начал он. — Вы знаете, что я думаю о том, чтобы всем постоянно держаться вместе. Это, конечно, приятно, но чрезвычайно глупо. Нам нужно стать жёстче, и быстро. И хотя нам нравится держаться вместе, это уже не имеет значения. Вы понимаете, о чём я говорю? Ну так вот, я предлагаю, чтобы двое из нас отправились в Виррави поискать Ли и Робин. Если к полуночи их не будет, надо пойти в дом Ли, проверить, возможно, они там прячутся, даже могли быть ранены.

— Я думал, ты больше не веришь в дружбу, — заговорил Кевин. — Ведь идти к дому Ли — это чертовский риск, если мы уж так беспокоимся о собственном спасении.

Гомер бросил на него холодный взгляд, и даже Корри сделала большие глаза.

— Я это не ради дружбы делаю, — ответил Гомер. — Это рассчитанный риск. Семь человек — лучше, чем пять, так что мы должны рискнуть ради того, чтобы снова довести наше число до семи.

— И кончим тем, что останутся всего трое.

— Мы можем кончить и тем, что вообще никого не останется. С этого момента и впредь любой шаг представляет собой риск, Кев. Мы нигде не будем в безопасности, нигде и

никогда, пока всё это не кончится. И всё, что мы можем делать, так это рассчитывать добавочные риски. Если это будет продолжаться достаточно долго, нас всё равно поймают. Но если мы ничего не будем делать, нас поймают гораздо быстрее. Самое рискованное — вообще не рисковать. Или рисковать бездумно. Мы должны выбрать для себя нечто среднее. Совершенно очевидно, что те, кто отправится на поиски Ли и Робин, должны быть чрезвычайно осторожны. Но я уверен, что они и сами это сообразят.

— А оставшимся троим что делать? — спросил Кевин. — Тупо сидеть здесь, есть и спать? И даже без телевизора!

— Нет, — ответил Гомер. Он даже наклонился вперёд. — Я вот что предлагаю. Они нагрузят «тойоту» Корри всем полезным, что только смогут найти. Потом пойдут к Кевину и там тоже соберут всё, что найдут. И в моём доме, и в доме Элли, если хватит времени. Потом заберут у Кевина «лендровер» и его тоже нагрузят. Я имею в виду продукты, одежду, бензин, винтовки, инструменты, всё такое. К рассвету у нас будут две машины, набитые грузом под самую крышу и готовые отправиться в путь.

— Отправиться куда? — спросил Кевин.

— В Ад, — спокойно ответил Гомер.

В том и состояла гениальность Гомера. Он умел соединить мысль и действие, он умел планировать наперёд. Думаю, он чувствовал, что наш главный враг — бездействие. Любой, кто увидел бы нас в тот момент, подумал бы, что мы очутились в самом отчаянном положении за всю свою жизнь. И в один миг всё изменилось. Мы выпрямились, заволновались, у нас загорелись глаза и щёки. Нам было теперь чем заняться, чем-то полезным для всех. Внезапно стало ясно, что у нас всё же есть будущее и оно — в Аду, в том самом таинственном провале за грядой гор. Мы начали осознавать, что жизнь, похоже, ещё не кончилась.

— Мы составим список, — сказала Фай. — Нужны карандаши, ручки, бумага. Корри?

Примерно час мы занимались составлением списка. В него вошло множество вещей, таких как ключи от баков с бензином, ножной насос для накачки автомобильных шин, топливо для «лендровера». В продуктовой части списка значились рис, лапша, консервы, чай, кофе, джемы, разные хлопья, сухие бисквиты, печенье и сыр. Кевин явно огорчился, когда сообразил, что ему, похоже, придется стать вегетарианцем. Но мы наверняка должны были найти горы яиц и в кухнях, и в курятниках. Конечно, мы не забыли и про одежду, в первую очередь сосредоточившись на тёплых вещах — на тот случай, если погода испортится или нам придётся скрываться в буше долгое время. В одежде мы обращали внимание прежде всего на цвета, которые должны быть неброскими, тёмными, то есть камуфляжными.

Но, кроме первостепенного, нужно было подумать и о многом. Множество всякого барахла осталось в «лендровере» после нашего пятидневного пребывания в Аду, и всё это нужно было проверить. Мы снова и снова обдумывали, что ещё нам понадобится. Мыло, средства для мытья посуды, шампуни, зубная паста и зубные щётки, растопка для огня, карандаши и ручки, бумага, карты окрестностей, компасы, книги для чтения, транзисторный приёмник — на тот случай, если оживёт какая-нибудь радиостанция, — ещё батарейки, фонари, средства от комаров, аптечка первой помощи, бритвы, тампоны, игральные карты, шахматы, спички, свечи, крем от загара, бинокль, гитара Кевина, туалетная бумага, будильник, фотоаппарат и кинокамера, семейные фотографии... Гомер ничего не сказал насчёт семейных фотографий, но, когда мы стали перечислять другие семейные

драгоценности, он наконец вмешался.

— Мы не можем тащить с собой такие вещи, — сказал он, когда Корри внесла в список ежедневники своей матери.

— Почему это? Они для неё очень важны! Мама всегда говорила, что, если дом вдруг загорится, она первым делом кинется спасать именно их.

— Корри, мы не на пикник собираемся. Нам нужно научиться думать о себе как о партизанах. Вы и так уже внесли в список плюшевых медведей и гитары. Думаю, этого достаточно.

— Если мы можем взять семейные фото, то точно так же можем взять и мамины дневники, — упрямо возразила Корри.

— Вот так оно всё и происходит, — вздохнул Гомер. — Ты говоришь: «Если можно взять фотографии, то можно взять и дневники», а кто-то тут же говорит: «Если можно взять дневники, то можно взять и папины футбольные трофеи», и, прежде чем вы опомнитесь, понадобится уже парочка трейлеров.

Это был всего лишь один из множества споров, которые мы затеяли в тот день. Мы устали, перенервничали, мы боялись за Ли и Робин, за наших родных. Но именно этот спор разрешила Фай — она высказала одно из тех предположений, которые мгновенно начинают выглядеть совершенно очевидными и заставляют вас удивиться тому, что вы сами так долго не могли до этого додуматься.

— А почему бы нам не собрать всё ценное в наших домах, — сказала Фай, обращаясь к Корри, — ну, драгоценности твоей мамы и всё такое... а потом спрятать где-нибудь? Закопать, например, в огороде.

Идея была настолько хороша, что я понадеялась: у нас останется время и для того, чтобы заняться тем же в моём доме.

А Кевин тем временем пытался тайком внести в список ещё какие-то предметы, самыми важными из которых, похоже, были для него презервативы. Но как только он их вписал в лист, Корри тут же их и вычеркнула, и несчастная бумага вскоре стала грязной от бесконечных стираний и исправлений.

Но когда дело дошло до оружия, Кевин сразу стал серьёзным:

— Нам нужна парочка винтовок и пистолет. Одна винтовка двадцать второго калибра, но другая посolidнее. И пистолет двенадцатого. Для винтовок патронов у нас много, но для пистолета столько не найдётся. Если только папа не прикупил ещё, пока мы были в отъезде, только я в этом сомневаюсь. Он об этом говорил, но вряд ли он ездил в город до Дня поминовения, а тогда все спортивные и оружейные магазины были закрыты.

В других домах имелись только газовые «хорнеты», да ещё у моего папы была винтовка, патроны к которой стоили так дорого, что я сомневалась, чтобы в доме нашёлся хотя бы один.

Я как раз объясняла другим, где эта винтовка хранится в нашем доме. Я уже вычислила, что буду одной из тех, кто отправится в город. Но тут мы внезапно услышали странный далёкий звук. Это было похоже на самолёт, но громче, грубее, и он быстро приближался.

— Это же вертолёт, — с испуганным видом сказала Корри.

Мы бросились к окнам.

— Отойдите оттуда, черт побери! — закричал Гомер и тут же повернулся ко мне. — Мы забыли выставить часового. — Он начал стремительно отдавать приказы: — Кевин, беги в гостиную, Фай — в ванную комнату, Корри — ты в спальню, Элли — на веранду.

Смотрите внимательно во все стороны, не появится ли кто-нибудь на дороге или в загонах. Я буду в конторке. Найду винтовку.

Мы повиновались ему. Гомер грамотно выбрал точки наблюдения — мы могли осматривать территорию вокруг на все триста шестьдесят градусов. Я выскочила на застеклённую веранду, как здоровенный перепуганный таракан, встала у занавесок и стала выглядывать из-за них. Я не видела вертолёт, но я его слышала, он грохотал хрипло и угрожающе. Я внимательно осматривала окрестности, но ничего не замечала. Потом что-то шевельнулось на краю моего поля зрения. Это оказалась малышка Флип, топавшая через двор. Мне стало худо. Собаку могли заметить с воздуха, и какие бы они сделали выводы? Здоровая собака, которая радостно носится вокруг дома, предположительно пустующего уже неделю... Я соображала, нужно ли мне поскорее позвать её, на тот случай, если её ещё не обнаружили? А если она слишком энергично откликнется на мой зов, то это покажется ещё более подозрительным. Я решила ничего не делать, и как раз в этот момент вертолёт вылетел на мою сторону дома. Он был огромным, уродливо-тёмным, как могучая оса, с гулом ищущая, кого бы убить. Я отшатнулась назад, спряталась за занавесками, боясь увидеть лица людей, сидевших в страшной машине. Мне казалось, что они могут видеть дом насквозь и стены им не помеха. Я присела на корточки, потом поползла вдоль стены к углу, повернула к двери и помчалась в контору, где уже собрались остальные.

— Ну? — спросил Гомер.

— Солдат не видела, — ответила я, — но там Флип бегают по двору. Они должны были её заметить из вертолёта.

— Этого уже может оказаться достаточно, чтобы у них возникли подозрения, — сказал Гомер. — Они же обучены замечать всё не совсем обычное. — Он выругался. — Нам ещё многому придётся научиться, если, конечно, мы вообще выберемся из этой передраги. Сколько человек было в вертолёте?

Ответы прозвучали разные:

— Трудно сказать...

— Пожалуй, трое.

— Я не видела.

— Трое или четверо, но, может быть, сзади и другие сидели.

— Если они сейчас приземлятся, то, скорее всего, разойдутся в разные стороны... — Гомер думал вслух. — От двадцать второго калибра пользы не особо много. «Тойота» всё ещё стоит в овечьем загоне. Поверить не могу, что мы были настолько глупы. Ладно уж, что теперь говорить... Возвращайтесь на те же места, следите, что будет. И постарайтесь сосчитать солдат. Но ни в коем случае не позволяйте им себя заметить.

Я побежала на веранду, но вертолёт уже нигде не было видно. Однако его чудовищный злобный гул наполнял мою голову, заполнял дом. Он ревел во всех комнатах. Я вернулась в контору.

— Он с западной стороны, — сказал Кевин. — Просто завис там, не опускается.

— Послушайте, ребята, — заговорил Гомер, — если он приземлится, у нас, похоже, останется только два варианта. Мы можем ускользнуть с противоположной стороны дома и под прикрытием деревьев убежать в буш. От велосипедов пользы не будет, до «тойоты» нам не добраться. Так что бежать придётся на своих двоих и полагаться на собственные мозги и физическое состояние. А второй вариант — сдаться.

Наступило мрачное, пугающее молчание. На самом деле у нас был только один вариант

действий, и Гомер это прекрасно знал.

— Мне совсем не хочется стать мёртвым героем, — сказала я. — Думаю, мы должны воспользоваться шансом и сдаться в плен.

— Согласен, — быстро откликнулся Гомер, как будто испугался, что кто-то начнёт возражать.

Несогласным выглядел только Кевин. Мы все уставились на него. Он немного помялся, потом нервно сглотнул и кивнул:

— Ладно.

— Идемте в гостиную, — предложил Гомер. — Посмотрим, там ли ещё вертолёт.

Мы поспешили по коридору к гостиной, Кевин первым вбежал туда и бросился к окну.

— Висит, — доложил он. — Ничего не делает, просто наблюдает. Нет, погодите... немножко сдвинулся... спустился ниже...

Фай вскрикнула. Я оглянулась на неё. Она весь день держалась очень тихо. А теперь выглядела так, словно готова потерять сознание. Я схватила её за руку, и Фай с такой силой сжала мои пальцы, что я подумала, что, пожалуй, сама сейчас хлопнусь в обморок. Кевин продолжал комментировать происходящее.

— Они прямо на меня смотрят, — сказал он. — Но не думаю, что видят меня.

— Не шевелись! — приказал Гомер. — Выдаёт именно движение.

— Знаю! — огрызнулся Кевин. — Или ты думаешь, я собираюсь пуститься в пляс?

Ещё минуты две мы стояли, как манекены в витрине магазина. В комнате как будто становилось всё темнее и темнее. Когда Кевин снова заговорил, это был шёпот, словно солдаты уже топтались в коридоре.

— Он завис... не знаю... нет, немного сместился в сторону, чуть-чуть. Может, собирается полететь на другую сторону дома...

— Тогда движение было бы заметным, — возразил Гомер. — Но не могут же они вечно тут висеть.

Фай ещё сильнее сжала мою руку, хотя я думала, что такое просто невозможно. Это было даже хуже, чем нести из магазина битком набитые пластиковые пакеты с собачьей едой. Кевин продолжал говорить, как будто и не слышал Гомера:

— По-прежнему сдвигается в сторону... ещё немного... нет, назад пятится чуть-чуть... Эй, ты, вали наконец отсюда! Да, отходит назад и скорости прибавляет. Ох да! Как какой-нибудь хоккеист, что готовится к удару.. Да! Да! Вали отсюда, лети к себе! — Он вдруг повернулся к нам и небрежно пожал плечами. — Смотрите! Мне только и нужно было, что воспользоваться своим обаянием!

Когда звук вертолёта стал уже больше похож на гудение бензопилы, Корри схватила что подвернулось под руку и швырнула в Кевина. Предмет оказался фигуркой Девы Марии, и, к счастью для Корри, Кевин её поймал. Фай разразилась слезами. Гомер нервно улыбнулся и тут же переполнился энергией.

— Теперь можно и шуметь, — сказал он. — Нам повезло. Больше мы не должны совершать так много ошибок. — Он погнал нас всех в гостиную, потом дальше, за дверь, из дома. — Теперь будем совещаться здесь, откуда видно дорогу. Так, слушайте, я скажу, что думаю. Если в моих рассуждениях есть провалы, говорите сразу. А нет — значит, так и сделаем. Хорошо? У нас нет времени на долгие споры. Отлично. Начнём с собак. Флип и та, вторая, как её там...

— Милли, — подсказала я.

— Да, — кивнул Гомер, — Милли. Ребята, нам придётся их бросить. Оставим им всю собачью еду, какая найдётся, но это всё, что мы можем для них сделать. Второе — коровы. Я посмотрел твою, Корри. У неё не только уже мастит, у неё гангрена начинается. Нам придётся её пристрелить. Было бы слишком жестоко позволить ей страдать.

Я посмотрела на Корри. Она слушала Гомера с сухими глазами. Гомер продолжил:

— Третье — «тойота». Мы не можем сейчас её забрать. Они увидят нас с воздуха, а если и нет, то заметят, что она исчезла. Так что трое возьмут с собой всё, что можно увезти на велосипедах, поедут к Кевину — там должен быть другой внедорожник. — Он посмотрел на Кевина, спрашивая, так ли это.

— «Форд» так там и стоит, — кивнул Кевин.

— Хорошо. Я, вообще-то, надеялся, что мы сможем увезти овощи из огорода мамы Корри. Но не думаю, что сейчас подходящий момент для этого, разве что в темноте... А пока что нам, полагаю, до ночи лучше уйти в буш. Берём велосипеды и то, без чего действительно не обойтись, и отправляемся, а то они ведь могут сюда послать солдат из города. Я уверен, что после наступления темноты они уже не появятся, но до того оставаться слишком опасно. И наконец, насчёт вечера. — Гомер говорил очень быстро, но мы не пропускали ни слова. — Думаю, нам с Элли нужно пойти в город. Нам необходимо оставить здесь водителя, а Кевин и Элли — лучшие в этом деле. К тому же несправедливо было бы составлять группы из одних девочек или из одних парней. Потом, если вы втроём доберётесь к рассвету до дома Элли, мы там и встретимся. Если нас не будет утром, ждите нас до следующей полуночи, а потом отправляйтесь в Ад. Одну машину спрячьте у дома Элли, а вторую где-нибудь на гребне, рядом с Тейлор-Стич, а сами спускайтесь к месту нашей стоянки. Мы сами туда доберёмся, когда сможем.

Говоря всё это, Гомер нервно обшаривал взглядом дорогу. Теперь он встал и выпрямился.

— Меня здорово напугал этот вертолёт, — продолжал он. — Давайте уйдём прямо сейчас, а грабёж домов отложим до вечера. Я вас буду ждать у навеса стригалей. Мы должны собрать все велосипеды. Без них нам не обойтись.

Гомер взял винтовку и посмотрел на Корри, вскинув густые тёмные брови. Та заколебалась, потом пробормотала:

— Лучше ты.

Корри пошла с нами, а Гомер отправился в одиночку к деревьям в конце загона при доме, где беспокойно топталась корова. Выстрел прозвучал через несколько минут, когда мы уже бежали к домикам стригалей. Корри левой рукой вытерла глаза, правой она держалась за руку Кевина. Я похлопала её по спине, чувствуя себя очень странно. Я прекрасно понимала, что чувствовала в тот момент Корри. Люди привязываются к своим коровам. Я видела, как папа стрелял в состарившихся собак, в кенгуру, которая запуталась в колючей проволоке и уже не могла выбраться, в овец, когда на рынке падали цены... И я понимала, что дни Милли тоже сочтены. Но мы никогда не убивали молочных коров.

— Надеюсь, мама с папой не стали бы возражать, — проворчала Корри.

— Они бы стали очень сильно возражать, если бы ты разбила ту статуэтку, — сказала я, пытаясь немного её взбодрить.

— Хорошо, что я отличный защитник на поле, — похвастал Кевин. — Ловить умею.

Мы добрались до домиков стригалей, а через пару минут к нам присоединился Гомер. И как раз вовремя. Через несколько секунд после этого с запада низко и страшно промчался

над нами чёрный реактивный самолёт. Он шумел, как все бормашины мира одновременно, если их вой усилить в тысячу раз. Мы наблюдали за ним через маленькие окошки спальни стригалей, слишком зачарованные и испуганные, чтобы шевелиться. Было в этом самолёте что-то зловещее, даже дьявольское. Он мчался явно целенаправленно, уверенно, с холодной злобой... Когда самолёт пролетал над дорогой, он как будто чуть замедлил ход и едва заметно содрогнулся. И из-под его крыльев вылетели две маленькие стрелки, две чудовищные чёрные штуковины, которые стали быстро расти, приближаясь к нам. А приближались они ужасающе быстро. Корри испустила крик, которого я никогда не забуду, — как подбитая птица. Первая ракета ударила в дом, вторая помчалась следом за ней.

Дом начал медленно разваливаться. Он как будто повис в воздухе, словно это и не дом вовсе, а конструкция лего, которую собрали не до конца. Потом внутри начал расцветать огромный оранжевый цветок. Он рос очень быстро, скоро внутри ему стало слишком тесно и пришлось разнести дом в щепки, чтобы освободить себе место. Всё разом взорвалось. Всё полетело в разные стороны — кирпичи, доски, раскалённое железо, стёкла, мебель, а острые оранжевые тычинки цветка ринулись в пространство, и вот уже они захватили загон у дома, повисли на деревьях, цеплялись за изгороди, падали на землю... А там, где стоял дом, всё стало чёрным: огонь исчез, только дым медленно поднимался над фундаментом. Шум взрыва прокатился над загонами как гром, отразившись от холмов. Обломки стучали на крыше домиков стригалей, точно град. Они падали очень долго, а когда самые тяжёлые куски уже лежали на земле, всякие лёгкие предметы: обгоревшие листы бумаги, обрывки ткани и синтетической набивки — всё ещё плыли в воздухе, не спеша и мирно разлетаясь по округе.

Вторая ракета ударила в склон холма за домом. Не знаю, то ли она должна была попасть в сарай для стрижки овец, то ли ещё куда. Она упала не так уж далеко от нас. И с такой силой ударилась о землю, что всё вокруг содрогнулось. А в следующую секунду прозвучал взрыв, и через мгновение кусок холма просто улетел.

Самолёт вернулся и сделал круг над загонем у реки, и мне показалось, что люди в нём, наблюдая картину разрушений, наслаждались ею. Наконец самолёт развернулся и умчался вдаль, в свою вонючую берлогу.

Корри сидела на полу, она икала и тряслась, как рыбка на крючке. Глаза у неё так ввалились, что их и не видно было. Ничто не могло её успокоить. Мы испугались. Гомер выбежал, принёс ведро воды. Мы немножко плеснули в лицо Корри. Кажется, это её слегка привело в чувство. Я подняла ведро и вылила воду ей на голову. Корри перестала икать и теперь просто плакала, прижавшись лбом к коленям, обхватив руками лодыжки, с неё стекала вода. Мы вытирали её, обнимали, но прошло несколько часов, прежде чем она успокоилась настолько, чтобы хоть посмотреть на нас. А нам оставалось лишь сидеть рядом, и ждать, и надеяться, что самолёт не вернётся, надеяться, что сюда не прийдут солдат в грузовиках. Корри не могла двинуться с места, а мы не могли никуда уйти без неё.

С наступлением темноты к Корри как будто отчасти вернулся рассудок, она уже могла соображать и что-то отвечать шёпотом. Но её голос звучал безжизненно, а когда мы заставили её встать, она двигалась как очень старая леди. Мы закутали Корри в одеяла, взяв их с постелей стригалей, но понимали, что ехать на велосипеде она не сможет. Поэтому Гомер и Кевин всё-таки влезли в «тойоту» и поехали к Кевину, а вернулись на «тойоте» и «форде». Гомер всё ещё думал, что нужно оставить «тойоту» у Корри, чтобы всё выглядело так, словно никто ею не пользовался. Он надеялся, что враги подумают, будто мы взорвались в доме.

— В конце концов, они не могли быть уверены, что в доме кто-то был, — говорил он. — Они могли заметить какое-то движение в доме, а может быть, это Флип возбудила их подозрения.

Гомер обладал даром ставить себя на место солдат, думать как они, смотреть на всё их глазами. Видимо, это называется воображением.

Я пошла искать Флип, но так и не нашла. Если собачка и не погибла при взрыве, то наверняка до сих пор неслась куда-то без оглядки. Вероятно, она могла уже добежать до Страттона. Но я обещала Кевину, что буду её искать, пока он отправился за «фордом».

Парни вернулись около десяти. Мы ужасно волновались, пока их не было, — мы ведь уже стали так зависеть друг от друга... Но наконец машины медленно прокрались по подъездной дороге, объезжая следы взрыва. Нетрудно было догадаться, что за рулём «тойоты» сидит Гомер. Водитель он не ахти.

Потом мы ещё немного поспорили, когда Гомер напомнил, что мы должны придерживаться изначального плана, включая пункт о разделении на две группы. Корри чувствовала себя ужасно, узнав, что парни отправились за машинами. И теперь, при мысли о том, что мы с Гомером отправимся в Виррави, который Корри считала невероятно опасной территорией, она опять зарыдала и вцепилась в меня. Но Гомер не желал отступить.

— Мы не можем просто забраться под кровать и сидеть там, пока всё не кончится, — сказал он Корри. — Мы уже совершили сегодня кучу ошибок и дорого заплатили за них. Но кое-чему мы научились. Надо найти Ли и Робин. Ты ведь хочешь, чтобы они вернулись?

Похоже, это оказалось единственным действенным аргументом, отчасти действенным. Пока Корри об этом размышляла, Кевин усадил её в «форд». Потом он и Фай сели по обе стороны от неё. Мы быстро попрощались и вскочили на велосипеды, чтобы отправиться в Виррави.

Я даже не пыталась делать вид, что мне хочется туда ехать. Но я знала, что поехать должны именно мы. И мне хотелось провести побольше времени с этим новым Гомером, умным и интересным парнем, которого я знала и в то же время совсем не знала так много лет. После нашего путешествия в Ад я заинтересовалась Ли, но его не было с нами уже несколько часов, а Гомер был рядом, а это совсем другое дело.

Я вспомнила, как однажды отправилась с папой на скотобойню и, пока он обсуждал с управляющим дела, наблюдала за тем, как животных гонят по огромному пандусу на убойную площадку. И я никогда не забуду того, как два бычка, будучи всего в двух минутах от смерти, пытались забодать друг друга. Я понимаю, что это грубое сравнение, но оно

немножко напоминало нас самих. «Мы живы посреди смерти». Мы отчаянно сражались за то, чтобы остаться в живых, но я всё равно продолжала думать о мальчиках и о любви.

Мы ехали молча несколько минут, потом Гомер немного обогнал меня.

— Возьми меня за руку, Элли, — предложил он. — Ты можешь править одной рукой?

— Конечно.

Так мы проехали километр или два, несколько раз чуть не налетев друг на друга, а потом пришлось разжать руки, чтобы набрать скорость. Но мы немного поговорили, только не о бомбах, смерти и разрушениях, а о разных глупостях. И ещё мы поиграли в «слова», чтобы убить время.

— Назови четыре страны на «Б», пока не доедем до того поворота.

— Ой, подумашь! Бразилия, Бельгия, Британия... э-э-э... Бали? О! Боливия! Так теперь твоя очередь. Пять зелёных овощей, до того как проедем тот телеграфный столб.

— Капуста, брокколи, шпинат... и... зелёный горошек и бобы, конечно. А ты назови пять пород собак до того дорожного знака.

— Легко. Корги, лабрадор, немецкая овчарка, колли, австралийский хилер. Так, теперь специально для греков. Назови три сорта оливок.

— Оливки! Да я и одного не знаю!

— Знаешь. Бывают зелёные оливки, бывают чёрные и бывают фаршированные.

Гомер так захохотал, что едва не съехал с дороги.

У знака «5 километров» мы снова стали серьёзными, держались обочины, не разговаривали, и Гомер ехал метрах в двухстах позади меня. Мне нравится брать на себя ответственность, это ни для кого не секрет, и я думала, что с Гомера ответственности на какое-то время хватит. Приближаясь к каждому повороту, я спрыгивала с велосипеда и шла пешком, потом махала рукой Гомеру, давая знать, что дорога пуста. Мы проехали плакат «Добро пожаловать», потом старую церковь и оказались в месте, которое Гомер называл пригородом Виррави. Поскольку всё население городка уместилось бы в нескольких кварталах многоквартирных домов, «пригород» был просто очередной шуткой Гомера. Чем ближе мы подбирались к дому Робин, тем сильнее меня охватывало напряжение. Я так тревожилась за неё и за Ли, так соскучилась по ним, так боялась того, что мы могли снова столкнуться с солдатами... Столько всего случилось в этот день, что времени подумать о Робин и Ли до сих пор просто не было, разве что я говорила себе что-нибудь банальное и очевидное, вроде: «Хотелось бы знать, где они сейчас. Надеюсь, они там будут вечером. Надеюсь, с ними всё в порядке».

Но это на самом деле были правильные мысли, при всей их банальности и очевидности.

Последний километр перед домом Робин мы преодолевали с крайней осторожностью, ведя рядом с собой велосипеды и готовые в любой момент вспрыгнуть на них, даже если просто ветер шелохнёт ветку, или зашуршит брошенная кем-то обёртка от жевательной резинки, или вскрикнет ночная птица... Мы подошли к воротам и посмотрели на подъездную дорогу. Дом был тёмный и молчаливый.

— Не могу вспомнить, — прошептал Гомер. — Мы договаривались встретиться у дома или на холме за ним?

— Вроде бы на холме.

— Мне тоже так кажется. Давай сначала там проверим.

Мы спрятали велосипеды за кустом смородины рядом с воротами и осторожно пошли по высокой траве вокруг дома. Я всё так же шла впереди, двигаясь так тихо, как только

могла, если не считать парочки моментов — вроде того, что я налетела на тачку и растянулась на земле, споткнувшись о разбрызгиватель. После того случая с сенокосилкой на дворе миссис Александер я стала задумываться о том, а кладут ли люди вообще когда-нибудь всё на свои места. Но здесь не было надежды превратить тачку или разбрызгиватель в оружие. Может быть, мы могли бы включить воду и облить врага? Я хихикнула при этой мысли и тут же поймала на себе изумлённый взгляд Гомера.

— Тебя это развлекает? — шёпотом спросил он.

Я покачала головой, но, по правде говоря, стала чувствовать себя более уверенно и спокойно. Я всегда всему предпочитаю действие, мне лучше, когда я что-то делаю. Например, мне всегда казалось скучным телевидение, уж лучше животных накормить, или ужин приготовить, или даже изгородь подстричь.

Мы поднялись на холм, но ничего не изменилось. Виррави выглядел так же, огни горели только на территории ярмарки и ещё в нескольких местах. Одним из таких мест, как заметил Гомер, был госпиталь. Он выглядел так, словно там работа шла вовсю. Но Робин и Ли нигде не было видно. Мы ждали минут двадцать, потом, поскольку оба замёрзли и начали зевать, решили испробовать план «Б», то есть пойти в дом.

Мы встали и начали спускаться с холма. До дома нам оставалось метров пятьдесят, когда Гомер схватил меня за руку.

— Там кто-то есть, — прошептал он.

— С чего ты взял?

— В одном из окон что-то шевельнулось.

Мы некоторое время наблюдали за окнами, но ничего не увидели.

— А может, там просто кошка? — предположила я.

— Ага, или утконос, только я так не думаю.

Я начала дюйм за дюймом продвигаться вперёд, не с какой-либо конкретной целью, а просто потому, что нельзя же вечно стоять на месте. Гомер следовал за мной. Я не останавливалась, пока не очутилась почти у самой задней двери дома, так близко, что могла бы протянуть руку и коснуться её. Но я всё ещё не была уверена в том, зачем мы это делаем. Страшнее всего была мысль о возможной засаде. Но ведь это шанс и на то, что Робин и Ли прячутся в доме, и мы не могли взять и уйти, не проверив этого. Я хотела открыть дверь, но не была уверена, что смогу сделать это бесшумно. Попыталась вспомнить разные сцены из фильмов, когда героини оказывались в сходных ситуациях, но так ничего и не вспомнила. В кино люди всегда просто вышибали двери ударом ноги и врывались внутрь с оружием наизготовку. Но мы не могли так поступить по меньшей мере по двум причинам.

Первая — это было слишком шумно, вторая — у нас не было оружия.

Я подкралась ещё ближе к двери и замерла в неловкой позе, прижавшись спиной к стене и пытаясь открыть дверь левой рукой. Но это оказалось невозможно, так что я повернулась и присела на корточки, правой рукой нашаривая над собой ручку. Я повернула её тихо и ровно, однако нервы меня подвели на мгновение, и я замерла, держась за ручку. Потом я потянула её на себя, слишком сильно, потому что была почти уверена, что дверь заперта. Но дверь сдвинулась сантиметров на тридцать — с душераздирающим скрипом.

Гомер был за моей спиной, так что я его не видела, но слышала его дыхание, его близость. Как мне хотелось, чтобы в моей руке вдруг оказалась маслёнка и я могла бы смазать эти чёртовы петли! Я выждала ещё немного, но потом решила, что смысла в этом нет, и потянула дверь сильнее. Она скрипела и скрипела... Мне стало совсем плохо, но я

поднялась и сделала три осторожных шага в темноту. Опять подождала, надеясь, что глаза привыкнут к отсутствию света и я смогу найти какой-то смысл в неясных тенях, которые видела перед собой. Я почувствовала движение воздуха сзади, когда Гомер тоже вошёл внутрь, — по крайней мере, я надеялась, что это Гомер. При мысли о том, что это мог оказаться кто-то другой, меня охватил панический страх, так что пришлось сделать себе серьёзное внушение насчёт самообладания.

Но мои нервы сами подтолкнули меня вперёд, ещё на пару шагов, пока я не наткнулась коленями на что-то вроде мягкого стула. В это мгновение я услышала шорох в соседней комнате, как будто кто-то передвинул деревянный стул по деревянному полу. Я отчаянно пыталась сообразить, что находилось в соседней комнате, как она выглядела, но мой ум слишком устал для такой работы. Поэтому я попыталась убедить себя, что не было никакого скрипа, что никого там нет и мне всё чудится. Но тут ужасы подтвердились самым кошмарным образом, потому что раздался скрип пола и мягкий топот ног.

Я инстинктивно пригнулась к полу и тихо метнулась вправо, потом забилась за тот стул, который уже нащупала. И почувствовала, что Гомер сделал то же самое. Я растянулась на ковре, от которого пахло соломой, чистой сухой соломой. Я слышала, как Гомер ворочается рядом, сопя, как старый пёс, который пытается улечься поудобнее. Я была просто потрясена тем, как много шума он издаёт. Сам-то он осознавал это? Но гут впереди послышался другой шум: отчётливый звук передернутого затвора винтовки...

— Робин! — закричала я.

Потом Гомер говорил, что я сошла с ума. И даже когда я всё объяснила, он сказал, что просто невозможно, чтобы я во всём разобралась за долю секунды. Но я могла, и я разобралась. Я знала, что у гонявшихся за нами солдат было современное автоматическое оружие. А то, что я слышала, означало простую однозарядную винтовку. И ещё я вспомнила, что мистер Матерс часто ходил с моим папой на охоту и у него как раз была такая винтовка. Так что я мгновенно поняла, что там Робин или Ли, и решила, что лучше что-нибудь произнести, пока они не начали стрелять.

Позже до меня дошло, что там мог оказаться кто-то вовсе посторонний, какой-нибудь бродяга, дезертир, или поселенец, или кто-то убежавший от солдат. К счастью, это оказалось не так, но не знаю, что бы я сделала, если бы в тот момент подумала об этом.

— Элли! — вскрикнула Робин и упала в обморок.

Она вечно теряла сознание. Я помнила, как в начале общего медицинского обследования в школе мистер Кассар сообщил, что все девочки должны сделать уколы, прививку от кори. При слове «укол» Робин мгновенно рухнула на пол. А на географии, когда мы смотрели фильм о том, как на Соломоновых островах аборигены наносят на лицо порезы ради украшения, мы снова её потеряли на какое-то время.

У Гомера был фонарь, в ванной комнате мы нашли воду и брызгали на Робин, пока та не очнулась. В тот день нам много пришлось иметь дело с водой. Мне любопытно было выяснить, работает ли до сих пор городское водоснабжение. Ведь электричества в доме Робин не было, хотя мы и видели свет в других частях Виррави.

Я была довольно спокойна всё это время, но один из наихудших моментов оказался ещё впереди. Когда Робин пришла в себя и села, я первым делом спросила у неё:

— А где Ли?

— Его подстрелили, — ответила она, и мне показалось, что выстрел угодил в меня и всё в мире сразу умерло.

Гомер отчаянно застонал. В свете фонаря я увидела, как исказилось его лицо, он вдруг стал выглядеть старым и страшным. Гомер схватил Робин за плечи. Сначала я подумала, что он хочет встрясти из неё больше сведений, но, наверное, ему было просто необходимо держаться за кого-нибудь. Он был в отчаянии.

— Он не умер, — проговорила Робин. — Это чистая рана, но довольно большая. В ноге, в голени.

Робин тоже выглядела ужасно. Фонарь светил не слишком ярко, но всё равно видно было, что лицо её напоминает череп. Скулы заострились, глаза ввалились... И от всех нас очень плохо пахло. Уже много времени прошло с тех пор, как мы плавали в реке, а потели мы постоянно.

— Как нам его найти? — настойчиво спросил Гомер. — Он на свободе? Где он?

— Тише, — сказала Робин. — Он в ресторане. Но возвращаться туда слишком рано. Баркер-стрит просто как в час пик. Добраться сюда было очень опасно.

Робин рассказала нам, что случилось. Они с трудом пробирались через каждый перекрёсток, едва не наткнулись на патруль, им пришлось спрятаться под какой-то грузовик, они уже слышали рядом шаги. Ресторан родителей Ли находился прямо в середине торгового квартала, а жили они над рестораном. Как уже говорили Гомер и Фай, на Баркер-стрит творилось неведомо что. Робин и Ли подошли туда с другой стороны, но столкнулись с теми же трудностями. Им понадобился час, чтобы миновать один квартал, потому что там были две группы солдат, занимавшиеся грабежом, одна компания забралась в аптеку, вторая — в молочный бар.

Робин и Ли выжидали, спрятавшись за лестницей здания страховой компании, а потом услышали шум наверху. Они обернулись и увидели мистера Клемент, дантиста, он там затаился, глядя на них сверху.

Ли и Робин разволновались, увидев его, точно так же как заволновались мы с Гомером, слушая рассказ. Но мистер Клемент как будто не обрадовался им. Оказалось, что он там был всё это время, наблюдал за ними и помалкивал. И шум издал только потому, что у него ногу свело судорогой. Когда они его спросили, почему он вёл себя так, он ответил что-то вроде: «Меньше говоришь — скорее поправляешься».

Но мистер Клемент всё же сообщил им кое-что важное, хотя и проявлял неприкрытое нетерпение. Он сказал, что всех, кого поймали враги, держат на территории ярмарки. Сказал, что солдаты делятся на две группы: профессионалы и те, кого набрали просто для количества. Возможно, по призыву. Профессионалы отлично обучены, а вот новобранцы ничего не умеют и плохо экипированы, но некоторые из них по-настоящему жестоки. Как ни странно, профессионалы лучше обращались с людьми.

Ещё мистер Клемент сказал, что солдат недостаточно для того, чтобы тщательно обыскать город, дом за домом. Их тактика — любой ценой сберечь собственные жизни. Если солдатам в каком-то доме чудится опасность, они тут же пускают в него ракету и сжигают до основания, они и не думают туда соваться, чтобы не попасть в засаду. И сказал, что, скорее всего, ещё несколько десятков человек прячутся так же, как он сам, — после того как они видели, что случилось с теми, кто, по его словам, «пытался геройствовать», все стараются хорошенько скрыться.

У Робин создалось впечатление, что мистер Клемент и семью спрятал где-то неподалёку, но тот отказался отвечать на какие-либо личные вопросы, так что они и спрашивать перестали. Потом мимо здания прошёл патруль, мистер Клемент не на шутку

разволновался и велел им уходить.

Робин и Ли снова стали красться по улице, но там было трудно скрыться и недостаточно темно, потому что в нескольких магазинах горел свет. Они как раз подбирались к дверям информационного агентства, когда началась стрельба. Робин сказала, что выстрелы звучали очень громко, как будто метрах в десяти от них, но они не знали, кто стрелял и откуда. Однако целью явно были Робин и Ли.

— Мы были в двух шагах от застеклённой витрины перед дверью агентства, — пояснила Робин. — Только там мы и могли спастись. И мы уже готовы были сделать эти два шага. Даже если бы нас пронзило десятком пуль, мы просто не смогли бы остановиться, двигаясь по инерции.

Они ворвались внутрь, сквозь разбитую дверь. Робин бежала впереди, не замечая, что Ли ранен. В информационном агентстве свет не горел, но достаточно света проникало с улицы, так что ребята видели, куда идут. Проблема состояла в том, что этого освещения хватало и для того, чтобы они превратились в отличные мишени.

Конечно, они оба прекрасно знали, что помещение информационного агентства сквозное и с другой стороны выходит на парковку на Гловер-стрит. Робин и Ли предполагали выскочить туда, а потом помчаться в ту сторону, которая покажется более безопасной. Но когда Робин была уже почти у задней двери, она обнаружила, что: первое — та дверь заперта, второе — Ли очень отстал от неё.

— Я подумала даже, что он остановился посмотреть на фотографии!

Но, обернувшись, Робин поняла по его бледности, что Ли ранен. Он хромал, держась рукой за бок, и смотрел на Робин, закусив губы, чтобы не кричать. Она понадеялась, что он просто растянул мышцу.

— Тебя ранили? — спросила Робин.

Ли кивнул.

О дальнейшем Робин рассказала вкратце, но это как раз и есть причина для меня, чтобы всё записать, потому что я хочу, чтобы люди знали обо всём, о том, какой храброй была в ту ночь Робин. Я не прошу для неё медалей, и она сама их не хочет, — ну, впрочем, не знаю, я её не спрашивала, может, ей бы и понравилась награда, — но думаю, она вела себя как черт знает какая героиня. Она схватила здоровенный ксерокс, стоявший на столике рядом с лотерейным киоском, и швырнула его в запертую стеклянную дверь. Потом бросилась к Ли, взвалила его себе на спину и потащила к разбитой двери, попутно отшвыривая ногой осколки стекла. Конечно, я знаю, что Робин крепкая, сильная, но ведь не настолько! И не просите меня это объяснить. Это похоже на те истории, в которых говорится о матерях, что переворачивают или поднимают автомобили, под которыми очутились их дети, а когда их на следующий день просят сделать то же самое ещё раз, они вообще не могут сдвинуть такую машину с места, потому что в том нет необходимости. Робин, будучи религиозной, объясняет это по-другому. И кто знает? Я не настолько глупа, чтобы утверждать, будто она не права.

В общем, она с Ли на спине прошла мимо пяти зданий до ресторана. Старая задняя дверь, что выходила на парковку, была открыта, так что Робин вошла туда без труда. Она опустила Ли на погрузчик, закрыла скользящую заднюю дверь и повезла Ли куда-то в темноту. Потом сбегала к парадной двери, чтобы выглянуть на Баркер-стрит. Трое солдат заглядывали в информационное агентство. Через пару минут к ним подошли ещё двое, а потом они все впятером прошли мимо ресторана, закуривая сигареты, болтая и смеясь. Они

ушли дальше, не проявляя особого интереса к окружающему, так что Робин решила: у них пока что и других проблем хватает.

— Наверное, они подумали, что вы мародёры, — решил Гомер. — Мистер Клемент говорил, там такие бродят, так что патрули частенько их замечают. Но они и не думают организовывать за ними серьёзную погоню.

И им не захотелось бы без надобности взрывать Баркер-стрит.

— Но они взорвали дом Корри, — напомнила я.

— Ну да, — согласился Гомер. — Но магазины на Баркер-стрит всё ещё набиты товарами. Может быть, они каким-то образом связали Корри с поджогом сенокосилки. Или это была просто лёгкая цель. А может, они вообще стараются уничтожить все фермерские дома.

Робин пришла в ужас, когда мы ей объяснили, что случилось с домом Корри. Но постепенно всё же рассказала свою историю до конца. Она разрезала брюки Ли, а он лежал и нахально шутил, но всё равно был бледным и холодным, и Робин думает, что у него был настоящий шок. Она остановила кровотечение, наложив повязку, закутала Ли потеплее, потом как-то сумела набраться храбрости, чтобы снова вернуться в здание страховой компании, и около часа ждала там мистера Клемента. Когда он пришёл с двумя пакетами продуктов, она просто заставила его пойти и осмотреть Ли.

— Ему этого совсем не хотелось, — признала Робин, — но в конце концов он повёл себя как должно. Пошёл в свой кабинет, взял кучу всякой всячины, даже шприцы с обезболивающим. Сделал Ли укол, осмотрел рану. И сказал, что рана чистая, пуля прошла навывлет, и если мы будем держать ногу в чистоте, то всё обойдётся, но для заживления понадобится время. Мистер Клемент даже наложил швы, потом научил меня делать уколы, а чтобы я снова к нему не явилась, оставил кое-что — обезболивающие лекарства, обеззараживающие и шприц с иглами. Я уже сделала сегодня Ли два укола. Это забавно!

— Робин! — Я от изумления сама чуть не грохнулась в обморок. — Ты же теряешь сознание, когда кто-нибудь просто говорит об уколах.

— Да, знаю... — Робин склонила голову набок, как будто была каким-нибудь ботаником и изучала сама себя. — Забавно, правда?

— И как он теперь? — спросил Гомер. — Ходить может?

— Немного. Мистер Клемент сказал, что Ли должен отдыхать, пока не будут сняты швы, то есть самое малое неделю. И показал мне, как их снимать.

Я вытаращила глаза. Робин снимает швы! Тут даже и сказать было нечего.

— А родные Ли где, их там нет?

— Нет. А в ресторане ужасный беспорядок. Окна разбиты, столы и стулья перевёрнуты. И квартира наверху ограблена. Не понять даже, была ли там схватка, или просто солдаты повеселились.

— А Ли как на это отреагировал?

— Он не поднимался вверх, нога не позволила, так что мне пришлось ему всё описать. Потом ему захотелось узнать кое-что ещё, и я побежала вверх, чтобы посмотреть. Я по этой лестнице сто раз поднималась и спускалась. Но Ли, конечно, был здорово расстроен из-за всего: из-за родных, квартиры, ресторана, ноги... Но сегодня ему уже лучше. Он даже не такой бледный. То есть был три часа назад. Я тут давно уже сижу, вас дожидаясь. И начала уже немножко беспокоиться.

— Но ты, вообще-то, должна была ждать на холме за домом, — напомнила я.

— Нет, не должна! Мы говорили о доме.

— Нет, мы говорили о холме!

— Послушай, мы ведь договорились...

Это было настоящее безумие. Мы принялись спорить!

— Эй, хватит! — наконец устало произнёс Гомер. — В следующий раз будем договариваться лучше. Да и ты, Элли, сама недавно ещё не могла припомнить, шла речь о доме или о холме.

Последовала пауза. Потом Гомер продолжил:

— Надо уводить Ли оттуда. Там его всё равно быстро найдут. Они уже действуют более организованно и будут стараться за всем следить. Может, они пока и терпят людей вроде мистера Клемента, но это ненадолго. Они уже показали у дома Корри, насколько серьёзно настроены.

Мы немного посидели молча, мысленно соглашаясь с Гомером, и все думали об одном: как нам увести Ли с Баркер-стрит, учитывая рану на его ноге.

— Одна из главных проблем, что Баркер-стрит, если сравнивать её с другими частями города, битком набита солдатами, — высказался Гомер.

— Нам нужно какое-то средство передвижения, — с надеждой произнесла Робин.

— Ага, летающая тарелка, — буркнула я.

— И где мы возьмём бесшумное средство? — сказал Гомер. — Вряд ли удастся приехать сюда на машине без того, чтобы нас не подстрелили.

— Давайте думать, — предложила Робин.

— Отлично, — кивнула я. — Пойду возьму бумагу и карандаш.

— Элли! — возмущённо отозвалась Робин.

— Второе предупреждение, — обратился ко мне Гомер. — Ещё одно — и ты вне игры.

Я сама не понимала, что со мной происходит. Наверное, просто устала. А когда я устаю, то становлюсь излишне саркастичной.

— Извини, — сказала я. — Становлюсь серьёзной. Какая у нас последняя номинация? Бесшумное средство передвижения. Отлично. Торговая тележка. Садовая тачка.

Я произвела впечатление на остальных и осталась довольна собой.

— Элли! — воскликнула Робин, но теперь уже совсем другим тоном.

— Ещё детская коляска, — сообразил Гомер.

Идея начала приобретать формы.

— Мебель на колёсиках.

— Велорикша.

— Повозка, в которую запрягают лошадей.

— Сани. Лыжи. Салазки. Грузоподъёмник.

— Та штука на колёсах, как они там называются, на которых в прежние времена сервировали полуденный чай.

— Да, знаю, о чём ты говоришь.

— Сервировочный столик!

— Кровать на колёсах. Больничная кровать.

— Носилки!

— Офисное кресло на колёсиках.

— Инвалидное кресло.

Как и в случае с колпачком на баке сенокосилки, мы всё это время не замечали

очевидного. Но тут мы с Гомером посмотрели на Робин.

— А он сможет ехать в инвалидном кресле?

Она немного подумала:

— Наверное, да. Если ему будет больно, мы приподнимем его ногу и постараемся, чтобы он ни на что не налетел... К тому же, — она вдруг просияла, — я могу сделать ему ещё один укол!

— Робин! Ты становишься опасной!

— Что ещё возможно из того, что мы перечислили?

— Садовая тачка, но опять же ему будет больно. Но для нас это легче. Носилки были бы в самый раз, но мы жутко устанем. Не знаю, как далеко мы сможем его унести.

— Забавнее всего грузоподъёмник. Думаю, им нетрудно управлять. А пули от него будут просто отскакивать.

Что-то в последних словах Гомера повернуло выключатель в моём мозгу.

— Может быть, мы вообще пошли неверным путём.

— В смысле?

— Ну, мы думаем о чём-то тихом, незаметном. А если удариться в другую крайность? Подумать о чём-то настолько непрошибаемом, что, кто бы нас ни услышал и ни увидел, ничего нам сделать не смог?

— Например? — Робин выпрямилась.

— Не знаю... бульдозер?

— Ох! — воскликнула Робин. — Один из тех грузовиков с лопатой впереди... ну, то есть со скребком вроде ковша... Мы можем использовать скребок как щит.

Мы вдруг ужасно разволновались.

— Ладно, — сказал Гомер. — Давайте получше это рассмотрим. Проблема номер один — водитель. Элли?

— Ну, думаю, да. У нас дома есть старый «додж», чтобы разбрасывать сено в загонах и всякое такое. Им управлять — как большой машиной. У него две скорости, но это и хорошо. Конечно, я не могу сказать наверняка, пока не увижу, но всё должно быть в порядке.

— Тогда проблема вторая. Где мы это возьмём?

Робин тут же перебила его. Я и забыла, что она не видела, как Гомер действовал у дома Корри.

— Гомер, ты что вообще?

— Не понял?

— Если и дальше будешь так рассуждать, потеряешь свою репутацию! Ты разве не считаешься парнем диким и безумным?

Гомер засмеялся, но тут же снова стал серьёзным. Робин состроила гримасу, глядя на меня, а я в ответ подмигнула.

— Итак, вторая проблема?

— Ну, наверное, самое очевидное место — городская техническая станция. Это в трёх кварталах от ресторана. Там наверняка ворота сломаны, но на всякий случай нужно взять болторез. Ключи от машин должны быть где-нибудь в офисе, опять же если там не всё разграблено.

— Хорошо. Звучит логично. Проблема третья. Предположим, мы заберём отсюда Ли. Но мы не можем на грузовике поехать к дому Элли, это же очевидно. А Ли не может ехать на велосипеде. И как мы его дотащим до места?

Это была самая сложная из задач. Ни у кого не нашлось простого ответа. Мы сидели, уставившись друг на друга, так и этак напрягая мозги.

— Так, давайте начнём сначала, — наконец заговорил Гомер. — Подумаем о деталях. В целом план хорош. Мы получаем преимущество неожиданности, и это ставит нас в положение силы. Потому что если мы посадим Ли в тачку или инвалидное кресло и повезём по улице, а нам встретится патруль, что мы будем делать? Толкать сильнее? Или вывалим Ли в канаву? Мы окажемся уязвимы. Но если Робин вернётся в ресторан, подготовит Ли, выведет его поближе к улице, сделает ему какой-то там укол и вырежет аппендикс, или что там полагается делать, мы с Элли раздобудем снегоочиститель или что там будет, промчимся по улице, остановимся, подхватим вас, ребята, и полетим что есть духу. Если мы сделаем это между тремя и четырьмя часами утра, враг будет наиболее слаб.

— Да, в это время все люди наиболее слабы, — подтвердила я. — Мы это проходили на занятиях по экстренной помощи. С трёх до четырёх утра в больницах умирает больше всего пациентов.

— Спасибо за утешительные мысли, — съязвила Робин.

— Ну а нам придётся набраться побольше сил, — подытожил Гомер.

— Да, но как мы заберём Ли? — спросила я. — Нужно ведь будет действовать очень быстро. А в кабине места не хватит, так что нам придётся как-то иначе его пристраивать.

Гомер посмотрел на меня, и его глаза весело вспыхнули. Я поняла, что дикий и безумный парень вовсе не ушёл куда-то далеко.

— А мы его подхватим прямо в ковш снегоочистителя или экскаватора, который найдём, — сказал он и стал ждать нашей реакции.

И мы его не разочаровали. Но чем больше я об этом думала, тем больше видела смысла в идее. Тут ведь всё зависело от нас, насколько быстро и точно мы будем действовать. Если сумеем — это будет наилучшим решением. Если не сумеем — полный провал.

Когда мы так и эдак обсудили возможности, Робин предложила ещё кое-что.

— Если у нас будет наготове машина, — сказала она, — где-нибудь в таком месте, где нас будет трудно преследовать или трудно в нас стрелять, мы можем перебраться в неё. И тогда или помчимся к Элли, или спрячемся где-то в городе до следующей ночи.

Я стала думать о всяких необычных местах, где мы могли бы пересесть в машину. Нужно было нечто особенное... нечто непохожее, другое... мои глаза сами закрылись, и тут я вздрогнула, очнувшись от дремоты.

— Кладбище? — с надеждой произнесла я. — Может быть, они суеверны?

Не думаю, чтобы другие двое вообще поняли, о чём я говорю.

Гомер посмотрел на наручные часы:

— Нам надо побыстрее принимать решение.

— Ладно, — кивнула Робин, — а как насчёт вот чего... Элли упомянула кладбище. А вы знаете аллею Трёх Поросят? Вдоль кладбища? Длинная узкая дорога через Мелдон-Маршроуд. Пожалуй, там лучше всего.

Робин подробно изложила свою идею. Мне она понравилась. Не то чтобы это было великолепно, просто нормально.

Было три часа пять минут. Меня знобило. Не то чтобы трясло, а именно знобило. Объяснить разницу, пожалуй, трудно. Так же как трудно сказать, где кончается озноб и начинается дрожь.

Холод, страх, волнение. Все они щедро вносили вклад в моё состояние. Но главным, конечно, был страх. А в голове крутились слова... какая-то цитата. Ну да, из Библии: «И величайшим из всего была любовь». Мой страх происходил из любви. Любви к моим друзьям. Я не хотела их подвести. Потому что тогда они бы погибли.

Я снова посмотрела на часы. Три часа восемь минут. Мы сверили часы, прямо как в кино. Я потуже натянула ремешок под подбородком. Должно быть, я выглядела довольно глупо, но единственной полезной вещью, которую я нашла на технической станции, кроме ключей зажигания, оказались шлемы. Я надела один и бросила в кабину ещё шесть. Они, наверное, не могли остановить пулю, но отменили бы смерть, превратив её, например, в сотрясение мозга. Озноб начал превращаться в дрожь. Было десять минут четвёртого. Я повернула ключ зажигания.

Огромная машина зарычала и вздрогнула. Я осторожно потянула рычаг, стараясь не видеть солдат под каждым деревом, за каждой машиной. «Никогда не поворачивай рычаг скорости хоть на дюйм больше, чем это необходимо». Это был голос папы. И он говорил не только о вождении. Я усмехнулась, снова выжала сцепление, переходя на вторую скорость. Ещё раз сцепление, и... мотор заглох. Я внезапно вспотела, меня охватило жаром, несмотря на холод и одиночество. Вот самая слабая часть нашего плана: у меня не было времени привыкнуть к машине.

Но я справилась. Выхав из ворот, я включила фары на повороте на Шерлок-роуд. Это был пункт, по поводу которого мы спорили больше всего. Я и теперь не думала, что Гомер и Робин были правы, но мы решили сделать именно так, и я подчинилась.

— Это их смутит, — сказал Гомер. — Они подумают, что это кто-то из своих. А мы так можем выиграть несколько секунд.

— Это привлечёт их внимание! — возразила я. — Они могут услышать шум мотора за квартал или два, но вот свет фар увидят за километр!

Так мы и повторяли без конца одно и то же.

Так трудно было подчинить себе эту огромную штуковину, заставить её обогнуть угол. Я подъехала к Баркер-стрит и уже за сотню метров до угла начала поворачивать, но даже этого оказалось недостаточно. В результате я описала слишком большой полукруг, едва не врезавшись в дом на противоположной стороне Баркер-стрит. К тому времени, когда я выровняла машину и повела её по правой стороне улицы, я уже была почти на месте и чуть не наехала на Робин и Ли.

Они стояли там, ожидая. Ли, ужасно бледный, прислонился к телеграфному столбу, глядя на меня так, словно я призрак. А может, это он был призраком? Икра его ноги была замотана белым и лежала на баке для мусора. А Робин, стоявшая рядом с ним, на меня вообще не смотрела, она внимательно оглядывалась по сторонам.

Я уже опустила вогнутый щит снегоочистителя так низко, как только смогла. Теперь я опустила его ещё ниже и нажала на тормоз. Вот только мне следовало сделать это в

обратном порядке, сначала тормоз, потом черпак, потому что он ударился об асфальт, выбив фонтан искр, пропахав мостовую метров на двадцать в длину, прежде чем грузовик наконец замер на месте и снова заглох. К тому же мне и не нужно было опускать черпак так низко, потому что Ли и без этого мог забраться в него, но я старалась выглядеть поумнее, показать, какая я ловкая и искусная. А теперь мне пришлось снова запускать мотор, давать задний ход и, пока Ли хромал вперёд, опять немного поднимать черпак.

Робин помогла Ли забраться в углубление. Она выглядела такой спокойной. Я наблюдала за ними сквозь ветровое стекло, слишком сосредоточившись на их напряжённых действиях и не замечая ничего вокруг. Но тут послышался свист, и я сообразила: что-то не так. Я испуганно вскинула голову. Ли как раз уже забрался в выемку и лёг. Робин, услышав свист и даже не оглянувшись, чтобы понять, в чём дело, рванулась к пассажирской дверце. Я увидела в конце улицы нескольких солдат, они смотрели в нашу сторону, показывая на нас пальцами. Кто-то уже опустился на одно колено и поднимал винтовку. Наверное, фары действительно выиграли нам время, ведь они пока что не стреляли.

Хотя мы подробно обсудили маршрут, я решила, что сейчас незачем подчиняться большинству: обстоятельства изменились. Я подняла снегоочиститель и схватилась за рычаг передач. Грузовик неохотно пополз задним ходом. «Только не выпусти рычаг! — молила я себя. — Только не заглохни снова!» — молила я тяжёлую машину.

Мы двигались назад.

— Надень шлем!

Робин рассмеялась, но шлем взяла. В машину ударили первые пули. Они колотили по металлу, как будто на нас напал какой-то гигант с кузнечным молотом. Некоторые из них тут же рикошетили и уносились в темноту, как злобные слепые москиты. Я надеялась, что они не угодят в кого-нибудь ни в чём не повинного. Ветровое стекло разлетелось водопадом осколков. «Никогда не поворачивай рычаг скорости хоть на дюйм больше, чем это необходимо...» Вот только мы сейчас пользуемся другой системой мер, папа. Дюймы тут ни при чём. Да, иногда приходится отступить назад, прежде чем сможешь двинуться вперёд. Прежде чем вообще куда-то двинешься. Но мы неслись назад слишком быстро. Я хотела задним ходом обогнуть угол, потому что всё равно не было времени останавливаться, разворачиваться и огибать его правильным способом. Я начала поворачивать руль, надеясь, что Ли держится как следует. Моё дурное вождение создавало хотя бы трудности для солдат — мы оказались слишком мечущейся целью. Мы на что-то налетели, потом я инстинктивно пригнулась, когда что-то пронеслось над грузовиком. Это оказалась ветка дерева. Я вывернула руль ещё резче, так что левые колеса приподнялись над землёй. Робин наконец потеряла самообладание и завизжала, но тут же пробормотала:

— Извини...

Я просто поверить не могла в то, что она это сказала.

Грузовик каким-то чудом не перевернулся, колеса встали на землю, и мы понеслись по пешеходной дорожке, сбивая изгороди и кусты. Я смотрела в основном в зеркало бокового вида — по-другому просто не получалось. Я снова налегла на руль, так сильно, как только осмелилась. Мы должны были либо опрокинуться, либо обогнуть угол. Ещё одна пуля догнала нас, когда мы поворачивали, — она пролетела так близко, что я кожей ощутила дуновение воздуха, — и тут же расколотила боковое окно. Мы снова выскочили на дорогу, и патруль нас уже не видел. В зеркале я заметила маленькую машину с горящими фарами дальнего света. Я подумала, что это джип. Мы не могли избежать столкновения с ним, и не

избежали. Мы врезались в него с чертовской силой и проехали прямо по нему. Мы с Робин ударились головой о крышу кабины, и наши шлемы оказались кстати. Я даже злобно усмехнулась при этой мысли.

Переезд через джип был вроде переезда через небольшой холм на большой скорости. Я вывернула руль, и грузовик развернулся на сто восемьдесят градусов. Теперь мы наконец ехали правильным образом. Впереди лежала машина, на которую мы налетели. Я видела в ней тела, но сама машина выглядела так, словно на неё свалился гигантский валун. Два или три солдата уползали в темноту, как здоровенные мокрицы. Я прибавила ходу. Мы обогнули джип, но всё равно слегка задели его, сначала снегоочистителем, потом левой стороной грузовика. Мне стало жаль Ли: я забыла поднять снеговой щит. Мы понеслись по Шерлок-роуд. Было почти ничего не видно. Я переключила фары на дальний свет, но ничего не произошло, — похоже, уцелели только парковочные огни.

— У тебя всё лицо кровью залито, — сказала Робин.

И тут я поняла ещё одну причину того, почему плохо вижу. А я-то думала, это пот.

— Застегни ремень безопасности, — приказала я.

Робин засмеялась, но пристегнулась.

— Как ты думаешь, Ли там в порядке?

— Я молюсь, чтобы это было так.

И в этот момент я увидела самое радостное зрелище в своей жизни. Из очистителя поднялась худая рука и изобразила знак победы, раздвинув два пальца — хотя рассмотреть это в темноте было нелегко, — а потом снова исчезла.

На этот раз мы обе захохотали.

— Ты как, в порядке? — обеспокоенно спросила Робин. — Что с лицом?

— Думаю, всё нормально. Я даже и не заметила ничего. Боли нет, просто немного щиплет.

Холодный ветер хлестал нам в лицо, когда я прибавила скорость. Мы проехали ещё квартал, мимо школы, а потом Робин, выглянув в окно со своей стороны, сказала:

— Они приближаются.

Я глянула в боковое зеркало и увидела фары. Похоже, машин было две.

— Нам далеко ещё?

— Пару километров. Может, три.

— Начинай молиться.

— Думаешь, я прекращала?

Я с такой силой давила на педаль, что у меня уже болела ступня. Но преследователи мчались стремительно, а мы как будто стояли на месте. Через квартал они уже были в каких-нибудь пятидесяти метрах за нами.

— Они стреляют, — предупредила Робин. — Я вижу вспышки.

Мы промчались мимо знака «Стоп» на скорости в девяносто пять километров. Одна из машин была уже прямо у нас на хвосте, свет фар отражался в моём зеркале. А потом зеркало исчезло. И хотя я смотрела прямо в него, я даже не заметила, как оно пропало. Но оно определённо пропало.

Однако знак «Стоп» навёл меня на некую идею, я уже смутно думала о таком как о возможной тактике. Но этот знак показался чем-то вроде предзнаменования, появившись вовремя. И я решила последовать его совету. Я лишь надеялась, что Ли при этом выживет.

— Держись как следует! — крикнула я Робин и ударила по тормозам со всей силой,

какая только у меня нашлась. И одновременно дёрнула ручной тормоз.

Грузовик занесло в сторону, он чуть не перевернулся. И он ещё шёл юзом, когда я с удовлетворением услышала, как машина врезалась в нас сзади, завертелась на месте, потеряв управление. А потом перевернулась. Мы наконец остановились, раскачиваясь. Мотор снова заглох, и на минуту мы стали идеальной мишенью. Я бешено крутила ключ, так что мягкий металл буквально изогнулся в моей руке. Вторая машина остановилась, но едва ли в сотне метров от нас. Мотор наконец завёлся. Я погнала грузовик вперёд. Из второй машины опять открыли огонь, и вдруг я услышала два удара внизу, под собой. Я вывела грузовик на дорогу и нажала на акселератор, но машина дёргалась в стороны и не слушалась руля.

— Что случилось? — спросила Робин.

Она выглядела испуганной, что было не похоже на неё.

— Видно, прострелили шины.

Зеркало со стороны Робин всё ещё было на месте, и я посмотрела в него. Вторая машина тронулась с места и быстро приближалась. Робин тоже посмотрела назад:

— А что там в кузове?

— Не знаю. Не смотрела.

— Но там что-то есть. А как им управлять?

— Наверное, вот этот синий рычаг...

Робин схватилась за него и опустила вниз. Вторая машина попыталась нас обогнать. Чтобы не допустить этого, я поехала зигзагом, с пробитыми шинами это не составляло особого труда. А потом что-то посыпалось из поднявшегося кузова с мягким скользящим шумом. Я всё ещё не знала, гравий там или земля. В зеркало со стороны Робин я лишь увидела, что машина сзади резко остановилась, так резко, что едва не поднялась на дыбы. И через минуту мы уже были на аллее Трёх Поросят.

Я быстро развернула машину и перегородила ею дорогу, как мы и решили заранее. Мгновение-другое я не видела Гомера. Мне стало плохо. Хотелось лишь одного: упасть в пыль на колени и освободить желудок. Но Робин не терялась. Она выскочила из кабины и поспешила на помощь Ли. А потом я увидела Гомера, ехавшего задним ходом с опасной скоростью, прямо к нам. Я выскочила из кабины и побежала к нему, а он остановил машину в нескольких метрах от меня, заехав в канаву. Похоже, этой ночью все ездили задом наперёд, и не слишком успешно. Я услышала удар, ещё одна пуля промчалась мимо меня в темноту. Гомер уже выскочил из машины — это был многоместный «БМВ». Гомер мгновенно открыл заднюю багажную дверцу и уже помогал Ли забраться внутрь. Робин оставила ему это занятие и побежала к передней пассажирской дверце, открыла её и заднюю дверцу для Гомера. Пуля ударила в машину, пробив дыру в задней пассажирской дверце. Похоже, в нас стрелял только один человек, из пистолета. Вполне возможно, что он и был один во второй машине. Гомер оставил дверцу со стороны водителя открытой и не выключил мотор. Я забралась туда из канавы и оглянулась. Ли был уже внутри, Гомер сиделся, Робин была на месте. Порядок. Я нажала на акселератор, ещё не опомнившись после грузовика и потому приложив слишком много силы. Мы выскочили из канавы, как кенгуру. Сзади послышался болезненный вскрик. Я повторила попытку, на этот раз стараясь действовать мягче, потом мы потеряли ещё одно боковое окно и ветровое стекло тоже, и эта пуля тоже чудом проскочила мимо меня.

Нам пока что везло, но когда кто-то в темноте стреляет в бешено мчащуюся цель, то удача всегда на стороне мишени. Я это знала по поездкам на охоту. Я иногда стреляла в

зайца или кролика, за которым гнались собаки. Это была пустая трата зарядов и опасно для собак, но весело. Один раз я попала. Но те ребята позади старались изо всех сил. И нельзя было их недооценивать. Может, кто-то из них и не был достаточно хорошо обучен, как говорил мистер Клемент, но они доставили нам много неприятностей.

«БМВ» буквально летел. Дорога была грязной, но прямой и глаже многих других.

— Хорошая машина! — крикнула я Гомеру, посмотрев на него в зеркало заднего вида.

— Я уж постарался выбрать получше, — ехидно ухмыльнулся он.

— Чья она?

— Не знаю. Стояла у одного из больших домов рядом с полем для гольфа.

Робин, сидевшая рядом со мной, обернулась и заглянула назад:

— Ли, как ты там?

Последовала пауза, потом раздался тихий голос Ли, которого, как мне показалось, я не слышала уже с год.

— Лучше, чем было в том проклятом грузовике.

Мы все громко засмеялись, выплёскивая нервное напряжение.

Робин повернулась ко мне, сняла с меня шлем и принялась осматривать мой лоб, пока я вела машину.

— Эй, не надо, — сказала я. — Слишком отвлекает.

— Но у тебя всё лицо в крови и плечи тоже.

— Не думаю, что это серьёзно. — Я действительно ничего не чувствовала. — Наверное, просто осколок стекла. Раны на голове всегда сильно кровоточат.

Мы уже приближались к Мелдон-Марш-роуд. Я немного сбавила ход и выключила фары, наклонившись вперёд и сосредоточившись. Вести машину ночью без огней — ужасно трудно и опасно, но я прикинула, что у нас уже нет преимущества неожиданности, как с грузовиком. У этих парней могли быть рации. Так что теперь нам приходилось полагаться на то, что мы найдём убежище.

До моего дома ехать было минут сорок-пятьдесят. Но тёмного времени оставалось с пару часов, а мы заранее договорились, как использовать это время. Приходилось выбирать между двух зол. Если бы мы отправились напрямик ко мне домой, нас нетрудно было бы выследить. Остаться на дороге означало подставиться вражеским патрулям. Мы могли бы где-нибудь спрятаться и отправиться дальше следующей ночью, но мы понимали, что с каждым днём наши враги станут всё плотнее сжимать кольцо вокруг нашей округи. А после того, что мы только что натворили, они вполне могли к следующей ночи вызвать подмогу.

Кроме того, нам всем отчаянно хотелось вернуться к Фай, Корри и Кевину и спрятаться в Аду. Нестерпимо было думать, что мы проведём ещё один день вдали от друзей. Мы хотели как можно ближе подобраться к дому. А чтобы выбрать окружной путь, от нас требовалось полное самообладание.

У Гомера было время для разработки приблизительного маршрута, пока он ожидал нас в «БМВ», затаившись в тени на аллее Трёх Поросят. Теперь он начал его объяснять, показывая карандашные пометки, сделанные им на карте.

— Вот так мы проедем мимо дома Криса Ланга, — сказал Гомер, пока я с максимальной скоростью гнала машину по Мелдон-Марш-роуд. — А там поменяем машину. Если ключей не будет в зажигании, я знаю, где они могут лежать.

— Зачем менять машину? — слабым голосом спросил Ли.

Думаю, он боялся очередного перемещения, потому что это означало бы ужасную боль.

Гомер объяснил:

— Наш замысел — добраться до Ада на четырехприводном внедорожнике и там спрятаться на какое-то время. «Лендровер» у дома Элли должен быть уже нагружен. А это значит, что нам надо бросить машину, на которой мы едем сейчас, и добираться туда на какой-то другой. Потому что, если через день или два патрули явятся к дому Элли и найдут там простреленный «БМВ», они начнут обыскивать всю округу.. ну и тогда с родителями Элли может случиться что-то плохое.

После долгого молчания Ли проговорил:

— У родителей Криса есть «мерседес».

— Это уже приходило мне в голову, — откликнулся Гомер. — А поскольку они уехали за границу, то «мерс», скорее всего, стоит в гараже, а не на парковке у ярмарки. А Крис вряд ли успел получить права. И если уж нам приходится ввязываться в войну, то мы можем сделать это красиво. Теперь налево, Эл.

Мы подъехали к дому Криса через десять минут, промчавшись мимо дома сразу к гаражу и сараям, что стояли в сотне метров сбоку. Мы все устали, и не только физически, мы были измотаны эмоциональным напряжением нескольких последних часов, поэтому с трудом выбрались из машины. Гомер и Робин стояли, глядя на «мерседес», пока я отошла поговорить с Ли. Я была потрясена его бледностью — волосы у него казались ещё чернее, а глаза ещё больше, чем обычно. Пахло от него, пожалуй, ещё хуже, чем от нас, а на повязке проступило новое красное пятно.

— У тебя кровотечение, — сказала я.

— Совсем небольшое. Наверное, пара швов разошлась.

— Ты вообще выглядишь ужасно.

— И пахну тоже. Никому не посоветовал бы лежать целые сутки подряд и потеть. — Он немного помолчал, а потом неловко добавил: — Послушай, Элли, спасибо, что вытащили меня оттуда... Я все двадцать четыре часа так и слышал шаги солдат, которые идут за мной.

— Ты уж извини за дикую поездку в ковше.

— Просто поверить в это не могу, — усмехнулся Ли. — Знаешь, под конец, когда ты ударила по тормозам, я едва не вывалился, но сумел как-то перекатиться и удержаться. Наверное, тогда швы и разошлись.

— Да, мне очень жаль. Но нам необходимо было избавиться от той машины сзади. — Я отёрла лицо. — Боже, поверить не могу, что мы это сделали.

— Парочка пуль попала в очиститель. Они его не пробили, но шуму было! Я думал, что уже мёртв. Но вряд ли они знали, что я там лежу, иначе просто засыпали бы меня пулями. — Гомер задним ходом выехал из гаража на большом оливково-зелёном «мерседесе». Ли засмеялся. — Гомер не меняется.

— Нет, меняется.

— Правда? Хотелось бы это увидеть. Он весьма сообразительный парень, этот Гомер. Послушай, Элли, тут есть ещё одна проблема. Если мы оставим здесь «БМВ», а патрули его найдут, они подумают, что тут есть какая-то связь между нами и семьёй Криса. И могут сжечь его дом или, если Крис им попадётся, могут что-нибудь с ним сделать.

— Ты прав...

Я повернулась к Гомеру и Робин, выходящим из машины, и пересказала им слова Ли. Гомер выслушал, кивнул и показал на заправку.

— Ох, стоит ли? — спросила я. — Такой хороший новенький «БМВ», в нём всего-то

пара дырок от пуль!

Но похоже, другого выхода не было. Я подвела «БМВ» к берегу над запрудой и, поставив на «нейтралку», вышла и хорошенько подтолкнула машину. Она была отличной и двигалась легко. Прокатившись вниз по склону почти строго по прямой, машина нырнула в воду. Потом проплыла несколько метров, отдаляясь от берега всё дальше и дальше, наклонилась набок и начала тонуть. Раздался громкий всплеск, и «БМВ» исчез, а на поверхность всплыло множество пузырей. Мы с Робин и Гомером зааплодировали.

Весь этот шум и аплодисменты выманили Криса из его укрытия.

Выглядел он забавно, потому что был в пижаме, и стоял, потирая глаза и таращась на нас. Но и мы, похоже, казались ему смешными, похожими на пугала, когда с изумлением таращились на него. Он вышел из их старой свинарни, которая теперь была просто длинным рядом старых загонов, настолько заброшенных и пустых, что они представляли собой отличное местечко, чтобы прятаться.

Время поджимало. Нам пришлось быстро принять решение. И Крису тоже не понадобилось много времени на то, чтобы понять: он хочет ехать с нами. Он уже неделю никого не видел, только наблюдал с дерева, а потом из свинарни, как в его дом входит патруль за патрулём. Первая группа забрала всю наличность и драгоценности. После этого Крис спрятал оставшиеся мелкие ценности, но остальную часть недели просто прятался, выбирая лишь для того, чтобы проверить животных и взять в доме что-нибудь поесть.

Его история, которую он рассказал, сидя на заднем сиденье их семейного «мерседеса», пока мы плутали по боковым дорогам, заставила нас осознать, как нам повезло в том, что мы ни разу не налетели на патрули, которые кружили по окрестностям. Его дом был ближе к городу, чем наши, и куда более внушительный, заметный, так что его каждый день навещали солдаты.

— Они выглядят встревоженными, — сказал Крис. — Явно не стремятся быть героями. Держатся поближе друг к другу. В первые дни были вообще пугливыми, но теперь стали увереннее.

— Как всё это началось? — спросила я. — Ну, когда ты впервые понял, что происходит нечто странное?

Крис обычно был тихим и сдержанным, но он так долго ни с кем не разговаривал, что теперь стал просто душой компании.

— Ну, это было через день после того, как мама с папой уехали. Помните? Я именно поэтому не смог отправиться с вами в путешествие. Мюррей, наш рабочий, повёз свою семью на ярмарку и предложил меня подвезти, но мне не хотелось туда ехать. Я решил, что без вас мне там будет не так уж весело, да я и вообще не слишком люблю подобные празднества...

Крис был худощавым мальчиком с внимательными глазами и множеством нервных привычек — например, он кашлял в середине каждого предложения. Он явно не был склонен праздновать День поминовения или участвовать в соревновании лесорубов, его гораздо больше интересовали Иероним Босх и компьютеры. Ещё Крис славился тем, что сочинял стихи и использовал куда больше разных незаконных веществ, чем их можно найти в средней полицейской лаборатории. Его девизом было: «Если это растёт, кури это!» Девяносто процентов детей в школе считали его странным, десять — называли легендой, и все сходились на том, что он гений.

— Ну, Мюррей так и не вернулся тем вечером, но я этого не заметил, потому что его

дом довольно далеко от нашего. Я вообще не заметил ничего необычного. Вокруг летало множество самолётов, но я решил, что это в честь Дня поминовения. А потом, около девяти вечера, отрубилось электричество. Это дело обычное, и я снова ничего такого не заподозрил, просто ждал, когда оно снова включится. Но спустя час его всё ещё не было, так что я подумал, что надо бы позвонить и выяснить, что случилось. И тут оказалось, что и телефон не работает, а это уже было странно... может не работать какой-то один, но не оба сразу. Тогда я пошёл к Мюррею, обнаружил, что никого нет дома, подумал, что они могли пойти куда-нибудь поужинать, отправился в постель со свечой — если вы знаете, что это такое, — а утром проснулся и увидел, что ничего так и не работает. Это уже было серьёзно, я опять пошёл к Мюррею, но там так никто и не появился. Потом я направился по дороге до дома Рэмси, это наши соседи, вошёл — а в доме пусто, пошёл дальше, никого не нашёл в доме Артуров, сообразил, что машин на дороге нет... Ну и подумал, что я, может быть, вообще один остался на целой планете. Обогнул угол — и увидел разбитую машину, а в ней — трое мёртвых. Они налетели на дерево, но не это их убило... они были расстреляны. Ну, слишком много выстрелов... можете вообразить, как я перепугался, побежал к городу. За следующим углом — новое потрясение, дом дяди Эла, он был взорван! От дома осталась только куча дымящихся камней! Потом я увидел пару подъезжающих машин, но если раньше я бы выскочил на дорогу и попытался их остановить, то теперь спрятался и наблюдал. Это были военные грузовики, набитые солдатами, и это были не наши солдаты. Ну, я и подумал, что либо я накурился чего-то уж очень крепкого, либо это не совсем обычный день в жизни Виррави. С тех пор всё так и пошло. И то, что я проснулся среди ночи и увидел «БМВ» который плывёт посреди заперуды, было просто частью всего этого.

Добрых полчаса мы были заняты тем, что Крис рассказывал нам свою историю во всех подробностях, а потом мы рассказали о том, что случилось с нами. Но самое важное, что Крис не давал нам заснуть. И всё равно задолго до того, как мы доехали до моего дома, Гомер и Робин уже крепко спали. Бодрствовали только Ли, я и Крис. Не знаю, как дело обстояло у парней, но мне это давалось с огромным трудом. Я чего только не предпринимала, например смачивала веки слюной, — наверное, это звучит странно, только ничего не помогало. И когда я увидела первые слабые лучи на востоке, отразившиеся от металлической крыши дома, для меня это стало огромным облегчением. Я только в тот момент и осознала, что веду самую элегантную машину из всех, какие мне хотелось бы иметь, но даже не задумалась ни разу об этом. Надо же, потеряла такую возможность! Я даже рассердилась на себя.

За то небольшое время, что мы отсутствовали, дом посетили несколько визитёров. Грабители, как и те, которые приходили в дом Криса, искали ценные вещи. Стащили мои наручные часы, несколько серебряных рамок для фотографий, мой швейцарский армейский нож. Но особых разрушений дому не причинили. Мне было противно видеть следы их пребывания, но я слишком устала, чтобы ощутить это по-настоящему. Корри, Кевин и Фай тоже приходили — всё, что было в нашем списке, исчезло, а на холодильнике было написано: «Увидимся там, куда отправляются дурные люди. Пока!»

Я засмеялась, а потом тёрла надпись, пока она не исчезла окончательно. Я уже стала не на шутку осторожной и осмотрительной.

Гомер и Робин сняли повязку с ноги Ли и принялись изучать его рану, и Робин совершенно по-другому теперь относилась к крови. Я заглядывала через их плечи. Я никогда раньше не видела человека, раненного пулей. Но выглядело всё в общем неплохо. Мистер Клемент постарался и сделал всё отлично для дантиста. Швов было немного, но вокруг них расползся огромный синяк, весьма любопытных оттенков синего, чёрного и пурпурного. Из-под швов сочилась кровь — та самая кровь, что проступила сквозь бинты.

— Как будто распухло, — сказала я.

— Ты бы вчера на это посмотрела! — ответил Ли. — Теперь намного лучше.

— Должно быть, физиотерапия снегоочистителя подействовала.

— А что чувствует человек, раненный пулей? — спросил Крис.

Ли склонил голову набок и немножко подумал:

— Ну.. как будто тебе в ногу воткнули здоровенный раскалённый кусок колючей проволоки. Но я сразу не понял, что это пуля. Я думал, это что-то упало с потолка магазина и ударило меня.

— Больно было? — спросила я.

— Сначала нет. А потом вдруг оказалось, что я не могу наступать на эту ногу. Тут-то Робин меня и подхватила. А мне не было больно до тех пор, пока мы не вошли в ресторан и я не лёг на пол. И тут меня точно огнём обожгло. Как будто меня убили.

Гомер протёр рану и кожу вокруг неё дезинфицирующим средством и начал снова накладывать повязку. Робин осмотрела моё лицо, нашла глубокую царапину у линии волос и заклеила её пластырем. Похоже, никаких других ранений никто не получил. Когда Робин закончила, я пошла искать «лендровер» и нашла его нагруженным и спрятанным там, где мы и договаривались, примерно в полукилометре от дома, в старом фруктовом саду, где мои бабушка и дедушка построили свой первый дом на этой земле.

Нам предстояло провести в безделье целый день, прежде чем мы могли отправиться в горы и присоединиться к остальным. Прежде всего, всем хотелось спать, кроме Криса, который по сравнению с нами спал безумно много. Он и вызвался встать на первую вахту. И на вторую смену, и на третью, и на четвёртую. Спать в доме было слишком опасно, так что мы взяли одеяла и устроились в самом старом, самом дальнем сарае для сена. Я заставила всех разволноваться, когда пошла к «лендроверу» и принесла огнестрельное оружие, но я теперь ни на минуту не забывала о том, что случилось в доме Корри, и о словах Гомера, что мы должны извлечь из этого урок. Мы вообще должны были научиться жить по-новому.

А потом мы спали, спали, спали.

Говорят, подростки могут спать круглые сутки. А я частенько смотрела на собак, завидуя им и удивляясь тому, что они как будто дремлют и день и ночь напролёт. Отличная у них жизнь!

Нет, двадцать часов мы не проспали, но уж воспользовались возможностью. Я за утро пару раз просыпалась, переворачивалась с боку на бок, смотрела на Ли, который, похоже, спал тревожно, поглядывала на Робин, лежавшую рядом со мной и спавшую, как ангел, и снова погружалась в тяжёлый сон.

Я впервые могу живо вспомнить свои сны. Мне вовсе не снились ружейные выстрелы, ударяющие в машины пули и крики умирающих людей, хотя с тех пор мне довольно часто снилось такое. Нет, в то утро я видела во сне, как папа готовит барбекю для кучи гостей, собравшихся у нас дома. Я не видела, что именно он готовит, но папа энергично действовал длинной вилкой, переворачивая то ли колбаски, то ли что-то ещё. Казалось, весь город собрался у нас, люди бродили по дому и саду. Я поздоровалась с отцом Кронином, стоявшим около жаровни, но он не ответил. Я пошла в кухню, но там было слишком много народа. Потом рядом со мной очутилась Корри, она звала меня поиграть, что, конечно, прекрасно, если не считать того, что ей снова было восемь лет. Я пошла за ней, мы спустились к реке и сели в лодку. И вдруг там же очутились чуть ли не все горожане, а папа с мамой вели лодку, а как только мы с Корри ступили на борт, они отчалили, и мы куда-то поплыли. Не знаю, куда мы направлялись, но было очень жарко, все потели, люди снимали с себя одежду. Я оглянулась на берег и увидела там отца Кронины, который махал нам рукой на прощание... а может быть, гневно тряс кулаком, потому что мы все раздевались? И я не знаю, снимали все одежду из-за того, что было жарко, или по какой-то другой причине.

Корри сидела тихо, но ей было уже не восемь лет, а потом она куда-то с кем-то ушла, а на её месте очутился Ли. Он тоже раздевался, весьма серьёзно, как будто исполнял какой-то религиозный ритуал. Мы легли рядом, всё с таким же торжественным видом, и стали трогать друг друга нежно и любяще. И мы продолжали этим заниматься, пока я не проснулась, вспотевшая, и не обнаружила, что лежу теперь на самом солнцепёке. День становился всё жарче. Я повернулась посмотреть на остальных и первым делом увидела Ли, который наблюдал за мной тёмными глазами. Я была так смущена после своего сна, что покраснела и быстро заговорила:

— Ох, уже, наверное, градусов на десять больше. Я тут испекусь. Надо куда-то перебраться. Я, похоже, спала дольше, чем мне казалось.

Я подхватила своё одеяло и обошла Ли, чтобы устроиться немного в отдалении. И продолжала болтать:

— Хочешь чего-нибудь? Может, принести тебе что-то? Ты хорошо спал? Нога болит сильно?

— Я в порядке, — ответил он.

Я немного успокоилась и остыла, оказавшись в тени. Со своего нового места я могла смотреть через загон на заросли кустов и на горы.

— Здесь прекрасно, правда? — сказала я. — Я тут всю жизнь живу, но иногда просто не замечаю, как здесь красиво. И до сих пор не верю, что мы можем всё это потерять. Зато теперь я всё замечаю. Замечаю каждое дерево, каждый камень, каждый загон, каждую овцу. Мне хочется сохранить всё это в памяти на случай... ну, на всякий случай.

— Да, здесь прекрасно, — откликнулся Ли. — Тебе повезло. А вот в ресторане ничего

прекрасного нет. Но всё равно я то же самое чувствую к нему, что и ты к своей земле. Думаю, дело в том, что мы все сделали своими руками. Если кто-то разбивает окно, он разбивает стекло, которое папа сам вырезал и вставил, стекло, которое я протирал тысячу раз, и к тому же при этом рвутся занавески, которые сшила мама. Ты привязываешься к какому-то месту, оно становится для тебя особенным. Наверное, во всём можно видеть красоту.

Я переползла поближе к нему:

— А тебе стало очень худо, когда ты увидел, как там всё разгромлено?

— Было столько причин чувствовать себя ужасно, что не знаю, с чего и начать. Наверное, это даже не слишком меня потрясло.

— Да, и меня тоже. Когда мы сюда приехали утром и я увидела, что тут творится... не знаю. Я ведь чего-то такого ожидала, но всё равно это было ужасно. Мне даже стыдно стало оттого, что я не испытываю достаточно сильных чувств. Наверное, как ты и сказал, слишком многое произошло. Слишком многое.

— Да.

Ли произнёс всего одно слово, но я никогда не забуду того, как он это сказал, — словно в одном коротком слове уместилось всё то, о чём я говорила. Я придвинулась ещё ближе к нему, продолжая говорить:

— И ещё я думаю о Корри и о том, как всё жутко должно быть для неё, куда хуже, чем для меня. И для всех, у кого есть младшие братья и сестрёнки. Это страшно. А представь, что должны чувствовать родители Криса, они ведь за границей и, наверное, даже не могут вернуться домой и представления не имеют, что там с Крисом.

— Но мы не знаем, насколько всё это распространилось. Может, и другие страны тоже... Помнишь, как мы шутили там, в Аду, насчёт Третьей мировой войны? А мы могли и угадать.

Ли обнял меня, и мы лежали, глядя на старые деревянные стропила сарая для сена.

— Ты мне снился, — сказала наконец я.

— Когда?

— Только что, этим утром, тут, в сарае.

— Правда? И как именно?

— Ох... ну, мы кое-чем занимались, вот так же, как сейчас.

— Правда? Я рад, что это стало реальностью.

— Я тоже.

Мне действительно было приятно, но я как-то не разобралась в своих чувствах к Ли и чувствах к Гомеру. Прошлым вечером мы с Гомером держались за руки, и от этого было так тепло и приятно, а теперь я лежала рядом с Ли... Он легонько поцеловал меня в нос, потом уже не так легонько в губы, потом ещё несколько раз, уже страстно. Я поцеловала его в ответ, но потом слегка отстранилась. Я вовсе не собиралась становиться местной шлюшкой, мне не нравилась мысль о том, что я вроде как спуталась с двумя мальчиками одновременно. Я вздохнула и высвободилась:

— Пойду-ка лучше посмотрю, как там Крис.

Крис был в полном порядке, уж слишком в порядке. Он крепко спал на посту, и я просто взбесилась. Я заорала, завизжала, а потом даже крепко пнула его ногой. Но, даже делая всё это, я ощущала потрясение от собственных действий. Да и теперь, думая об этом, я заново поражаюсь. Сильнее всего меня напугала мысль о том, что, может быть, все те жестокости,

которые я творила, вроде сенокосилки и грузовика, за какую-то пару ночей превратили меня в бешеное чудовище. Но, если честно, со стороны Криса было непростительно заснуть. Он ведь из-за своей слабости подвергал риску наши жизни. Я вспомнила наш летний лагерь, один разговор там: кто-то сказал, что в армии, если солдат засыпает на посту, его казнят. Мы были потрясены. Да, логика подобного понятна, но, может быть, как раз самым ужасным и является та логичность... Холодная, безжалостная логичность. Мы просто не ожидали, что реальная жизнь станет такой экстремальной. Но в тот момент я действительно чувствовала, что могла бы убить Криса. А он, перевернувшись на бок и поднявшись, уставился на меня с настоящим страхом.

— Эй, остынь, Элли! Полегче, — пробормотал он.

— Полегче?! — заорала я ему в лицо. — О да, ты это умеешь! Вот только если мы будем на всё смотреть полегче, мы просто умрём! Ты что, не понимаешь, что всё изменилось? Ты этого не понимаешь? Если нет, то ты точно так же можешь взять винтовку и прикончить нас всех прямо сейчас! Потому что ты умеешь смотреть на всё легко!

Крис ушёл, покраснев и что-то бормоча себе под нос. Я села на его место. Через минуту или две у меня, похоже, наступило нечто вроде послешокового состояния. Мне пришлось запереть все свои эмоциональные реакции, потому что для такой роскоши просто не было времени. Но не зря ведь говорится: подавленные эмоции — это отложенные эмоции. Я так много подавляла, что река вышла из берегов. Большая часть того дня для меня потерялась. Гомер мне говорил много позже, что я несколько часов подряд просидела в углу сарая, закутавшись в одеяло, дрожа и повторяя всем, что нужна осторожность. Наверное, я пошла тем же путём, что и Корри, только немножко в другую сторону. Я отчётливо помню, как отказывалась от еды и наконец ужасно проголодалась, но есть всё равно не стала, потому что была уверена: меня стошнит. А Гомер сказал, что я съела так много, что они за меня испугались и больше ничего не дали. Странно...

Я была ужасно огорчена тем, что мне не позволили сесть за руль «лендровера», ведь я обещала папе, что никому больше не разрешу водить эту машину. Впрочем, я вдруг устала спорить, забралась назад и заснула. Гомер повёл машину к Тейлор-Стич. Если бы я это знала, то не отказалась бы от спора так внезапно и окончательно.

Каким-то образом поздно ночью я всё же доползла до Ада и забралась в палатку к Корри, которая впала в истерическую радость, увидев нас. Я проспала три дня подряд, просыпаясь лишь изредка, чтобы поесть, сходить в туалет и немножко поболтать. Я помню даже, как успокаивала Криса, он ведь думал, что это он виноват в моём нервном срыве. Я не спрашивала, как до Ада добрался Ли, но, когда ко мне постепенно вернулась способность мыслить, я узнала, что ребята сделали из веток носилки и несли его. Робин и Гомер сменяли друг друга с одной стороны носилок, а с другой стороны их держал Крис, всю дорогу в темноте, хотя и сложен был куда более хрупко.

В общем, я решила, что он искупил свою вину.

Все эти три дня мне снились кошмары, каких я и не видела прежде. Демонические фигуры неслись от меня с воем, я ощущала хруст черепов под ногами. Горящие тела протягивали ко мне руки, умоляя о милосердии. Я убивала всех, даже тех, кого любила сильнее всего. Я швырнула газовый баллон и взорвала дом, в котором были мои родители. Подожгла сарай, в котором спали мои друзья. Переехала на машине двоюродного брага и не смогла спасти свою собаку, которую унесло паводком. И хотя я бегала вокруг и звала на помощь, звала людей и «скорую помощь», никто не откликнулся. Похоже, никому это не

было интересно. Нет, люди вокруг не были жестоки, просто слишком заняты или равнодушны. А я стала демоном смерти, и в мире не осталось ни единого ангела, никого, кто мог бы сделать меня лучше или спасти меня от тех бедствий, которые я причиняла.

А потом я проснулась. Было раннее утро, очень раннее. И день обещал быть прекрасным. Я лежала в спальном мешке, глядя на небо и деревья. Почему в английском языке так мало слов для обозначения оттенков зелёного? Каждый листок и каждое дерево стали другими, каждый обладал собственным оттенком. Ещё один пример того, как далеко природа обгоняет человека. Что-то порхнуло с ветки на ветку одного из деревьев... маленькая птичка, чёрная с тёмно-красным, с длинными крыльями... она внимательно изучала кору. А выше в небе кружили два больших белых попугая. И по их крикам можно было предположить, что где-то рядом их целая стая, а эти две птицы просто отстали. Я села, чтобы рассмотреть остальных птиц, но их не было видно. Поэтому я выползла из палатки, придерживая спальник, — как какое-нибудь насекомое, наполовину выбравшееся из кокона. Попугаи рассыпались в небе, как хриплоголосые ангелы. Они неслись мимо, их было слишком много, чтобы сосчитать, и наконец исчезли из виду, но я всё ещё слышала их дружелюбные крики.

Я стряхнула с себя спальный мешок и пошла к ручью. Там была Робин, она мыла волосы.

— Привет! — сказала она.

— Привет.

— Как себя чувствуешь?

— Хорошо.

— Проголодалась?

— Да, немножко.

— Неудивительно. Ты ничего не ела с позавчерашнего дня.

— О! Неужели?

— Идём. Приготовлю тебе что-нибудь. Яйца любишь? Я съела холодные варёные яйца

— в дневное время мы не могли разводить огонь — с бисквитами и джемом и чашку мюсли с порошковым молоком. Не знаю, в чём было дело — в попугаях или в мюсли, но к тому времени, когда я покончила с завтраком, я почувствовала, что, похоже, опять могу справиться с собой.

Одним из маленьких ежедневных ритуалом стала «проверка трэнзи», как говорила Корри. Это была серьёзная церемония, которая происходила тогда, когда Корри ощущала в том потребность. Она вдруг вставала, смотрела на палатку, бормотала: «Думаю, надо дать трэнзи ещё один шанс» — и шла в палатку. Через мгновение Корри появлялась с драгоценным транзисторным приёмником в руках, выходила на самое высокое место на поляне, прижимая транзистор к уху, и тщательно проверяла всю шкалу.

Она никому не позволяла прикоснуться к приёмнику, потому что это было радио её отца, и никому его не доверяла. Это ведь была единственная вещь отца, оставшаяся у Корри. И хотя мы подтрунивали над ней, всё равно возникало напряжение, когда она включала приёмник. Но дни шли, а результата не было, и Корри говорила, что батарейки вот-вот окончательно сядут.

Как-то вечером я сидела с ней рядом, когда Корри в очередной раз принялась исследовать всю шкалу. И как обычно, не слышала ничего, кроме шума. Корри со вздохом выключила приёмник. Мы поболтали, так, ни о чём в особенности, и вдруг она сказала:

- А для чего всё остальное?
- Что остальное?
- Ну, все другие настройки.
- О чём ты?

Корри пустилась в длинные объяснения насчёт того, как в тех редких случаях, когда отец позволял ей взять этот приёмник, он говорил, что нужно ловить станции на шкале средних волн.

- Только средние? Давай-ка посмотрим.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Корри с некоторой неохотой протянула мне приёмник. Я поняла по надписям, что он сделан во Франции. И попыталась перевести. Ну, средние волны обозначались так же. «Etendue» — наверное, длинные или что-то в этом роде. И вдруг до меня дошло.

- Корри, это не обычный транзистор. Он коротковолновый.
- Что это значит?

— Значит, что ты можешь ловить станции по всему миру. Корри, ты что, пыталась поймать только местные станции?

— Ну да. Так мне папа говорил. FM. Об остальном я ничего не знаю, и я не хотела сажать батарейки, шаря по всем шкалам. Они и так уже почти сдохли, а других у нас нет.

Я ужасно разволновалась и закричала всем:

- Эй, идите сюда, ребята, скорее!

Они прибежали, услышав настойчивость в моём голосе.

— Приёмник Корри может ловить короткие волны, только она этого не знала. Хотите проверить? Батарейки почти сели, но вдруг повезёт?

Я выбрала шкалу «OS Etendue 1» и вернула транзистор Корри:

- Давай, Корри. Просто двигайся по этой шкале, как обычно.

Мы столпились вокруг Корри, а она, от волнения слегка высунув язык, начала медленно вращать ручку. И через мгновение мы уже слышали рассудительный взрослый голос, какого

большинство из нас не слышало уже давно. Это была женщина, быстро говорившая сквозь шум, но на непонятном языке.

— Продолжай, — выдохнул Гомер.

Мы услышали обрывок какой-то экзотической музыки, потом голос, явно американский, сказал: «Впустите Его в своё сердце, и только тогда вы познаете истинную любовь», потом попались ещё две иностранные станции.

— Это Тайвань, — сказала Фай про одну из них.

А потом, когда приёмник уже начал замолкать, раздался слабый голос, говоривший по-английски. Голос был мужским, и мы все услышали вот что:

— ...предупредил, чтобы Америка не вмешивалась. Генерал заявил, что Америка ввяжется в самую долгую, дорогостоящую и кровавую войну за всю свою историю, если попытается вмешаться. Он сказал, что его силы заняли несколько главных прибрежных городов. Большая часть внутренних территорий уже захвачена, и потери превзошли все ожидания. Многие гражданские и военные взяты в плен, но их содержат в соответствии с законами гуманизма. Группам Красного Креста будет позволено в этом убедиться, когда ситуация стабилизируется.

Генерал повторил, что целью вторжения является «устранение дисбаланса в регионе». Международное напряжение продолжает нарастать, а космическая разведка сообщает о спонтанных схватках во многих районах страны и по меньшей мере о двух серьёзных битвах на суше...

На том всё и кончилось. Голос как-то сразу умолк. Мы ещё поймали несколько отдельных слов: «Организация Объединённых Наций», «Новая Зеландия», «от двадцати до двадцати пяти самолётов», и всё. Мы переглянулись.

— Так, давайте быстро возьмём бумагу и карандаши и запишем всё, что запомнили, — спокойно сказал Гомер. — А потом сравним записи.

Мы сделали это десять минут спустя. Просто удивительно, как разнились между собой наши версии, но в главных деталях мы оказались едины.

— Прежде всего, — сказал Гомер, садясь на корточки, — мы теперь точно знаем: это не Третья мировая война. Пока не она. Похоже, всё это касается только нас.

— О пленниках нормально говорили, — сказала Корри.

Все согласно кивнули. Похоже, это было правдой. И нам всем стало немножко легче, хотя всё равно нас терзали жуткие страхи.

— Он пытается напомнить американцам о Вьетнаме, — сказала Фай. — Это ведь вроде их национального кошмара или что-то в таком роде.

— Для вьетнамцев это был кошмар похуже, — заметил Крис.

Я посмотрела на Ли, но на его лице ничего не отразилось.

— Американцам не хочется ввязываться в проблемы других стран, — сказала я, припомнив уроки истории двадцатого века. — Вудро Вильсон^[2] и изоляционизм, разве нам не эту тему задавали на каникулы?

— Мм... напомни мне написать этот доклад сегодня вечером. — Это был Кевин.

— «Международное напряжение» звучит многообещающе, — проговорила Робин.

— Пожалуй, это и есть наша главная надежда. Но я представить не могу, чтобы множество других стран ринулись проливать за нас кровь, — сказала я.

— Но разве у нас нет всяких там международных договоров? — спросил Кевин. — Я думал, политики должны такое предусматривать. А иначе за что они получают свои деньги?

Ответа на его вопрос никто не знал. Может быть, все думали то же, что и я, — что нам следовало бы поинтересоваться этим давным-давно, пока не стало слишком поздно.

— А что значит «устранение дисбаланса в регионе»? — спросил Кевин.

— Ну, наверное, он говорит о более равномерном распределении всего, — предположила Робин. — У нас огромные земли и всякие ресурсы, а совсем рядом есть страны, где людей как селёдок в бочке. И не приходится их винить за то, что им это не нравится. Но мы-то ведь ничего не делаем, чтобы устранить дисбаланс, просто сидим на своих толстых задницах и наслаждаемся своим богатством.

— Ну да, а другим достаются крошки от печенья, — смущённо произнёс Кевин.

— А теперь они забрали печенье и крошат его по-своему, — вздохнула Робин. — И похоже, забрали всю упаковку.

— Я не понимаю, — покачал головой Кевин. — Ты так говоришь, как будто ничего не имеешь против. Ты думаешь, это вполне справедливо? Пусть себе ходят здесь и забирают всё, что хотят, всё, ради чего работали твои родители? Конечно, ребята, угощайтесь, не обращайтесь на нас внимания! Это ты в Библии вычитала? Плюй на всех, или как там? Напомни потом мне, чтобы я не ходил в твою церковь.

— Да вряд ли и получится, — фыркнула Корри и, улыбнувшись, положила ладонь на колено Кевина, стараясь его успокоить.

Но Робин сразу вскипела.

— Конечно я против! — воскликнула она. — Если бы я была святой, может, я и не стала бы возражать, но я не святая, и я очень даже возражаю. К тому же они действуют весьма нерелигиозным способом. Не знаю такой веры, которая велела бы людям врывать в чужие дома и воровать всё что вздумается. Я могу понять, почему они это делают, но понимать не значит поддерживать. Просто если вы всю свою жизнь прожили в трущобах, умирали от голода, не имели работы, вечно болели и при этом видели, как люди через дорогу купаются в богатстве и каждый день едят мороженое, то через какое-то время вы можете убедить себя, что забрать у них богатство и разделить его между всеми — не так и ужасно. Да, несколько человек пострадают, зато множеству других станет лучше.

— Всё равно это неправильно, — упрямо произнёс Кевин.

— Может, и неправильно. Но ты просто смотришь на всё по-другому. Тут не может быть правильной и неправильной стороны. Обе стороны могут быть и правы, и не правы. Я думаю, обе стороны на этот раз ошибаются.

— Это означает, что ты не собираешься с ними бороться? — спросил Кевин всё с тем же воинственным видом.

— Я не знаю, — вздохнула Робин. — Я ведь уже немножко боролась... Я была там, с Элли, когда мы прорывались через Виррави. Наверное, и дальше буду бороться, просто ради своей семьи. Но после войны — если вообще настанет такое время — «после войны», — я изо всех сил постараюсь изменить положение дел. Мне наплевать, если я даже потрачу на это всю свою жизнь.

— А ведь ты полагал, что мы слишком рискуем, отправляясь искать Робин и Ли, — сказала я Кевину. — Ты вроде бы не слишком горел желанием найти их.

Кевин явно смутился:

— Ну, я не это имел в виду... — Вот и всё, что он сказал.

— Может быть, — заговорил Гомер, — нам пора уже решить, что мы все вообще собираемся делать. Мы получили возможность отдохнуть, восстановить дыхание, подумать о

многом. А теперь мы должны решить, останемся ли мы здесь и будем ли прятаться, пока война не утихнет сама собой, или мы должны выбраться отсюда и что-то предпринять. — Он немного помолчал и, поскольку никто не сказал ни слова, продолжил: — Я знаю, что нам вроде как полагается быть просто школьниками, мы слишком молоды для того, чтобы делать нечто большее, чем стирать мел с доски по просьбе учителя, но некоторые из тех солдат, которых я видел ночью, были не намного старше нас.

— Я видела двоих, которые выглядели намного моложе нас, — сказала Робин.

Гомер кивнул. Все долго молчали. Повисло напряжение, тяжёлое, как душная ночь. Здесь, во впадине за горным хребтом, мы на какое-то время спрятались от страха, пота и крови внешнего мира. Люди там продолжали убивать друг друга, брать в плен, причинять друг другу боль, но мы отступили и очутились в раю Ада.

Я чувствовала, что моя мысль вроде бы не имеет отношения к тому, что говорил Гомер, но всё равно сказала:

— Я теперь понимаю, почему Отшельник решил поселиться здесь, подальше от всего этого.

— Подальше от рода человеческого, — пробормотал Крис.

— Но наши родные, — заговорила Корри. — Ведь именно о них каждый из нас тревожится. Наверное, я стала бы сражаться за свою страну, но меня бы сводила с ума мысль о моих родных, о том, что могло с ними случиться. Мы не знаем даже, живы ли они. Мы думаем и надеемся, что они заперты на территории ярмарки и с ними хорошо обращаются, но на самом деле мы ничего не знаем. Мы просто полагаемся на слова мистера Клемента.

— Но мы видели мистера Коулса там, на ярмарочной площади, — напомнила я. — Это немного утешает. Он выглядел здоровым. И не похоже было, что он слишком испуган или ранен. А для меня это очень важно.

— Думаю, мы должны попытаться узнать больше о ярмарке, — сказала Фай. — Если мы выясним, что все действительно там, никто не пострадал, их нормально кормят и всё такое, то это уже будет совсем другое дело. — Гомер попытался её перебить, но она быстро продолжила: — Я думаю о том, о чём спорили Робин и Кевин. Если бы я могла вернуть своих родных и друзей в добром здравии, я бы оставила тем людям все эти глупые дома, машины и всякое барахло. Я готова была бы жить со своими родителями в картонной коробке где-нибудь на свалке и была бы счастлива.

Я попыталась представить Фай, с её прекрасной кожей и мягким благородным голосом, живущей на свалке...

— Ну, похоже на то, что нам действительно надо попытаться узнать о пленниках, — сказал Гомер. — Но это будет нелегко. — И скромно добавил: — Вы хоть понимаете, что всех вас в городе заметили, кроме Фай и меня?

— Вы что, нанесли на себя маскировочную раскраску? — спросила я и услышала в ответ тяжёлый вздох.

Ли лежал слева от меня, на всё ещё тёплом камне. Похоже, настал его черёд высказаться:

— Не думаю, чтобы они собирались устраивать там пытки и массовые казни. Мир меняется, и любая страна, которая берётся за такое, отлично знает, какой поднимется шум. Конечно, я знаю, что такое до сих пор происходит, но не так часто, как прежде. В наши дни приходится действовать осторожно, не торопясь. А те ребята явно поспешили, но есть всё же разница в стрельбе сгоряча и стрельбе с холодным рассудком. Мы знаем, что они много пуль

выпускают не думая или от страха, просто палят как попало, и дырка в моей ноге это доказывает. Но для войны это вроде как нормально, а уж тем более в целях самозащиты. Но вряд ли они готовы строить концентрационные лагеря. Одно вовсе не вытекает из другого.

— Я их ненавижу, — пробубнил Кевин. — Не знаю, с чего вы вдруг все стали проявлять такое понимание? Я их ненавижу и хочу убить всех, и, если бы у меня была атомная бомба, я бы затолкал её прямо им в глотку!

Кевин разгорячился не на шутку, и разговор прекратился, как отрезанный. Но после короткого неловкого молчания Гомер заговорил снова:

Ладно, так мы хотим или нет более тщательно разобраться с обстановкой на ярмарочной площади? К ней лучше подобраться тайком, как мы с Фай проделали, или желаете устроить грохот, как группа тяжёлого рока в боулинге?

— Мы могли бы сделать туда подкоп, — предположила я.

— Ага, или перепрыгнуть через изгородь с шестом. Серьёзные идеи у кого-нибудь есть? И вообще, как сильно мы хотим этого?

— Очень сильно! — ответила я.

— Я даже вида делать не стану, что меня это не пугает до дрожи, — тихо произнесла Корри. — Но мы действительно должны. Мы и спать не будем, если не сделаем этого.

— Мы не будем спать и в том случае, если все погибнем, — вставил Крис. — Послушайте, поскольку мои родители за границей, я вроде не настолько в этом заинтересован, как все вы. Но я, пожалуй, с вами.

— Я представляю, что сказали бы наши родители, — задумчиво заговорила Фай. — Они бы твердили, что для них самое важное — знать, что с нами всё в порядке. Им бы уж точно не хотелось, чтобы мы погибли в обмен на их жизнь. В каком-то смысле мы — именно то, ради чего они живут. Но нас это сдержит. Мы должны делать то, что сами считаем правильным. Должны найти смысл в собственной жизни, и это как раз одна из возможностей. Я с Корри. Да, боюсь до дрожи, но сделаю это, иначе — просто не представляю, как буду жить дальше.

— Согласна, — кивнула Робин.

— Я весь день и всю ночь молюсь, чтобы моя нога зажила, — сказал Ли. — И я смог бы пойти туда и найти моих родителей.

— Я как все, — отозвался Кевин.

Мы все посмотрели на Гомера.

— Никогда не думал, что мне придётся причинять боль другим людям, разве что защищая собственную жизнь, — сказал Гомер. — Но мой дед это делал во время гражданской войны. И если придётся, надеюсь, у меня найдутся силы, как у Элли. Но что бы мы ни делали, надеюсь, мы сможем обойтись без того, чтобы кому-то вредить. Но если такое случится... ну, значит случится.

— Ты становишься мягче, — отметил Кевин.

Гомер не обратил на него внимания. И быстро продолжил:

— Я всё время думаю о той цитате, что недавно упомянула Корри: «Время, потраченное на разведку, потрачено не зря». И самое глупое, что мы могли бы сделать, так это рвануть вперёд без оглядки, как какой-нибудь Рэмбо, стреляя во все стороны из двадцать второго калибра. Фай права, нашим родным не хотелось бы, чтобы мы оказались на холодном мраморном столе в морге. Если мы проведём здесь ещё несколько дней, это нормально. А рисковать без оглядки мы можем только тогда, когда узнаем, что им грозит

что-то ужасное. Конечно, это уже могло случиться, и если так... ну, мы всё равно не в силах ничего изменить. В общем, я думаю так: нам нужно найти какое-то местечко для наблюдения, хорошо скрытое и безопасное, откуда мы могли бы наблюдать за территорией ярмарки. Чем больше мы узнаем, тем более разумное решение сможем принять и тем эффективнее действовать. Судя по тому, что мы слышали по радио, пока что не вся страна захвачена, так что действия продолжаются. Мы могли бы поговорить с теми, кого найдём в городе, вроде мистера Клемента, и даже попытаться связаться с нашими военными, или кто там ещё продолжает бороться в других округах. Нам следует превратиться в настоящий партизанский отряд, передвигаться быстро и скрытно. Мы можем продолжать так существовать месяцы, даже годы. Например — если вам не понравится идея, так и скажите, — предположим, мы посылаем двоих или троих в Виррави на сорок восемь часов. Их задачей станет только собирать информацию, ничего больше. Если они будут по-настоящему осторожны, вряд ли их обнаружат. Им следует передвигаться только ночью и просчитывать каждый свой шаг. А остальные могут начать более организованно устраиваться здесь. Вряд ли нам удастся найти лучший базовый лагерь, но теперь нам следует позаботиться о запасах продовольствия и устроить здесь настоящую штаб-квартиру. Страшно видеть, как быстро мы всё съедаем. Нам необходимо упорядочить рацион. И мне бы хотелось подыскать в горах другие места для убежища. Запастись там едой и всё необходимое на тот случай, если нам придётся уйти с этого места. Как я уже говорил, мы должны стать очень мобильными. Если нам придётся отсюда переместиться, мы должны серьёзно к этому подготовиться. Где в горах есть источники воды? Можем ли мы поймать здесь кроликов, кенгуру или опоссумов? Наши семьи, моя и Элли, всегда сами добывали себе мясо, так что мы умеем обращаться с дичью.

— Я тоже умею, — вставил Кевин.

— Я отлично умею готовить опоссумов, — сказал Ли. — А если вы поймаете мне дикого кота, я приготовлю дим-симс^[3].

Все издали стон отвращения. Ли откинулся назад и усмехнулся, глядя на меня.

— Мы можем даже привести сюда домашних животных, — сказала Корри. — Кур, а может быть, нескольких овец. Коз.

— Отлично, — кивнул Гомер. — Обо всех этих делах мы должны подумать.

Кевин помрачнел при упоминании о козах. Я знала, о чём он думает. Мы ведь выросли в овечьем мире, и первое, чему мы учились, так это презирать коз. Овцы хороши, козы плохи. Конечно, это ровным счётом ничего не значило, просто мы так привыкли думать. Но теперь нам приходилось забыть многое из того, что было привычным в прошлом.

— Ты рассчитываешь на долгое время, — сказала я Гомеру.

— Да, — согласился он. — На очень долгое время.

Мы разговаривали так пару часов. Последней темой стал радиоприёмник Корри. Он вывел нас из состояния отчаяния. К тому времени, когда мы умолкли, окончательно измотанные, было принято несколько решений. Следующим вечером в город должны отправиться две пары — Робин с Крисом и Кевин с Корри. Они будут действовать независимо друг от друга, но поддерживать связь. Они проведут в городе всю ночь и большую часть следующего вечера, а вернутся к рассвету. То есть им придётся отсутствовать около шестидесяти часов. Кевин и Корри должны были сосредоточиться на территории ярмарки. Робин и Крису предстояло бродить по городу, искать спрятавшихся людей, а также собирать полезную информацию и, возможно, какие-то полезные вещи.

— Мы начнём возвращать себе Виррави, — так заявила Робин.

Мы обсудили множество деталей. Например, где они устроят свою базу (в доме учителя музыки Робин), где будут оставлять записки друг другу (под собачьей конурой), как долго должны будут ждать утром в среду, если вторая пара задержится (нисколько не ждать), и какую легенду расскажут, если их поймают («С момента вторжения мы прятались под Массонским залом, а выходили только ночами»).

Мы рассчитали, что такое место вряд ли заставит солдат что-то заподозрить, патрули туда, скорее всего, не заглядывали. Робин и Крис даже решили устроить там нечто вроде фальшивой стоянки, чтобы история выглядела более правдоподобной.

Остальные, оставшиеся в Аду, должны заняться тем, что предложил Гомер, — постараться добыть побольше припасов, начать устройство в Аду настоящего лагеря, продумать систему питания и поискать новые места укрытия.

Как ни странно, но я приободрилась при мысли, что останусь в лагере в ближайшие дни. Отчасти дело было в том, что я боялась возвращаться в город, и для меня стало облегчением, что мне пока не нужно этого делать. А отчасти в том, что в лагере несколько дней не будет Кевина, — он действовал мне на нервы. Но в лагере оставались Гомер и Ли, а это выглядело интересно. Ведь я испытывала сильные и странные чувства к ним обоим, и всё это ещё больше запутывалось из-за очевидных чувств Гомера к Фай. Гомера влекло к ней, а он, похоже, до сих пор стеснялся, хотя теперь и держался более уверенно. И ещё в лагере оставалась Фай, с недавних пор растерявшая свою спокойную уверенность и ставшая нервной и косноязычной, стоило ей оказаться рядом с Гомером. Хотя поверить в то, что он мог ей нравиться... ну, нравиться в особенном смысле, было трудно. А Ли смотрел на меня глазами опоссума, как будто лишь пострадавшая нога мешала ему прыгнуть и схватить меня... Я немножко боялась глубины тех чувств, что светились в его прекрасных глазах.

Мне даже было чуточку стыдно думать о любви в то время, когда весь мир погрузился в хаос, и в особенности тогда, когда моим родителям, возможно, приходится переживать разные ужасы. Но моё сердце жило по своим собственным правилам, отказываясь подчиняться сознанию. И я дала ему полную свободу, размышляя о разных фантастических возможностях.

Утром в понедельник тёмный поток самолётов плыл над нами час или дольше. К сожалению, это были не наши самолёты. Я никогда в жизни не видела такого количества. Они были похожи на тяжёлые транспортные самолёты, и им никто не мешал, хотя полчаса спустя шесть наших реактивных самолётов промчались в том же направлении. Мы оптимистично помахали им руками.

Ранним утром мы вернулись ко мне домой и забрали оттуда очередную порцию груза: продукты, инструменты, одежду, туалетные и постельные принадлежности и несколько разных мелочей, которые забыли в прошлый раз: жаровню для барбекю, пластиковые контейнеры для хранения еды, будильник и, стыдно сказать, грелки. Робин просила привезти Библию. Я знала, что у нас она где-то есть, наконец нашла её и, стряхнув с неё пыль, добавила к коллекции.

Дело оказалось непростым, мы ведь не могли взять вещей слишком много, потому что патрули сразу заметили бы, что в пустом доме кто-то побывал. Поэтому мы поехали в дом Груберов, примерно в километре от нашего, и там набрали ещё еды. Я также прихватила семена и рассаду из теплицы мистера Грубера. Я уже начала думать, как Гомер, и рассчитывать надолго вперёд.

Последним делом мы прихватили с полдюжины кур — наших лучших несушек, — несколько упаковок корма, проволоку для изгороди и колья. На этот раз я позволила Гомеру сесть за руль, прикинув, что ему всё равно нужно практиковаться. Чтобы позабавить Фай, я закрыла глаза, взяла Библию, открыла её наугад, ткнула пальцем в страницу и прочитала подвернувшуюся строчку, сказав сначала:

— Дух мой укажет мне то, что нам подойдёт!

Строчка оказалась такой: «Я ненавижу их великой ненавистью; я считаю их своими врагами».

— Вот тебе и раз! — удивилась Фай. — А я-то думала, что Библия — это книга любви и прощения.

Я продолжила читать:

— «Избавь меня, Боже, от злых людей; охрани меня от жестоких людей, что замышляют зло в своих сердцах и постоянно пробуждают войны».

Это произвело впечатление. И на меня тоже, но я не позволила остальным упустить главное.

— Вот видите, я же говорила! — заявила я. — Я обладаю особым даром!

— А ты попробуй в другом месте, — предложил Гомер.

Но я не собиралась так легко терять репутацию.

— Нет уж, вы слышали мудрые слова, — ответила я. — На сегодня хватит.

Фай схватила Библию и попробовала повторить ритуал. В первый раз она угодила пальцем в пустую часть страницы в конце какой-то из глав. Во второй раз прочитала:

— «А потом царь послал Седраха, Мисаха и Авденаго в Вавилон»^[4].

— Никуда не годится, — заявила я. — У тебя нет особого дара.

— Вероятно, то, что тебе подвернулось, поможет Робин чувствовать себя немножко лучше, ну, из-за стрельбы в солдат, — сказал мне Гомер.

— Мм... я отметила ту страницу. Я ей покажу, когда они вернутся.

Никто даже не заикался о том, что ребята могут и не вернуться. Думаю, это дело обычное. Люди считают, что, если они выскажут что-то плохое, оно может магическим образом осуществиться. Но мне не кажется, что слова обладают такой уж большой силой.

Мы добрались до верха гребня, спрятали «лендровер» и собрали кур и всё то, что могли донести в Ад. Нам пришлось дожидаться темноты, чтобы взять остальное. Слишком опасно было бродить по Тейлор-Стич при дневном свете, когда вокруг так и шныряли самолёты. К тому же день явно будет знойным. Даже внизу, в Аду, где обычно прохладнее, воздух начал отчаянно разогреваться. Но к моему удивлению, мы увидели под деревом на другом конце поляны стоявшего на ногах Ли.

— Ну и ну! — воскликнула я. — Да ты восстал из мёртвых!

— Я, конечно, предпочёл бы утро попрохладнее, — усмехаясь, ответил он. — Но меня уже просто тошнит от сидения на одном месте. К тому же пора тренировать ногу, я вполне пришёл в себя после поездки на снегоочистителе.

Ли улыбался вовсю, довольный собой, но всё же потел от усилий. Я намочила полотенце в ручье и вытерла ему лицо.

— Ты уверен, что не слишком рано поднялся? — спросила я.

— Да вроде всё нормально, — пожал плечами Ли.

Я вспомнила, как это бывало с нашими животными, заболевшими или поранившимися где-нибудь, — чаще всего это случалось с собаками — и как они день за днём лежали под овечьим навесом, пока либо не умирали, либо не оживали и не выбирались во двор, виляя хвостом. Может, и Ли такой же. Он был очень тихим с того момента, когда его ранило, просто лежал между камнями, погружившись в собственные мысли. Сейчас он, правда, не вилял хвостом, но на его лицо вернулась живость.

— В тот день, когда ты пробежишься бегом от одного края поляны до другого, — заявила я, — мы зарежем одну из куриц и устроим настоящий пир.

— Робин сможет снять швы, когда вернётся из Виррави, — сказал Ли. — Они уже не нужны.

Я помогла ему дойти до тенистого местечка у ручья, где мы могли посидеть рядом на влажных тёмных камнях, — это, наверное, было самое прохладное место в Аду в тот день.

— Элли, — заговорил Ли и нервно откашлялся, — я собирался кое о чём тебя просить. В тот день у тебя дома, когда мы прятались в сенном сарае, ты подошла, когда я там лежал, легла рядом, и мы...

— Эй, довольно, довольно! — перебила я его. — Я помню, что мы делали.

— Я подумал, а вдруг ты забыла.

— Эй, ты что себе позволяешь? По-твоему, я так часто этим занимаюсь, что могу и забыть? Вообще-то, со мной такое не каждый день случается!

— Да, но ты с тех пор ни разу на меня не посмотрела. Ты со мной почти не разговариваешь.

— Я в последние дни была как бы не в себе. Просто спала и спала.

— Да, но потом...

— Потом? — вздохнула я. — А потом я была растеряна. Просто не знаю, что и думать.

— А ты всегда знаешь, что думать?

— Если бы я могла ответить на этот вопрос, я бы, наверное, знала всё на свете.

— Я сказал что-то такое, что тебя огорчило? Или что-то не так сделал?

— Нет-нет. Дело во мне самой. Я вообще часто не понимаю, что делаю. А иногда делаю то, что не означает, будто я так думаю. Ты понимаешь, что я имею в виду? — с надеждой спросила я, сама не очень уверенная в сказанном.

— Выходит, то, что ты говоришь, ничего не значит?

— Да нет... Что-то значит, но я не понимаю, значит ли это то, что тебе бы хотелось услышать... Скажи просто, что я вела себя непристойно, и на том покончим.

Ли был явно задет, и так сильно, что я пожалела о своих словах. Я ведь ничего такого в виду не имела.

— Послушай, мне немного трудно здесь сидеть, — сказал он. — Но если хочешь от меня избавиться, тебе придётся уйти самой.

— Ох, Ли, я не хочу от тебя избавляться! Я не хочу ни от кого избавляться! Нам всем придётся жить здесь, где мы очутились, и ещё невесть сколько.

— Да, — кивнул Ли. — В этом месте, в Аду. Иногда это и вправду похоже на ад. Сейчас, например.

Я не понимала, почему говорила с ним так. Всё произошло как-то уж слишком неожиданно. Это был разговор, к которому я оказалась не готова. Наверное, мне хотелось владеть ситуацией, а Ли вывалил всё на меня в то время и в том месте, которые сам выбрал. Мне хотелось, чтобы здесь была Корри и я могла бы сейчас пойти и поговорить с ней об этом. Ли оказался так настойчив, что пугал меня, и в то же время я ощущала какую-то силу, когда он был рядом... я только не знала, что это такое. Я всегда была настороже, оказываясь рядом с ним, при этом у меня разгоралась кожа. Краем глаза я наблюдала за Ли, говорила, обращаясь именно к нему, отмечая его реакцию и прислушиваясь к его словам внимательнее, чем к словам других. Если он высказывал какое-то мнение, я относилась к нему более вдумчиво, чем, например, к мнению Кевина или Криса. Я очень много о нём думала, забираясь вечером в спальный мешок, а засыпая, мечтала о нём. И так уж получилось — хотя и звучит довольно глупо, — что Ли стал у меня ассоциироваться с моим спальным мешком. Когда я видела одно, думала о другом. И наоборот. Это вовсе не означает, будто мне хотелось, чтобы Ли очутился в моём спальнике, но они как-то связались у меня в голове. Я чуть не заулыбалась, сидя рядом с Ли и подумав об этом, гадая, как бы Ли выглядел, если бы вдруг прочитал мои мысли.

— Ты всё ещё думаешь о Стиве? — спросил Ли.

— Ох нет, не о Стиве. То есть я хочу сказать, что думаю о нём так же, как обо всех других людях. Мне хотелось бы знать, всё ли у них в порядке, я надеюсь на это, но я не думаю о нём в том смысле, который ты подразумеваешь.

— Но если я тебя ничем не обидел и тебя больше не привлекает Стив, то в чём тогда дело? — взволнованно спросил Ли. — Или я просто тебе не нравлюсь как человек?

— Нет! — воскликнула я, ужаснувшись такой идее, но в то же время и начиная немного сердиться, потому что Ли буквально навязывал мне какие-то отношения.

Парни вообще постоянно так делают. Им нужны определённые ответы — если это правильные, с их точки зрения, ответы, — и они думают, что если подольше к вам приставать, то они такие ответы услышат.

— Послушай, — сказала я, — мне очень жаль, что я не могу предоставить тебе список моих чувств по отношению к тебе в чётких формулировках и в алфавитном порядке. Но я просто не могу. Я запуталась. Тот день в сарае не был случайностью. Что-то это значило. И я до сих пор пытаюсь разобраться, что именно.

— Ты говоришь, что я не вызываю у тебя неприязни, — медленно заговорил Ли, как будто тоже пытался во всём разобраться. Он отвёл взгляд в сторону, явно волновался, но при этом, без сомнения, подводил меня к какому-то важному вопросу. — Значит ли это, что я тебе нравлюсь?

— Да, Ли. Ты мне очень нравишься. Но прямо сейчас ты меня с ума сводишь.

Забавно, что я ведь часто думала о возможности такого разговора, но, когда он начался, я просто не знала, говорю ли я то, что действительно хочу сказать.

— Я заметил, что с тех пор, как мы забрались сюда, ты смотришь на Гомера... ну, вроде по-особенному. Ты к нему что-то чувствуешь?

— Если и да, это моё дело.

— Мне кажется, он тебе не подходит.

— Ох, Ли, ты жутко надоедлив сегодня! Наверное, тебе пока не стоило так нагружать ногу. Похоже, от этого у тебя мозги ослабели. Давай лучше поговорим о погоде или ещё о чём-нибудь, потому что я не твоя собственность и у тебя нет никакого права решать, кто мне подходит, а кто нет. Не забывай об этом!

Я выпалила всё это и ринулась на другой конец поляны, где Фай и Гомер построили загон для кур. Куры уже были в нём, и вид у них был ошарашенный, может быть, потому, что они слышали, как я взорвалась. Но скорее просто не могли понять, какого черта они тут делают.

Ох...

— Ну и адская жара! — пошутила я.

Какое-то время я наблюдала за курами, потом снова пошла через поляну туда, где ручей уходил в густые заросли кустарника и терялся в тёмном туннеле ветвей. Я уже несколько дней думала о том, что можно было бы попытаться исследовать его, хотя туннель казался непроходимым. Похоже, сейчас наступил подходящий момент. Я могла бы выбросить из головы гневные мысли, обратив их на что-то постороннее. Кроме того, местечко выглядело прохладным.

Я разулась, запихнула носки в ботинки и, связав вместе шнурки, повесила ботинки себе на шею. Потом наклонилась и попыталась представить себя мокрицей, водяной мокрицей. По сложению я вполне на неё походила, ведь только ползком можно было пробраться в заросли. Я воспользовалась самым ручьём как тропой, но это было любопытное переживание, когда я ползла по туннелю. Ветки нависали так низко, что царапали мне спину, хотя я почти утыкалась лицом в воду. Здесь было очень прохладно — не думаю, что солнце хоть раз заглядывало сюда за много лет, — и я лишь надеялась, что не наткнусь на множество змей.

Ручей стал уже, чем он был на поляне, — около полутора метров в ширину, а глубиной сантиметров в шестьдесят. Дно выглядело каменистым, но камни были старыми, гладкими, у них почти не осталось острых граней, а ноги у меня слегка огрубели за последние дни, так что всё было в порядке. Ещё я увидела несколько тёмных спокойных заводей у берега, выглядели они очень глубокими, так что я их обошла. Ручей булькал тихонько, занимаясь собственным делом и ничуть не беспокоясь из-за моего упорного движения вперёд. Он ведь так давно здесь бежал...

Я прошла уже около сотни метров, миновав множество изгибов и поворотов. Начало приключения было интересным, как и большинство новых приключений, наверное. Ещё меня поддерживала надежда, что в конце ждёт нечто особенное, но потом стало немного

скучно. У меня уже болела спина, и я основательно оцарапала руки. Опять стало жарко. Но вот шатёр ветвей как будто приподнялся, посветлело, я заметила, как то тут, то там на поверхности воды вспыхивают блики, и вот уже тайная прохлада туннеля уступила место привычной сухой жаре, которая царила и на нашей поляне.

Я немного выпрямилась. Впереди я увидела место, где ручей как будто сильно расширился, метров до десяти, а потом поворачивал вправо и снова исчезал в зарослях. Да, он стал широким, потому что теперь его берега не были крутыми, почти вертикальными. Они уходили под небольшим углом, и вот впереди я уже видела чёрную почву, красные камни и пятна мха в небольшом тенистом уголке, размером примерно с гостиную в нашем доме. Я продолжала брести к нему, всё ещё согнувшись. Вдоль берега были разбросаны голубые дикие цветы. Когда я подобралась ближе, то смогла рассмотреть и множество розовых цветков, за кустами. Я пригляделась и вдруг поняла, что это розы. Моё сердце бешено заколотилось. Розы! Здесь, посреди Ада! Невозможно!

Я прошлёпала последние несколько метров к месту, где берега становились открытыми, и выбралась из воды на поросший мхом камень. Всмотриваясь в густую путаницу растений, я пыталась разобраться, где там тени, а где что-то твёрдое, устойчивое. Но единственным, что могла определить с уверенностью, был розовый куст, на который сквозь высокую ежевику падало достаточно солнечных лучей, чтобы он сиял как некая живая драгоценность. Но наконец я стала различать кое-что в общей пёстрой картине. За прогалиной я увидела длинные горизонтальные полосы чёрного гниющего дерева, две вертикальные линии, тёмный проем входа... Я смотрела на заросшую, заброшенную хижину!

Я медленно, на цыпочках двинулась вперёд. Здесь было очень тихо, и я ощущала нечто вроде почтения, как в те моменты, когда входила в гостиную моей бабушки в Страттоне, — там стояла тяжёлая старинная мебель, а занавески на окнах всегда были задёрнуты. Конечно, эти два места разительно отличались друг от друга — спрятавшаяся в кустах хижина и старый каменный особняк, — но оба жилища выглядели давно лишёнными жизни, дыхания. Конечно, моей бабушке не понравилось бы, что её сравнивают с каким-то убийцей, но ведь и она, и человек, который жил здесь, скрылись от мира, создали собственные замкнутые острова. Они как будто похоронили себя, хотя и оставались ещё на земле.

В дверях хижины мне пришлось отвести в сторону множество ползучих растений и какой-то высокий ягодный куст. Я, вообще-то, не была уверена, что мне хочется входить внутрь. Это было похоже на проникновение в склеп. А что, если Отшельник всё ещё там? Что, если его тело лежит на полу? Или его дух ожидает возможности сожрать любое человеческое существо, которое сунется в эту дверь? Атмосфера вокруг хижины висела странная, тяжеловатая, да и над всем этим местом тоже... Только розы, казалось, приносили на поляну немножко тепла.

Но любопытство меня подстёгивало. Я и подумать не могла, что, зайдя так далеко, не пойду дальше. Я шагнула в тёмную внутренность хижины и огляделась, пытаюсь понять смысл теней, которые увидела, точно так же как несколько минут назад пыталась разобраться в очертаниях самой хижины, выглядывая из кустов. Здесь были кровать, стол, стул. Постепенно стали проявляться и другие предметы. На стене висело несколько полок, рядом с ними стоял примитивный буфет, имелся и очаг, над которым всё ещё висел чайник. В углу тоже что-то темнело, и мне не сразу удалось понять, что это такое. Оно казалось похожим на какого-то спящего зверя. Я сделала несколько шагов и всмотрелась пристальнее. Вроде бы это был металлический сундук, когда-то покрашенный в чёрный цвет, но теперь

покрытый ржавчиной. И всё здесь было таким же, как этот сундук, всё разрушалось. Земляной пол, на котором я стояла, был усеян веточками и комками глины, осыпавшимися со стен, и загажен опоссумами и птицами. Чайник заржавел, полки покосились, а с потолка свисала паутина. И даже сама эта паутина выглядела старой и мёртвой, она висела безжизненно, как волосы у мисс Хэвишем^[5].

Мои глаза уже привыкли к тусклому свету. Я с облегчением увидела, что на кровати нет тела, которое я боялась увидеть, а лежали лишь сгнившие остатки серых одеял. Сама кровать была сооружена из нескольких брёвен, сколоченных вместе, и казалась ещё вполне крепкой. На полках стояло лишь несколько старых блюдец. Я снова повернулась, чтобы посмотреть на сундук, и ударилась головой о ящик для мяса, что висел на потолочной балке. Он основательно двинул меня углом в висок.

— Чёрт! — пробормотала я, крепко потирая голову.

Было по-настоящему больно.

Я опустилась на корточки, чтобы заглянуть в железный ящик. Похоже, в этой хижине и не было ничего другого, что дало бы мне возможность увидеть больше, чем я уже увидела. Только содержимое сундука оставалось скрытым. Я попробовала поднять крышку. Она сопротивлялась, её удерживали грязь и ржавчина. Мне пришлось с силой подёргать и потрясти сундук, чтобы крышка немного сдвинулась с места. Металл скрипел о металл, когда я постепенно справлялась с делом, но при этом крышка так деформировалась, что едва ли можно было снова закрыть её как следует.

Моей первой реакцией, когда я заглянула внутрь сундука, было разочарование. Внутри почти ничего не было, лишь жалкая кучка какого-то старья на дне. В основном это были бумаги. Я вытащила всё и вынесла наружу, на свет. В сундуке нашлись: старый плетёный кожаный ремень, сломанный нож, вилка и несколько шахматных фигурок — две пешки и поломанный слон. Бумаги же представляли собой в основном старые газеты, но были здесь и листы с рукописным текстом, и ещё половина книги в твёрдом переплёте — «Сердце тьмы» Джозефа Конрада. Когда я открыла её, оттуда выполз большой чёрный жук. В книге на самом деле было две повести, вторая называлась «Юность». А остальные бумаги были такими истрёпанными, грязными и поблекшими, что едва ли ими можно было заинтересоваться. Похоже, жизнь Отшельника и впредь должна была оставаться загадкой, даже теперь, через много лет после его исчезновения.

Я шарила вокруг ещё минут с десять или около того, в самой хижине и рядом с ней, но ничего интересного не нашла. Увидела лишь знаки того, что здесь пытались выращивать всякое: кроме роз, я увидела яблоню, белый нивяник с нежным ароматом и ещё заросли одичавшей мяты. Я попыталась представить убийцу, который старательно сажает все эти чудесные растения и ухаживает за ними, попыталась, но не смогла. Но ведь даже убийцы должны что-то любить, думала я, и чем-то ведь они занимаются в свободное время. Не могут же они просто сидеть целыми днями всю оставшуюся жизнь и думать о своих преступлениях.

В конце концов я взяла ремень и книгу и вернулась к ручью, чтобы, согнувшись вдвое, пройти по зелёному туннелю к нашему лагерю. И как же было приятно очутиться снова на солнце, выбравшись из унылой полутьмы! Я и забыла, каким жарким был день, как ярко светило солнце, — но я почти порадовалась его жгучим лучам.

Как только я появилась на поляне, ко мне бросился Гомер.

— Ты где была? — спросил он. — Мы уже волноваться начали!

Он был сердит не на шутку. И говорил прямо как мой отец. Похоже, я отсутствовала дольше, чем мне казалось.

— Я поближе познакомилась с Отшельником из Ада, — ответила я. — И предлагаю всем экскурсию. Но только после того, как что-нибудь съем. Я умираю от голода.

После осмотра хижины Отшельника из Ада мы работали до вечера. Ли, неспособный пока что много двигаться, занялся составлением планов, в особенности системой питания, которая позволила бы нам растянуть наши запасы примерно на два месяца, если мы не будем позволять себе лишнего. Гомер, Фай и я вскопали землю под несколько небольших грядок, и, когда к концу дня стало наконец прохладнее, мы посеяли кое-какие семена: салат-латук, белую свёклу, тыкву, брокколи, фасоль и бобы. Вообще-то, нам не слишком хотелось питаться такими продуктами всю оставшуюся жизнь, но Фай твёрдо заявила, что овощи необходимы, а учитывая кулинарное искусство Ли, всё это должно превратиться в очень вкусные штуки, а тыква вполне могла вдруг стать волшебной каретой.

День был длинным, и жарким, и очень утомительным. Встали мы так рано. И разговор с Ли не облегчал жизни. Между нами возникло некоторое напряжение, и мне это было неприятно. Да и вообще все были слегка напряжены, из-за чего в последние часы светлого времени то и дело огрызались друг на друга. Единственным исключением оказался Гомер, он и не думал рычать на Фай. Правда, он рывкал на меня за то, что я лила слишком много воды на грядки, и на Ли, когда они выясняли, какой футбол лучше — австралийский или американский, но Фай оставалась неприкосновенной. Но для Фай Гомер неприкосновенным не был. Когда Гомер отломил и слопал здоровенный кусок фруктового пирога от миссис Грубер, Фай заставила его покраснеть, выдав сразу массу определений — «жадина», «обжора», «эгоист»... Гомер за свою жизнь так привык выслушивать всякое, что ему бы давно пора было закалиться, но, когда на него напала Фай, он вёл себя как ребёнок, краснея и теряя дар речи. Да, он доел свой кусок, но не думаю, что ощутил его вкус. А я только порадовалась, что Фай не видела, как я недавно налетела на бисквиты.

В общем, находка хижины оказалась единственным радостным моментом в тот день.

Фай перебралась в мою палатку, когда ушла Корри, и той ночью, когда мы уже легли спать, сказала мне:

— Элли, что мне делать с Гомером?

— Ты о том, что ты ему нравишься?

— Да!

— Ну-у... это проблема.

— Мне бы хотелось понять, что мне делать.

Это было чем-то вроде моей специальности — разбираться в любовных переживаниях моих друзей. Когда я окончу школу, то сделаю это своей работой, карьерой: открою кабинет, куда люди смогут приходить прямо с улицы и рассказывать мне о своих трудностях в отношениях с парнями и девушками. Вот только в собственных проблемах я разобраться никак не могла, просто стыд!

В общем, я повернулась на бок, чтобы видеть в темноте лицо Фай. Её глаза были широко открыты от волнения.

— А он тебе нравится? — спросила я.

Надо же было с чего-то начать.

— Да! Конечно!

— Нет, я имею в виду...

— Я знаю, что ты имеешь в виду! Да, думаю, он мне нравится. В школе такого не было, но, честно говоря, он и вёл себя там как настоящий дебил. И если бы мне кто-нибудь сказал, что Гомер в конце концов начнёт мне нравиться, ну, я бы оплатила такому человеку такси до кабинета психоаналитика. Он казался таким... незрелым.

— Да, помнишь ту водяную битву на Хеллоуин?

— Ох, не напоминай!

— Но если теперь он тебе нравится, что тебя останавливает?

— Не знаю. Это и есть самое трудное. Я не знаю, нравится ли он мне так же сильно, как я ему, — это первое. Мне совсем не хотелось бы завязывать отношения, если Гомер будет думать, что мои чувства так же сильны, как его. Он такой...

Фай никак не могла найти правильное определение, и я предложила своё:

— Грек?

— Да! Ну, то есть я знаю, конечно, что родился он здесь, но он всё равно грек в том, что касается девочек.

— А тебе не нравится, что он грек или частично грек, или как это назвать?

— Нет! Мне это нравится! Греки сексуальные.

Слово «сексуальные» прозвучало из уст Фай весьма забавно. Она была так хорошо воспитана, что обычно подобных слов не употребляла.

— Значит, тебе мешает лишь то, что у тебя нет таких сильных чувств, как у него?

— Вроде того. У меня такое ощущение, что я должна держать его на расстоянии, а иначе он просто захватит меня. Ну, как будто ты строишь плотину, чтобы не дать воде снести целую деревню. Я и есть деревня, и я строю плотину, когда держусь с ним холодно и небрежно.

— Он от этого может только сильнее раскалиться.

— Ох... Ты так думаешь? Мне и в голову не приходило. Как всё сложно... — Фай зевнула. — А что бы ты делала на моём месте?

Вопрос оказался трудным, потому что я и так отчасти была в её положении. Ведь именно мои чувства к Гомеру мешали мне завязать отношения с Ли. Вот если бы мы втроём очутились на необитаемом острове и я могла бы позволить себе уделять внимание обоим парням... Но произнесённое Фай слово «сексуальный» вдруг заставило меня осознать, что моё влечение к Гомеру в основном физическое. У меня совсем не было желания проводить с ним долгие часы, говоря о жизни, хотелось просто физического контакта, вздохнуть и бормотать: «Обними покрепче» или «Вот тут ещё раз погладь...».

А с Ли всё немного иначе. Меня привлекали его идеи, то, как он размышлял на разные темы. Возможно, если бы я больше разговаривала с Ли, то могла бы увидеть жизнь под другим углом. Я словно училась у него. О его собственной жизни я мало что знала, но когда смотрела в его глаза, это было всё равно что смотреть на Атлантический океан. Мне хотелось узнать, что я могу там обнаружить, какие интересные тайны он скрывает.

Поэтому на вопрос Фай я ответила:

— Не надо вечно его сдерживать. Гомеру нравится возбуждение. Ему нравится, когда оно нарастает. Вот только он не самый терпеливый парень в мире.

— Так ты думаешь, — сонно пробормотала Фай, — мне следует попробовать?

— Лучше иметь любовь и потерять её, чем не иметь любви вообще. Ну а если ты попробуешь и ничего не получится, чего ты лишишься? А вот если он утратит интерес к тебе, ты никогда и не узнаешь ничего, зато потом всю жизнь будешь гадать, что могло бы

получиться.

Фай наконец заснула, но я лежала без сна, прислушиваясь к ночным звукам, к шуму ветра в разогретых деревьях, к вою диких собак вдали, к случайному бормотанию птиц... И гадала, что я буду чувствовать, если Фай всё-таки уступит Гомеру. Я всё ещё не могла до конца поверить, что мне самой вдруг так внезапно понравился Гомер. Он так долго был моим соседом, моим братом. Я попыталась вспомнить о том, как всё было какой-нибудь месяц или год назад или пять лет назад, когда мы были совсем ещё детьми. Мне хотелось разобраться, когда именно Гомер стал выглядеть привлекательным для меня или почему я не замечала этого прежде, но мешали новые чувства. Как будто Гомер претерпел внезапную метаморфозу. За одну ночь стал сексуальным и интересным.

Какая-то собака взвыла снова, и я начала думать об Отшельнике. Может быть, это сам дух Отшельника выл, возвращаясь в свой осквернённый дом, хотел взглянуть на людей, которые незаконно проникли в его тайное убежище. Слегка напуганная, я передвинулась ближе к Фай. Всё это так странно — обнаружение той маленькой хижины, так искусно скрытой... Должно быть, тот Отшельник воистину ненавидел род человеческий, если столь старательно прятался от него. А я ведь почти всерьёз ожидала ощутить в том месте присутствие зла, неких сатанинских сил, как будто там много лет подряд служили чёрные мессы. Но каким на самом деле был тот человек? Как он справлялся со своей жизнью? В его домике совсем не ощущалось зла. Там присутствовала некая атмосфера, но ей трудно было дать определение. Пожалуй, то место выглядело грустным, задумчивым, но никак не злым.

Когда на меня начал напозать сон, я мысленно обратилась к ритуалу, который теперь проделывала ежедневно, как бы ни устала. Это было нечто вроде фильма, который я прокручивала в голове каждую ночь. В этом фильме я видела своих родителей и их обычную жизнь. Я заставляла себя видеть их лица как можно чаще, представляла родителей во время разных дневных дел: папа бросает овцам кипы сена, ждёт за рулём, когда я открою ворота, потеет, затягивая болты на лемехе трактора, и на нём кожаные штаны, которые он надевает для работы в поле... Мама на кухне — она настоящий кухонный ангел, моя мама. Может быть, благодаря движению феминизма она стала более откровенна в высказываниях, но это не слишком отразилось на её обычных хлопотах. Я представляю, как мама выбирает для себя книги в библиотеке, окучивает картошку, говорит по телефону, как румянятся её щёки, когда она разжигает печь на жидком топливе и клянётся, что завтра непременно заменит её на электрическую. Но она так этого и не сделала. Мама оставила это старье потому, что, когда мы начали на ферме принимать туристов на постой, те решили, что печь уж очень живописна. Это вызывало у меня улыбку.

Не знаю, может, я лишь портила себе настроение, думая о родителях и пытаюсь сделать вид, что всё хорошо, но это был мой способ сохранить их живыми в памяти. Я боялась, что если перестану это делать, то позволю им уплыть куда-то, как сама уплывала в сон. Обычно я думала и о Ли тоже, о том случае, когда мы прижимались друг к другу, представляла его гладкую тёмную кожу и твёрдые губы, но в тот вечер я слишком устала, да и днём думала о нём достаточно. Я заснула — и он мне приснился.

Два дня с Гомером, Фай и Ли обещали быть интересными, такими они и стали. На самом деле эти дни были даже слишком интересными. Мои эмоции испытывали излишнее напряжение. Но всё-таки все мы нервничали, не зная, что происходит с нашей четвёркой. Вторник начался с прохлады и, похоже, собирался стать особенным во многих отношениях. Это был любопытный день — день, который я никогда не забуду.

Мы снова решили встать пораньше. Я уже заметила, что чем дольше мы живём в Аду, тем сильнее поддаёмся естественному ритму природы, отправляемся спать, когда становится темно, встаём на рассвете. Дома такое было невозможно. Но здесь мы постепенно стали так жить, почти не замечая этого. Хотя и не сразу. Поначалу мы засиживались у костра после наступления темноты, чтобы приготовить какую-то еду на следующий день или просто выпить чая — в течение дня не все успевали это сделать, — но очень скоро мы начинали зевать, потягиваться и, выплеснув из чашек осадок, разбредались по палаткам.

В общем, когда утром того вторника мы обнаружили, что вокруг холодно и сыро, то собрались вокруг угасшего костра, болтая ни о чём, прислушиваясь к негромкому тарактенью сорок и недовольному кудахтанью кур. Завтрак был, как обычно, холодным. Я с вечера замачивала сухие фрукты в воде, в плотно закрытом котелке, чтобы до них не добрались опоссумы. К утру фрукты становились мягкими и вкусными, и мы их ели с мюсли или какими-нибудь другими хлопьями. Фай пила разведённое сухое молоко, которое тоже готовила с вечера, чтобы к утру оно настоялось. Мы прихватили и несколько банок концентрированного молока, когда ездили в дом Груберов, но их хватило ненадолго: мы их высосали досуха за какие-нибудь сутки.

Главная наша задача на это утро состояла в добыче дров. Нам хотелось набрать их целую гору, а потом как-то замаскировать. Наверное, это звучит безумно, нас ведь окружал буш, сплошные заросли кустов, но дрова при этом найти оказалось нелегко, потому что кустарник был слишком плотным. И ещё нужно было сделать кучу мелких дел: нарубить щепок, выкопать дренажные канавки вокруг палаток, выкопать новую яму для туалета — первая уже заполнилась, — подготовить плотно упакованные продукты, которые мы собирались спрятать в окрестностях, как предложил Гомер.

Поскольку Ли всё ещё был не слишком подвижен, последнюю задачу возложили на него, а заодно мытье посуды и чистку оружия.

Мы предполагали усердно трудиться большую часть утра, после ланча сделать перерыв, а вечером отправиться к «лендроверу», чтобы перенести ещё часть груза. И мы действительно многое сделали, прежде чем снова потеплело и мы несколько снизили темп. Мы набрали кучу дров около метра высотой и шириной метра в три и ещё отдельно сложили горку растопки. Выкопали канавки и туалетную яму, потом получше устроили кур. Просто удивительно, как много могут сделать четыре человека по сравнению с тем, что успевали мы с папой. Но меня очень тревожило то, что мы до сих пор очень сильно зависели от снабжения, доставленного на четырёх колёсах. Это ведь только временное решение. Даже вырастив собственные овощи, даже имея кур, мы были далеки от того, чтобы перейти на самообеспечение. Предположим, нам придётся прожить здесь три месяца... или шесть... или два года... Это трудно было представить, но такое вполне возможно.

Во время ланча, когда двое других были чем-то заняты, Ли тихонько сказал мне:

— Сможешь показать мне сегодня хижину Отшельника?

Я была поражена:

— Но вчера, когда мы все туда ходили... ты сказал, что твоя нога...

— Да, конечно. Но сегодня я уже испытал её. Вполне нормально. Ну, всё равно вчера у меня не было настроения идти с вами.

— Ладно, — усмехнулась я, — отведу тебя. И в случае чего принесу тебя обратно на спине, как Робин.

Должно быть, в воздухе витало нечто особенное, потому что, когда я сказала остальным,

что нога у Ли вполне поправилась и мы уйдём на пару часов, Гомер тут же подмигнул Фай. Думаю, Фай как-то поощрила Гомера этим утром, потому что его подмигивание не означало что-то вроде: «О-ох, Ли и Элли!» — а скорее нечто такое: «Отлично, мы неплохо проведём время вместе».

Вообще-то, это было весьма подло с их стороны.

Уверена, если бы мы с Ли не дали им такой возможности, они бы придумали, что соврать. Но во мне это вызвало зависть и даже захотелось отменить наше путешествие, чтобы остаться с этой парочкой и изобразить из себя надсмотрщицу. Потому что в глубине души мне совсем не хотелось, чтобы Гомер и Фай были вместе.

Впрочем, я ничего не могла поделать. Я оказалась в ловушке. И потому около двух часов дня отправилась к ручью, а Ли хромал рядом со мной. Путешествие на этот раз завершилось удивительно быстро, потому что я теперь знала дорогу и шла увереннее и Ли двигался куда более легко, чем я ожидала. Вода булькала вокруг нас, освежающе прохладная, и мы шагали вместе с течением.

— Идеальная дорога, — заметил Ли, — потому что мы не можем с неё сбиться.

— Мм... Знаешь, по другую сторону Ада текут реки Холлоуэй и Рисдон. Отсюда к ним наверняка есть какой-то путь. Вот было бы интересно найти его, может быть, даже прямо по этому ручью.

Мы уже почти добрались до хижины, однако Ли прежде всего хотелось поговорить. Он сел на мокрое бревно У Ручья.

— Пусть нога немного отдохнёт, — сказал он.

— Что, болит?

— Чуть-чуть. Скорее ноет, когда её нагружаешь. Наверное, лучшее лекарство теперь — упражнения. — Он немного помолчал. — Знаешь, Элли, я ведь даже не поблагодарил всех вас как следует за то, что забрали меня гой ночью из ресторана. Вы же настоящие герои. Вы буквально встали под огонь ради меня. Я не слишком умею выражать чувства, но я этого не забуду до конца жизни.

— Ну и ладно, — неловко откликнулась я. — Ты уже меня благодарил. Ты тоже сделал кое-что для нас.

— И извини меня за вчерашнее.

— Да за что тут извиняться? Ты сказал то, что хотел сказать. Сказал то, что думал. Куда больше, чем сказала я.

— Так скажи сейчас.

— Может, и надо бы, — усмехнулась я. — Хотя я, вообще-то, не предполагала ничего говорить. — Немного подумав, я решила ринуться в омут. — Хорошо, я скажу то, что, как мне кажется, я думаю, но только помни: это не обязательно значит, что я действительно так думаю. Я вообще не знаю, что я думаю.

— Эх, Элли, умеешь ты разочаровывать! — застонал Ли. — Ты ещё и не начала говорить, а уже вконец меня запутала. Точно так же, как вчера.

— Ну, так ты хочешь, чтобы я была честной с тобой, или не хочешь?

— Давай-давай, продолжай, а я попытаюсь держать в руках себя и кровяное давление.

— Ладно... — Выдохнув это, я вообще не представляла, с чего начать. — Ли, ты мне нравишься, даже очень. Думаю, ты интересный, весёлый, умный и у тебя самые красивые глаза во всём Виррави. Но я не уверена, что ты мне нравишься именно в том смысле, ну, ты понимаешь, о чём я. В тот день в сарае мной овладели чувства. В тебе есть что-то такое... я

не знаю, что это, но ты заставляешь меня нервничать. Я никогда не встречала никого похожего на тебя. И вот ещё о чём я думаю... Предположим, мы начнём встречаться, а вдруг из этого ничего не выйдет? Сейчас мы все живём здесь, нас семеро... то есть уже восемь, и мы сидим в тайном месте в очень странное время, когда весь мир перевернулся вверх ногами, но нам хорошо вместе... в общем хорошо. И мне совсем не хочется всё испортить, если мы двое вдруг решим, что видеть друг друга не хотим или нам неловко быть рядом. Это будет ужасно. Всё равно что Адам и Ева поссорились бы в саду Эдема. С кем бы они тогда разговаривали? С яблоней? Со змеем?

— Ох, Элли! — заговорил Ли. — Ну зачем тебе нужно постоянно искать разумные причины и рассуждать? Будущее — это будущее. Оно само о себе позаботится. Ты можешь сидеть тут день напролёт и гадать о нём, и что ты получишь к вечеру? Кучу пустых догадок, вот что.

А тем временем ты ничего не делаешь, ты не живёшь, потому что слишком занята рассуждениями обо всём.

— Это неправда! — сердито возразила я. — То, как мы нашли тот грузовик и спасли тебя, есть результат правильных рассуждений. Если бы мы сначала не предусмотрели все возможности, ничего бы не получилось!

— Но большую часть всего вы делали экспромтом, — сказал Ли. — Я же помню, как ты мне говорила, что какая-то часть плана меняется, вроде бы относительно маршрута. И было ещё многое, например то, как тебе пришлось затормозить, чтобы остановить машину сзади. Это ты сделала не по плану и не рассуждая.

— Так ты считаешь, я должна жить чувствами, а не рассудком?

— Не в такой форме, как ты это выразила! — засмеялся Ли. — Полагаю, место должно быть и для того и для другого. Я тебе скажу, на что это похоже. На мою музыку. — Ли блестящий музыкант. Он уже учился в шестом классе музыкальной школы и был лучшим в своей возрастной группе в Виррави. — Когда я что-то разучиваю или исполняю, я включаю в работу и сердце и ум. Ум заботится о технике, а сердце чувствует страсть музыки. Наверное, и в жизни то же самое. У тебя есть всё.

— И ты думаешь, что я руководствуюсь умом, а не сердцем?

— Нет! Хватит уже искажать мои слова! Но вспомни о том человеке, который жил здесь. Его сердце должно было постепенно иссохнуть, пока не стало похожим на маленький сушёный абрикос, и у него остался только рассудок. Надеюсь, для него это было большим утешением.

— Ну да, значит, по-твоему, у меня один рассудок, а сердца нет! Ты думаешь, я тоже кончу жизнь в этой маленькой хижине, стану Отшельницей из Ада, без друзей, и никто не будет меня любить. Извини, но мне пора в сад, поесть червячков.

— Нет, просто я думаю, что для того, чтобы понять, нравится ли тебе кто-то — например, нравлюсь ли тебе я, — ты слишком осторожна и расчётлива. Тебе надо отдаться чувствам.

— Но как раз в чувствах-то я и запуталась! — жалобно ответила я.

— Может быть, это потому, что твои чувства запутывает твой ум. Твои чувства могут звучать громко и отчётливо, но, прежде чем они вырвутся наружу, твой мозг ловит их и пытается развернуть в другую сторону.

— Ага, то есть я вроде тех телевизоров, которые больше похожи на компьютеры? Я вмещаюсь в изображение, меняю его?

Я сама не знала, верю ли я во всё это, или просто Ли ведёт к чему-то своему. Парни это умеют.

— Да, — кивнул Ли. — Вопрос в том, какая программа идёт по телевидению? Спор с смысле жизни или страстная любовная история?

— Представляю, какую программу хотел бы увидеть ты! — фыркнула я. — Какую-нибудь порнуху.

Ли засмеялся:

— Разве я могу сказать, что люблю тебя за твой ум, после всего, что сам только что наговорил? Но так оно и есть.

Ли впервые произнёс слово «любовь», и меня это немного отрезвило. Такие отношения могут внезапно стать серьёзными. Проблема в том, что я ни разу не упомянула о Гомере, и одной из причин того, что Ли не мог меня понять, было то, что он не понимал моего отношения к Гомеру... хотя ему и следовало уже что-то заподозрить.

Думаю, он был бы не так растерян, если бы я была с ним честнее. Но я-то знала о Гомере и по-прежнему путалась во всём. Я вздохнула и встала:

— Идём, хромоножка, давай лучше заглянем в хижину.

Я в третий раз пришла сюда, так что мне уже было не так интересно. Но Ли долго осматривался вокруг. На этот раз здесь было светлее. Наверное, всё зависело от времени дня, но ещё и солнечные лучи, проникая в дверной проем, смягчали темноту у задней стены. Ли подошёл к единственному окну хижины, незастеклённому квадрату в задней стене. Он высунулся наружу и внимательно осмотрел заросли мяты, потом исследовал сгнившую оконную раму.

— Прекрасная работа, — оценил он. — Ты посмотри на эти соединения. Эй, да тут ещё что-то металлическое.

— О чём ты?

Я подошла и встала рядом с Ли, а он принялся дёргать подоконник. Я теперь поняла, что он имел в виду: подоконник прогнил насквозь и между щепками виднелась тускло-чёрная металлическая поверхность.

Внезапно Ли поднял весь подоконник целиком. Тот, похоже, и был сделан съёмным, потому что под ним оказалась аккуратная геометрическая выемка, не больше коробки для ботинок. И там лежал серый железный денежный ящик, примерно такого же размера.

— Вау! — в изумлении воскликнула я. — Невероятно! Тут, наверное, куча золота!

Ли, не менее изумлённый, поднял ящик.

— Он лёгкий, — сказал он. — Слишком лёгкий для золота.

Ящик начал уже ржаветь, кое-где по нему поползли рыжие полосы, но в целом был ещё в хорошем состоянии.

Он не был заперт и открылся без труда. Заглядывая под руку Ли, я не увидела ничего, кроме каких-то бумаг и фотографий. Это разочаровывало, хотя, как я сообразила позже, от золота нет особой пользы, пока мы жили, как партизаны, в горах.

Ли достал из ящика бумаги и снимки. Под ними лежала небольшая синяя коробочка, похожая на бумажник, но сделанная из более жёсткого материала, с маленькой золотой застёжкой. Ли осторожно открыл её. В ней, завернутая в папиросную бумагу, лежала на белой льняной подушечке тяжёлая бронзовая медаль на короткой широкой ленте ярких цветов.

— С ума сойти! — выдохнула я. — Он был героем войны!

Ли достал медаль. На одной её стороне просматривалось изображение — вроде бы короля, но не знаю, какого именно, — и слова: «За отвагу». Ли повернул медаль. На другой стороне была гравировка: «Бертраму Кристи — за храбрость в битве при Маране», дату разобрать не удавалось. Лента была трёхцветной — красно-жёлто-синяя. Мы так и эдак вертели медаль, восхищаясь ею, потом снова аккуратно завернули в бумагу и положили в коробочку, а уж потом стали рассматривать бумаги.

Здесь оказались блокнот, пара писем, несколько газетных вырезок и какие-то документы. И ещё три фотографии: молодая смущённая пара в свадебный день, женщина, стоящая перед простым деревянным домом, и женщина с малышом. Молодая женщина, похожая на испанку, выглядела печальной, у неё были длинные тёмные волосы и худощавое лицо. Я внимательно всмотрелась в снимки.

— Вероятно, именно их он убил, — прошептала я.

— Странно, что он хранил их фотографии, если убил их, — сказал Ли.

Я посмотрела на лицо мужчины на свадебном снимке. Он выглядел очень молодым, может быть, даже моложе женщины. Смотрел он прямо в объектив камеры, и у него были ясные честные глаза и крепкий, чисто выбритый подбородок. Я не могла рассмотреть ничего злого в этом лице, а его супруга и ребёнок совсем не были похожи на жертв.

Ли стал рассматривать бумаги. Первой была газетная статья о какой-то проповеди. Я прочитала только первые строки. Проповедь строилась на каком-то стихе из Библии. Выглядело это длинным и скучным, так что я и читать не стала. Второй оказалась вырезка из газеты, короткая статья с заголовком: «Жертвы трагедии в Тамблере упокоились с миром». Там говорилось:

«Небольшая группа скорбящих присутствовала в прошлый понедельник в англиканской церкви в Тамблере, где преподобный Гораций Грин отслужил панихиду по Имоджин-Мэри Кристи и её сыну Альфреду-Бертраму Кристи, трёх лет от роду.

Семью Кристи знали не слишком хорошо, поскольку они переехали в наши края недавно и жили довольно далеко от города, в уединении, но случившаяся трагедия пробудила немалые волнения в округе, задев чувства многих, к которым и обращался преподобный Грин.

Затем скончавшиеся были захоронены на городском кладбище Тамблера.

В следующий понедельник состоится общее собрание в Школе искусств, под председательством мистера Доналда Макдоналда, мирового судьи, чтобы снова обсудить возможность организации постоянной медицинской помощи в округе Тамблер. Трагедия Кристи снова пробудила горячий интерес к этому вопросу.

Дознание по поводу смерти миссис Кристи и её ребёнка состоится в магистратуре округа 15 апреля. А тем временем констебль Уайкс предостерегает всех от праздных домыслов об этом случае».

И всё. Я прочла это через плечо Ли.

— Похоже, тут больше вопросов, чем ответов, — сказала я.

— А о муже вообще не упоминается, — заметил Ли.

Следующим был плотный официальный лист кремовой бумаги, уже пожелтевшей. Похоже, благодарность, сопровождающая медаль. Затейливыми буквами описывались действия рядового Бертрама Кристи, который бросился вперёд под вражеским огнём, чтобы

спасти раненого и потерявшего сознание «капрала из другого полка». «Доставляя товарища на свои позиции, рядовой Кристи рисковал собственной жизнью и проявил незаурядную храбрость, за которую его величество с удовольствием награждает рядового Кристи медалью Святого Георгия».

— Всё любопытнее и любопытнее, — покачал головой Ли.

— Похоже на вас с Робин, — заметила я. — Ей бы тоже полагалась медаль.

Потом мы просмотрели ещё несколько разных бумаг: свидетельства о рождении всех троих Кристи, свидетельство о заключении брака между Бертрамом и Имоджин, открытка Бертраму от его жены, на которой было написано совсем немного: «Мы приедем поездом в 4.15».

Матушка посылает наилучшие пожелания. Ваша преданная жена Имоджин».

Ещё там лежало несколько банковских документов и блокнот, в котором было записано множество расчётов и сумм. Я показала на одну из них, гласившую: «За двуспальную кровать четыре фунта десять шиллингов шесть пенсов».

— Это сколько? — спросил Ли.

— Полагаю, около восьми долларов. Вроде бы фунты нужно умножать на два? А что делать с шиллингами и пенсами, понятия не имею.

Наконец мы добрались до последнего из официальных документов, длинного листа бумаги с красной печатью наверху. Текст был отпечатан на машинке, а внизу красовалась подпись чёрными чернилами. Мы устроились поудобнее, чтобы прочитать его, и увидели, что это сухой отчёт коронера об истории убийства мужчиной его собственных жены и ребёнка.

«Да будет известно всем, имеющим отношение к Королевскому суду, что я, Гарольд Эмори Дуглас Бэтти, будучи назначен коронером магистратуры округа Тамблер, с должным уважением к смерти провёл следующие исследования тела Имоджин Мэри Кристи, двадцати четырёх лет, замужней, прихожанки данного прихода, и тела Альфреда Бертрама Кристи, трёх лет от роду, сына данной прихожанки, проживавших в доме 16А по дороге Эберфойл, в сорока четырёх милях к юго-западу от горы Пинк, и сообщаю:

1. Оба покойных встретили смерть примерно 24 декабря от руки Бертрама Хьюберта Секстона Кристи, в результате выстрелов в их головы.

2. Оба покойных состояли в родстве с упомянутым Бертрамом Хьюбертом Секстоном Кристи, фермером, будучи женой и сыном последнего, и проживали в деревянном коттедже по упомянутому адресу, то есть в особенно удалённой части округа Тамблер.

3. Мы не обнаружили никаких признаков супружеских проблем между Бертрамом Хьюбертом Секстоном Кристи и Имоджин Мэри Кристи; напротив, Бертрам Хьюберт Секстон Кристи являлся любящим мужем и отцом, а Имоджин Мэри Кристи — добросовестной и терпеливой супругой, а их сын Альфред Бертрам Кристи был спокойным ребёнком с крепким здоровьем, — по свидетельству Уилсона Хьюберта Джорджа, фермера, соседа покойных, и Мюриэл Эдны Мейберри, замужней, соседки покойных.

4. Ближайшие к дому Кристи практикующий врач и сиделка находились на Дунстанлейк, в полутора днях пути и дальше.

5. Сильный пожар в буше начался вокруг дороги Эберфойл, вдоль Тамблер-Октопус-роуд, Уайлд-Гоут-трек и к югу от горы Пинк, в результате чего земли Кристи оказались в полной изоляции, и это было известно Бертраму Хьюберту Секстону Кристи.

6. Оба покойных сильно обгорели в результате того, что пожар в буше добрался до жилища Кристи, и Бертрам Хьюберт Секстон Кристи, будучи уверен в том, что их ожоги смертельны, и не в силах выносить их страдания, и зная также, что медицинской помощи им ждать не приходится, убил обоих выстрелами в голову из винтовки, принадлежавшей Бертраму Хьюберту Секстону Кристи. Таковы показания Бертрама Хьюберта Секстона Кристи.

Таким образом, ясно, что оба покойные были сознательно и умышленно убиты Бертрамом Хьюбертом Секстоном Кристи из упомянутой винтовки, а тела намеренно сожжены в попытке скрыть этот факт.

7. Медицинская наука не в состоянии определить, что случилось прежде — ожоги или выстрелы, и таково свидетельство доктора Джексона Мюрфилда Уотсона, практикующего врача и судебно-медицинского эксперта из окружного госпиталя в Страттоне.

8. Полицейское расследование не смогло обнаружить каких-либо свидетелей и свидетельств относительно данного случая, и таковы показания констебля Фредерика Джона Уайкса из полицейского участка Тамблера.

9. На основании всего вышеизложенного я не в состоянии сделать каких-либо выводов относительно того, как именно покойные встретили свою смерть.

РЕКОМЕНДАЦИИ:

1. Необходимо срочно рассмотреть вопрос о предоставлении медицинской помощи округу Тамблер.

2. Государственный обвинитель должен учесть информацию о добровольном и сознательном убийстве при рассмотрении дела Бертрама Хьюберта Секстона Кристи.

Заверено и подписано Гарольдом Эмори Дугласом Бэтти в магистратском суде Тамблера 18 апреля».

В железном ящике оставались ещё две бумаги.

Одна из них оказалась письмом от матери Имоджин Кристи. Письмо начиналось так:

Дорогой мистер Кристи!

— «Мистер Кристи»! — воскликнул Ли.

— Ну, в те дни все вели себя очень официально, — заметила я.

Я получила Ваше письмо от 12 ноября. Воистину Ваше положение весьма затруднительно. Как Вы знаете, я всегда стояла на Вашей стороне и защищала Вас в деле ужасной смерти моей дорогой дочери и моего дорогого внука, поскольку не видела другого выхода для Вас, и я всегда верила и искренне молилась, чтобы это было именно так. И я радовалась, как Вам известно, когда жюри признало Вас невиновным, потому что верила, что Вас обвинили несправедливо, и если закону неизвестны такие случаи, как Ваши, то это плохой закон, я бы сказала так. Но жюри присяжных вынесло единственно возможный вердикт, несмотря на то что утверждал судья. И Вы знаете, что я всегда придерживалась одного мнения и говорила об этом во всём округе. Не думаю, что я могла бы сделать больше. Никто, ни мужчина, ни женщина, не вправе теперь распускать язык, а если они ведут себя так дурно, как Вы сообщаете, и Вам придётся уехать из этого округа, то это просто стыд. Увы, женщин не остановить, если уж они начали сплетничать, и пусть я выгляжу предательницей собственного женского пола, но это действительно так, и так всегда было в мире и всегда будет. Но Вы знаете, что Вам всегда будут рады под крышей дома Имоджин Эммы Эйкин.

А на последнем листке было написано простенькое стихотворение:

В этом море бурной жизни
 Две твердыни есть везде:
 Доброта к чужому горю,
 Храбрость в собственной беде.

Когда мы это прочли, Ли молча сложил все бумаги и убрал их в железный ящик. И я ничуть не удивилась, когда он снова поставил ящик в углубление под подоконником, а потом уложил на место доску. Я знала, что нет необходимости оставлять всё это здесь навсегда, позволяя рассыпаться в прах, но прямо сейчас нам нужно было слишком многое понять, о многом подумать. Мы тихо вышли из хижины.

На полпути обратно по ручью я обернулась к Ли, который шлёпал по воде за моей спиной. Это было едва ли не единственное место в прохладном зелёном туннеле, где мы

могли выпрямиться. Я обхватила его рукой за шею и жадно поцеловала. После мгновения шока, когда губы Ли оставались неподвижными, он принялся целовать меня в ответ, крепко прижимаясь губами к моему рту. Вот так мы и стояли, прямо в холодном потоке, обмениваясь пылкими поцелуями. Я изучала не только губы Ли, но и его запах, ощущение его кожи, очертания его плеч, тепло его шеи. Через какое-то время я оторвалась от него и опустила голову ему на плечо, продолжая обнимать его одной рукой. Смотрела я на спокойно текущую воду, следовавшую предопределённым ей путём.

— Отчёт коронера... — начала я.

— Да?

— Мы говорили о рассудке и эмоциях.

— Ну и?

— Ты когда-нибудь видел такую холодность, как в том отчёте?

— Нет, не думаю.

Я чуть повернулась, чтобы уткнуться носом в его грудь, и прошептала:

— Я не хочу стать такой, как отчёт коронера.

— Не станешь.

Ли погладил мои волосы, потом осторожно потёр мне шею, как будто массируя. Мы молчали ещё несколько минут, а потом он сказал:

— Давай-ка выберемся из этого ручья. Я уже замерзать начал. Обледенел до колен, а скоро и выше обледенею.

— Тогда побежали поскорее, — хихикнула я. — Мне бы не хотелось, чтобы это пошло выше.

Когда мы вернулись на поляну, сразу стало ясно, что между Гомером и Фай что-то произошло. Гомер сидел у дерева, а Фай приютилась рядом с ним. Гомер смотрел через поляну, туда, где вдали вздымалась одна из Ступеней Сатаны. Они не разговаривали, а когда появились мы, то встали и разбрелись в разные стороны, и у Гомера вид был слегка растерянный, а у Фай вполне естественный. Но когда я немного понаблюдала за ними в течение дня — я не шпионила, просто мне было любопытно, — то почувствовала, что у них всё не так, как у нас. Они как будто сильнее нервничали рядом друг с другом, словно двенадцатилетние детки на первом свидании.

Фай мне это объяснила, когда мы с ней ускользнули вдвоём, чтобы посплетничать.

— Гомер уж очень себя принижает, — пожаловалась Фай. — Всё, что я о нём говорю, он отменяет. Ты представляешь, — она уставилась на меня своими большими невинными глазами, — у него какое-то странное отношение к тому, что мои родители — юристы и что я живу в том глупом большом доме. Он ведь раньше всегда шутил на этот счёт, особенно когда мы туда отправились ночью, вот только мне кажется, для него это всё на самом деле не шутка.

— Ох, Фай! И сколько времени тебе понадобилось, чтобы это понять?

— А он тебе что-то говорил?

Фай ужасно встревожилась, что было для неё типично. Я немного растерялась, я-то ведь хотела защитить Гомера, а вовсе не желала подорвать его доверие. И потому попыталась дать Фай пару намёков:

— Ну, просто твой образ жизни очень отличается от того, как живёт он. Ты же знаешь, с какими ребятами он всегда водил компанию в школе. С теми, что болтаются в молочном баре, а вовсе не играют в крокет с твоими родителями.

— Мои родители не играют в крокет.

— Нет, но ты поняла, что я хотела сказать.

— Ох, просто не знаю, что и делать. Он как будто боится что-нибудь сказать, ему кажется, что я начну смеяться над ним или задирать нос. Как будто я всегда так себя вела. Даже смешно: со мной он такой напуганный, а со всеми остальными такой уверенный в себе.

— Если бы я могла понять Гомера, я бы поняла всех парней разом, — вздохнула я.

Уже темнело, и мы стали готовиться к очередной долгой ночи, которая начиналась с подъёма по Ступеням Сатаны. Я уже устала, мне совсем не хотелось никуда идти, в особенности потому, что Ли пойти с нами не мог. Нога у него всё ещё была не слишком подвижна и болела. В итоге я потащила за Гомером и Фай, слишком слабая, чтобы жаловаться. К тому же мне казалось, что если я начну ныть, то сразу почувствую себя виноватой. Но потом приятная прохлада ночи меня оживила. Я начала дышать глубже и даже замечать вершины, торжественно возвышавшиеся вокруг. Место было прекрасным, я шла с друзьями — хорошими людьми, и вместе мы отлично справлялись с трудными обстоятельствами.

Конечно, причин для огорчений у нас хватало, но каким-то образом документы, прочитанные в хижине Отшельника, и поцелуи Ли позволили мне более оптимистично взглянуть на будущее. Я знала, что это чувство долго не проживёт, но старалась наслаждаться им, пока оно не угасло.

Добравшись до «лендровера», мы решили поискать новое укрытие для машин, чтобы их не было видно с тропы. Сделать это оказалось нелегко, и в конце концов нам пришлось удовлетвориться местечком за какими-то деревьями ниже по склону, примерно в километре от старой стоянки. Выгода новой позиции была в том, что добираться туда приходилось через камни, то есть не осталось бы никаких следов, если шины были сухими. А вот большим недостатком являлось то, что пришлось бы намного дольше идти пешком, чтобы добраться до Ада, а прогулка и до этого была неблизкой.

Фай и Гомер собирались остаться здесь и ждать остальных, мы ведь ожидали их возвращения из Виррави к рассвету, но мне не хотелось, чтобы Ли остался один в лагере на всю ночь. И только по этой причине, ни по какой другой, я набила рюкзак до отказа, прихватила ещё сумку с одеждой и, нагрузившись, как грузовик, отправилась обратно в Ад. Было уже около полуночи, когда я рассталась с Фай и Гомером. Они сказали, что поспят в «лендровере», пока ждут остальных.

Ну, по крайней мере, так они сказали.

Луна к тому времени уже поднялась. Скалы вдоль тонкого гребня Тейлор-Стич были ярко освещены. Впереди меня из листвы какого-то невысокого дерева вдруг выпорхнула птица, громко крича и хлопая крыльями. Кусты выглядели как гоблины и демоны, ожидающие возможности напасть на меня. А тропа вилась как раз между ними. Белые сухие ветки блестели, словно кости, а под моими ногами скрипели мелкие камешки.

Наверное, мне следовало ужасно бояться, идя в одиночку в темноте. Но я не боялась. Прохладный ночной ветерок непрерывно овеивал лицо, запах акаций придавал воздуху сладость. Это была моя родная страна, я себя чувствовала так, словно выросла прямо из этой почвы, вроде молчаливых деревьев вокруг, вроде травы с мелкими листочками, что окружала тропу. Мне хотелось вернуться к Ли, снова увидеть его серьёзное лицо, его карие глаза, зачаровывавшие меня, когда они смеялись, и хватавшие за сердце, когда становились

грустными.

И ещё мне хотелось остаться здесь навсегда. Мне казалось, что тогда я могу превратиться в часть всего этого, в какое-нибудь тёмное, изогнутое, душистое дерево.

Шла я очень медленно, собираясь вернуться к Ли, но не слишком быстро. Я почти не замечала веса всего того, что несла. Вспоминала о том, как давным-давно — казалось, много лет назад — я думала об этом месте, об Аде, и о том, что лишь люди могли дать ему такое имя. Только люди знают, что такое ад, — они в этом большие специалисты. Я вспоминала, как гадала о том, побывал ли кто-то в аду. Например, Отшельник; я думала о том, что случилось в канун того Рождества: совершил ли он акт великой любви или великого зла... Но проблема состояла в том, что как человеческое существо он мог совершить и одно из них, и оба сразу. У других живых созданий таких проблем нет. Они просто делают то, что делают. Не знаю, был ли Отшельник святым или демоном, но после того, как он дважды спустил курок, похоже, что и сам он, и все вокруг отправили его в Ад. Он вовсе не обязан был забираться в горы, во впадину за ними, в жару, скалы и буш. Он нёс ад в себе, как все мы, словно некую ношу на плечах, небольшую ношу, которую мы по большей части и не замечаем... нёс огромный горб страданий, что сгибает нас своей тяжестью.

На моих руках тоже теперь была кровь, как на руках Отшельника, и точно так же, как я не могла сказать, был его поступок хорошим или плохим, я не могла решить, что сделала я сама. То ли я убила из любви к своим друзьям, в благородной попытке спасти их и родных, освободить нашу землю? Или я убила потому, что ценила свою жизнь превыше чужих жизней? Будет ли правильно для меня убить ещё с десятков людей ради собственного выживания? А если сотню? А если тысячу? В какой момент я обреку себя на ад, если уже не обрела? Библия говорит просто: «Не убий», а потом рассказывает сотни историй о людях, убивающих друг друга и становящихся героями, вроде истории Давида и Голиафа. Это не слишком мне помогало.

Я совсем не чувствовала себя преступницей, но и героиней тоже не ощущала.

Усевшись на какой-то камень на горе Мартин, я размышляла обо всём этом. Луна светила так ярко, что я видела всё вокруг. Деревья, огромные камни, даже вершины других гор отбрасывали гигантские чёрные тени. Но кто бы заметил крошечные человеческие тени, ползущие, как жуки, среди всего этого, кто бы заметил людей, совершающих чудовищные и прекрасные поступки? Я видела лишь свою собственную тень, что падала на скалу позади меня. Люди, тени, добро, зло, ад, рай... Всё это просто имена, ярлыки — не более. Все противоположности создают люди, в природе противоположностей нет. Даже жизнь и смерть в природе не противоположны: одно есть продолжение другого.

В общем, додуматься я смогла только до того, что лучше довериться инстинктам и интуиции. Но я уже так и делала. Человеческие законы, законы морали, религиозные законы... Все они казались искусственными, элементарными — почти детскими. В глубине души мне хотелось — иногда весьма сильно — найти правильный путь, и мне пришлось довериться этому чувству. Называйте это как хотите — инстинктом, сознанием, воображением, — но это ощущалось как постоянная проверка всего, что я сделала, в соотношении с некими границами внутри меня — проверка, проверка, постоянно. Может быть, военные преступники и серийные убийцы тоже имеют какие-то свои внутренние границы и проверяют, нарушили они их или нет, решаясь сделать то, что они делают. И откуда мне знать, отличаюсь ли я от них?

Я встала и медленно пошла дальше, вокруг вершины горы Мартин. От всех тех мыслей у

меня по-настоящему болела голова, но куда было деваться? Я чувствовала, что близка к ответу, и если буду постоянно об этом думать, не прерываясь, то могу его найти, вытащить из своего возмущённого мозга. И — да, кое в чём я всё-таки отличалась. Это была уверенность. Те, о ком я знала как о жестоких людях, кто действовал жестоко, — расисты, женофобы, фанатики и изуверы, — в себе не сомневаются. Они всегда абсолютно уверены в своей правоте. Например, миссис Ольсен в школе, она оставляла нас после уроков чаще, чем все остальные учителя, вместе взятые, и постоянно жаловалась насчёт «стандартов поведения» в школе и «недостатка дисциплины». Или мистер Родд, что жил неподалёку от нас, — рабочие никогда не задерживались у него дольше чем на шесть недель, он их выгонял постоянно, потому что все они были «ленивыми, глупыми, нахальными». Или мистер и миссис Нельсон, которые своего сына, когда он делал что-то не так, увозили за пять километров от дома, там высаживали, и заставляли возвращаться домой пешком, и смеялись над ним «ради его же пользы», а когда сыну было семнадцать, они нашли в его спальне шприцы... Да, таких людей я считаю отвратительными. И все они обладают общим качеством: они абсолютно уверены, что правы, а остальные ошибаются.

Я почти завидую силе их убеждения. Должно быть, для них жизнь не представляет особой трудности.

Возможно, недостаток уверенности в себе, болезненная привычка постоянно задавать вопросы и сомневаться во всём, что я сказала или сделала, были неким даром, полезным даром, чем-то таким, что делало мою жизнь болезненной прямо сейчас, но в дальней перспективе могло привести к... к чему? К пониманию смысла жизни?

По крайней мере, он мог дать мне какой-то шанс рассчитать, что я должна и чего не должна делать.

Все эти размышления утомили меня куда сильнее, чем тяжёлый поход по горам. Луна сияла ярче, чем когда-либо, и я не могла усидеть на месте. Я встала и прошлась к эвкалипту и к началу тропы. А когда я вернулась в наш лагерь, то с отвращением увидела, что Ли преспокойно спит. Конечно, едва ли можно было его в том винить, учитывая, как поздно уже было, но я-то весь вечер ожидала того, что мы снова поговорим. В конце концов, это ведь он был виноват в том, что мне пришлось пройти через эту мысленную потогонную работу. Это он начал, заговорив о моей голове и моём сердце. А теперь мне пришлось удовлетвориться тем, что я просто забралась в его палатку и устроилась спать. Мне, правда, послужило утешением то, что я представила, как Ли просыпается утром и обнаруживает, что всю ночь проспал рядом со мной, даже не подозревая об этом. Наверное, я улыбалась, засыпая.

Робин, Кевин, Корри и Крис буквально сияли. И трудно было не просиять в ответ. Таким облегчением, такой радостью было увидеть их снова. Я обняла всех по очереди, лишь теперь понимая, как боялась за них. Но похоже, всё прошло благополучно. И это прекрасно!

Они не слишком много рассказали Гомеру и Фай, потому что очень устали и не хотели повторять всё сначала, когда появимся Ли и я. Сказали только, что никого из наших родных не видели, но им сказали, будто всё в порядке и они находятся на территории ярмарки. Когда я это услышала, меня это так взволновало, что я сразу села на землю, как будто из меня вышибли дыхание. Ли прислонился к дереву и прижал ладони к лицу. Наверное, ничто другое не имело для нас такого большого значения. У нас была куча вопросов, но мы видели, как все измучены, так что решили дать им спокойно позавтракать, а потом уж приниматься за рассказ. Наконец они проглотили основательный завтрак — и даже несколько свежих яиц, быстро приготовленных опасным способом на маленьком костре, который мы мгновенно развели, — и уселись поудобнее, набитые едой и адреналином, чтобы приступить к подробному рассказу.

Больше всех говорила Робин. Она стала неформальным лидером с того момента, как они ушли в разведку, и интересно было наблюдать за тем, как она теперь руководила отчётом. Мы с Ли сидели, взявшись за руки, Фай прислонилась к Гомеру, а Кевин лежал на земле, положив голову на колени Корри. Всё выглядело как идеальное деление на пары, и, хотя я всё ещё гадала, не предпочтительнее ли для меня поменяться местами с Фай, я всё равно была счастлива. Жаль только, что у Криса и Робин не было шансов понравиться друг другу, а то мы и в самом деле идеально бы разделились.

Крис принёс с собой несколько блоков сигарет и две бутылки портвейна в качестве «сувениров», так он сказал. Крис уселся на бревно рядом со мной, но, когда он закурил, я вежливо попросила его отодвинуться. А я невольно стала думать, насколько далеко мы можем зайти, если поддержим идею «сувениров». И я вернулась к тому, что думала накануне. Если мы собираемся игнорировать законы нашей страны, нам необходимо создать некие собственные стандарты. Пока что у меня не возникало моральных проблем с теми законами, которые мы уже нарушили, — мы ведь преспокойно воровали, водили машины, не имея водительских удостоверений, намеренно уничтожали чужое имущество, даже убивали. Наверное, проезжали на красный свет, ездили без фар, вламывались в чужие владения, да всего и не перечислить. И, похоже, было на то, что мы собирались пить спиртное, чего нам не полагалось по возрасту, — впрочем, не в первый раз в моей жизни, должна признать. Кстати, именно это нарушение не слишком меня беспокоило, потому что я всегда считала этот закон типичной глупостью, как, впрочем, и многие другие. Я хочу сказать, что странной выглядит сама мысль, будто когда человеку семнадцать лет одиннадцать месяцев и двадцать девять дней — он ещё недостаточно созрел для того, чтобы прикасаться к спиртному, а вот через день он может наглотаться его под завязку. Но мне всё равно не нравилась мысль о том, что Крис станет хватать спиртное и сигареты, где и когда ему захочется. Наверное, дело было в том, что эти вещи не представляли собой необходимости, в отличие от всего остального, что мы привезли сюда. Впрочем, надо признать, что шоколад из дома Грубера едва ли отличался от сигарет Криса, разве что шоколад придавал нам сил, так что о

шоколаде хотя бы можно сказать что-то хорошее. А вот насчёт никотина вряд ли можно найти много добрых слов.

Ещё я подумала о том, что могло бы случиться, если бы Крис притащил в Ад что-нибудь покрепче или бы попытался вырастить прямо здесь нечто в своём духе. Но Робин уже приступила к долгому рассказу, так что я отбросила мысли о морали и сосредоточилась на том, чтобы слушать.

— Ну, мальчики-девочки, — начала Робин, — все готовы выслушать утреннюю сказку? Мы по-настоящему интересно провели пару дней. Хотя, — добавила она, посмотрев на меня и Ли, на Гомера и Фай, — вы, ребята, похоже, здесь тоже не скучали. Наверное, небезопасно будет снова оставлять вас наедине.

— Ладно, мамуля, продолжай! — фыркнул Гомер.

— Хорошо, но я за вами наблюдаю, не забываете. Так... С чего начать? Прежде всего, как мы уже говорили, никого из наших родных мы не видели, но мы о них слышали. Люди, с которыми мы говорили, клянутся, что с ними всё в порядке. То есть, конечно, то, что все заперты на территории ярмарки, нельзя назвать большим счастьем, но... Еды у них хватает. Они едят лепёшки, разукрашенные торты, меренги, домашний хлеб, яйца, печенье... Я что-то упустила?

— Фруктовые пироги, — добавила Корри, эксперт в таких делах. — Джеммы, консервы и пикули. И бисквиты.

— Ладно, хватит! — Мы трое воскликнули это одновременно.

— И, — продолжила Робин, — там же ещё и скот есть, на ярмарке. Конечно, это просто ужас, ведь там лучшие животные со всего округа. Поэтому с едой у них всё в порядке. Каждое утро они пекут хлеб — там есть парочка печей в кухне при чайной. С зеленью будет не очень, как только они съедят выставку юных фермеров, но там всего много, я помогала её устраивать накануне нашего отъезда.

— Но ты же не юный фермер, — заметила я.

— Я — нет, а вот Адам — да, — с некоторым смущением ответила Робин.

Когда утихли наш свист и завывания, она бесстрашно продолжила:

— Но там появилось и кое-что новое. Их теперь выводят каждый день с территории на работу. Собирают группу в восемь-десять человек, с тремя или четырьмя охранниками. Они убирают улицы, хоронят погибших, ищут еду — в том числе и овощи — и помогают в госпитале.

— Так госпиталь работает? Мы так и подумали.

— Да. Вроде бы там работают родители Элли. — Робин тут же пожалела о вырвавшихся у неё словах.

— Что? Ты что-то слышала?

Робин покачала головой:

— Нет-нет, ничего.

— Ох, да хватит уже, Робин! Что ты слышала?

— Ничего, Элли! Просто было несколько пострадавших. Но ты и сама это знаешь.

— Что ты слышала?!

Робин явно растерялась. Я понимала, что надо бы её пожалеть, но я уже зашла слишком далеко, чтобы останавливаться.

— Робин! Хватит обращаться со мной как с ребёнком! Рассказывай всё!

Она скривилась, но заговорила:

— Ну, трое солдат, которых ударило сенокосилкой... двое из них умерли вроде бы. И ещё двое, на которых мы наехали.

— Ох... — выдохнула я.

Робин произнесла всё это ровным тоном, но потрясение было ужасным. Моё лицо залило потом, у меня закружилась голова. Ли крепко сжал мою руку, но я почти не почувствовала этого. Корри подошла и, присев рядом со мной, на место Криса, обняла меня.

Через минуту Крис сказал:

— Это не так, как в кино?

— Да, — ответила я. — Пожалуйста, Робин, продолжай. Я в порядке.

— Ты уверена?

— Уверена.

— Ну, в госпитале есть и другие. В первые день-два было много столкновений, поэтому много раненых и убитых. И солдат, и гражданских. Не на ярмарке — там всё произошло слишком неожиданно, они захватили площадь минут за десять. А в городе и в округе, с теми людьми, которые не поехали на ярмарку. И всё это продолжается: появилось несколько групп партизан — обычные люди вроде нас, я думаю. Они бродят вокруг и нападают на патрули, когда есть шанс. Но в самом городе тихо. Солдаты, похоже, всех жителей собрали и теперь уверены, что у них всё под контролем.

— А с людьми они хорошо обращаются?

— В основном. Например, те, кто лежал в госпитале в день вторжения, там и остались, за ними ухаживают. Люди говорят, что солдаты стараются не слишком пачкать руки. Они ведь знают, что рано или поздно появится Красный Крест и представители ООН и не хотят навлекать на себя слишком много обвинений. Они постоянно говорят о «чистом» захвате. Рассчитывают, что если не будет разговоров о концентрационных лагерях, пытках, насилии и тому подобном, то меньше шансов, что в дело вмешаются другие страны, вроде Америки.

— А они не дураки, — пробормотал Гомер.

— Да. Тем не менее около сорока человек погибли только в Виррави и в округе. Мистер Алтус, например. Вся семья Френсис. Мистер Андерхилл. Миссис Нассер. Джо Лунг. И ещё некоторые, кто не пожелал подчиняться приказам.

Мы все замолчали, потрясённые. Мистер Андерхилл был единственным, кого я хорошо знала. Он работал ювелиром. И был таким мягким человеком, что я просто вообразить не могла, чтобы он стал как-то противиться солдатам. Может, он просто не хотел, чтобы они ограбили его мастерскую.

— Так с кем вы разговаривали? — спросил наконец Ли.

— Ну, я как раз до этого дошла. Я не совсем по порядку рассказываю. Ладно, вот как всё было. Мы пробрались в город в первую ночь без проблем. Дошли до дома моей учительницы музыки около половины второго ночи. Ключи лежали там, где она всегда их оставляет. Место хорошее, как я и говорила, — там такое множество дверей и окон, что легко выскочить наружу. Например, есть маршрут побега через окно наверху, там можно выбраться на крышу по большой ветке дерева и за пару секунд добраться до соседнего дома. И ещё тот, кто стоит на страже, отлично видит всю улицу и подъезд к дому, а через заднюю изгородь можно прорваться разве что на танке. В общем, надёжно. Но первым делом мы устроили фальшивую стоянку по соседству, под аркой Масонского зала. Забавно было... Мы там раскидали журналы, фотографии, даже игрушки. Потом Кевин встал на вахту, а мы все

легли спать. Утром, около одиннадцати, сторожить встала я и вдруг увидела людей на улице. Одним из них был мистер Кох, он раньше работал на почте.

— Это такой лысый старичок?

— Да. Кажется, он в прошлом году вышел на пенсию. Ну, я поскорее разбудила остальных, и мы стали наблюдать. Там было трое солдат и шесть человек городских. За ними ехали грузовик и пикап, и они, похоже, выносили вещи из каждого дома. Двое горожан входили в какой-нибудь дом, а солдаты оставались снаружи. В каждом доме люди проводили минут по десять, а потом выходили с зелёными мешками для мусора, битком набитыми. Какие-то мешки сразу бросали в грузовик, а другие — проверяли и клали в пикап. Когда они подошли к нам ближе, мы спрятались в разных частях дома и ждали. Я была на кухне, в кладовке для веников и всякой утвари. Там я просидела минут двадцать, когда вошёл мистер Кох. Он открыл дверцу холодильника и стал вынимать из него всё, что испортилось. Когда мы пришли туда ночью, то на голодный желудок не в силах оказались это сделать. Я позвала шёпотом: «Мистер Кох! Это Робин Матерс». А он, знаете, даже глазом не моргнул. Только тогда я вспомнила, что он совсем глухой. Он меня просто не слышал. Тогда я приоткрыла дверь кладовки, вышла и похлопала его по плечу. Ну! Крис, конечно, только что говорил, что теперь всё не как в кино, но тут было именно так. Мистер Кох подпрыгнул, как будто его током шарахнуло. Мне пришлось его даже поддержать. Я очень надеялась, что у него не случится сердечного приступа. Но он быстро успокоился. А потом мы поговорили. Он продолжал в это время работать, сказал, что, если задержится надолго, солдаты могут что-то заподозрить и войдут в дом. Сказал, что должен сделать дом снова пригодным для жилья, убрать все испорченные продукты, умерших домашних животных, а ещё собрать все ценности, вроде украшений. И он мне рассказал о наших родных и всяком другом. Сказал, что рабочие группы будут выезжать и за город тоже, это начнётся со дня на день, и будут присматривать за животными и работать на фермах. Ещё мистер Кох сказал, что солдаты собираются колонизировать всю страну с помощью своих людей, все фермы будут распределены между ними, а нам просто разрешат делать грязную работу... ну, наверное, чистить выгребные ямы. Ему уже нужно было уходить, но он мне сказал, что потом они отправятся на Уэст-стрит, так что если я хочу ещё поговорить, то могу пробраться в один из домов на той улице. И ушёл. В общем, когда в доме опять стало пусто, мы собрались на маленькое совещание. Кевин поговорил с какой-то леди, миссис Лей, она вошла в спальню, где он прятался, и тоже кое-что ему рассказала. В общем, мы решили отправиться на Уэст-стрит и повторить попытку. Мы туда добрались вполне легко, просто через сады, и проверили несколько домов. Первые два были заперты, но третий открыт, и мы попрятались в нём. Я залезла под кровать в хозяйской спальне. Крис остался стоять на страже, чтобы сообщить всем, когда солдаты подойдут близко, только это случилось часа через два. Очень скучно было ждать. Если хотите узнать, сколько раз переплетены проволоки в пружинах кровати в доме двадцать восемь на Уэст-стрит, могу вам сообщить. Но наконец кто-то вошёл. Это была незнакомая мне леди, в руках у неё был зелёный пакет для мусора. Подойдя к туалетному столику, она сразу начала всё с него собирать. Я прошептала: «Простите, меня зовут Робин Матерс», и она, даже не оглянувшись, ответила шёпотом: «Да, мистер Кох мне сказал, что тут могут оказаться молодые ребята...» Мы поговорили несколько минут, и я оставалась под кроватью, высунув только голову. Эта леди сказала, что ей противно заниматься таким делом, но солдаты время от времени проверяют потом дома, и, если она оставит что-нибудь ценное, её накажут. «Иногда я прячу где-то в комнате что-то такое, что

похоже на семейную реликвию, — призналась она. — Но не знаю, есть ли в этом какой-то смысл». Ещё она сказала, что в такие группы собирают самых безопасных людей, прежде всего стариков и детей, а если они попытаются сбежать или сделают что-то не так, их родных на территории ярмарки накажут. «Поэтому я не могу долго с тобой болтать, голубушка», — вздохнула она. Такая милая старушка. И ещё она мне сказала, что ключом ко всему стала скоростная дорога от залива Кобблер. Именно благодаря этой дороге солдатам удалось внезапно и быстро захватить всю округу. Они привезли своё вооружение и снаряжение в залив на корабле, а потом быстро переправили на грузовиках.

— Я то же самое и говорила, — перебила я.

Я вовсе не считала себя военным гением, но мне приятно было узнать, что я оказалась права.

— Ну, как бы то ни было, — продолжила Робин, — мы с ней болтали, как давние подружки. Старушка мне даже рассказала, что работала уборщицей в аптеке, на половину ставки, и сколько у неё внуков, и как их зовут. Она вроде забыла, что долго разговаривать не следует. Ещё пара минут — и, думаю, она бы позвала меня в кухню, чтобы напоить чаем, но я вдруг услышала тихие шаги в коридоре. Я тут же втянула голову под кровать, как черепаха в панцирь, но, уверяю вас, двигалась я куда быстрее любой черепахи. А потом я увидела прямо рядом с кроватью ботинки. Чёрные ботинки, но очень грязные и поношенные. Это был один из солдат, он подкрался к двери, пытаясь застать нас врасплох. Я подумала: «Что же мне теперь делать?» И попыталась вспомнить все те приёмы самозащиты, о каких когда-либо слышала, но в голову приходило только одно: удар коленом в пах.

— Ну да, она только это и думает, когда видит парней, — вставил Кевин.

Робин проигнорировала его замечание:

— Я так испугалась, мне совсем не хотелось, чтобы у милой старой леди были какие-то неприятности. Я ведь даже имени её не знала. И теперь не знаю. И мне вовсе не хотелось, чтобы меня убили. Но меня парализовало страхом, я даже шевельнуться не могла. Я услышала, как тот солдат сказал подозрительным тоном: «Ты с кем-то разговаривала!» И поняла, что у меня проблема. Я перекатилась по полу к другой стороне кровати и выползла из-под покрывала. Я очутилась в маленьком промежутке между кроватью и стеной, там около метра, думаю. Потом услышала, как старая леди нервно засмеялась и сказала: «Да, я сама с собой говорила. В зеркале». По мне, это прозвучало неубедительно, и, похоже, солдат тоже не поверил. Я понимала, что он собирается осмотреть комнату и, скорее всего, начнёт с того, что приподнимет край покрывала и заглянет под кровать. А потом обойдёт кровать вокруг. Просто в комнате не было других мест, где можно спрятаться. Комната была пустой, не слишком приятной. Поэтому я внимательно прислушалась к тихому шороху покрывала, которое он поднимал, — в комнате было так тихо, что я это слышала. Я даже слышала биение собственного сердца. И с трудом верила тому, что его не слышит солдат. Проблема заключалась ещё в том, что я не расслышала, как он опускает покрывало, и не знала, то ли он уже его бросил, то ли нет. Я в ужасе гадала, смотрит ли он ещё под кровать или уже идёт вокруг неё... Боже, я так вслушивалась, что до сих пор чувствую, как у меня растут уши! Точно у меня по обе стороны головы выросли две огромные спутниковые антенны-тарелки!

— Ну, ты, в общем, так и выглядишь, — заявил Кевин, никогда не упускавший возможности съязвить.

— Но в итоге я что-то услышала — тихий скрип — и решила, что это его ботинки скрипят, что он пошёл вокруг кровати. Я уже не слышала своего сердца — оно просто

остановилось. «Но не могу же я просто лежать здесь и ждать, когда он выстрелит!» — подумала я. Надо рискнуть! И закатилась снова под кровать. И представьте, секунды не прошло, как я увидела его ботинки в том углу, где я только что лежала! Оборка на краю покрывала ещё слегка качалась, и это был ужасный момент, потому что я не знала, заметит ли он это, думала, что обязательно должен заметить... Мне это казалось настолько очевидным, настолько подозрительным... А он там стоял, казалось, целую вечность. Не знаю, куда он смотрел, там и смотреть-то было не на что, одна только фотография на стене, мост через какое-то ущелье, в Швейцарии или ещё где-то. Наконец ботинки развернулись и застучали громче, солдат отправился к комоду, стал открывать ящики и рыться в них. Потом он сказал той леди: «Пошли в следующий дом», и они ушли. А я ещё долго там лежала, боялась, что это ловушка, но в конце концов пришёл Кевин и вызволил меня, сказал, что все ушли. Да, момент был тяжёлый... ну, не мне вам рассказывать.

— А Корри тоже с кем-то поговорила, так ведь? — добавила Робин, глядя на Корри, и та коротко кивнула. — Это тогда тебе рассказали о результатах ваших стычек с солдатами?

— Да, — подтвердила Корри. — Думаю, это было нечто вроде сенсации для них. Я разговаривала с каким-то забавным маленьким мужчиной, на вид ему лет пятьдесят. А имени его я не знаю. Он не хотел говорить слишком много. Ужасно боялся, что мы попадёмся. Но сказал, что вокруг города понемножку действуют партизаны. И именно он говорил о теории «чистого» вторжения.

— В общем, — попытожила Робин, — на том и закончилось наше общение с рабочими группами. Мы снова пробрались в наше укрытие и просидели там до темноты. — Робин смотрела на Гомера, когда заговорила снова. Похоже, она чувствовала себя немножко виноватой. — И теперь, — сказала она, — я знаю, что мы, конечно, тщательно разрабатывали все планы насчёт Кевина и Корри. Ну, чтобы они последили за территорией ярмарки и всё такое, но, когда ты оказываешься там, всё выглядит совсем иначе. Всё то время, что мы провели в Виррави, мы совсем не хотели терять друг друга из виду.

— Юная любовь, — вставила я. — Это прекрасно.

Робин продолжила, даже не запнувшись:

— В общем, в ту ночь мы снова держались вместе. Для начала мы пробрались к шоссе, чтобы посмотреть, что там происходит. А там было оживлённое движение. Мы наблюдали около часа, и за это время прошли две колонны. В одной было сорок машин, в другой — двадцать девять. Наша старая сельская дорога такого не видывала со времени съезда сёрфингистов. Потом мы вернулись в город и отправились к ярмарочной площади. Это тоже было ужасно страшно, наверное, из-за того, что случилось с вами, когда вы в первый раз туда пошли. Вообще-то, я даже думала, что Корри и Кевин очень смелые, раз решились повторить этот поход. И поверьте мне, там по-настоящему опасно. Видите ли, они там устроили свои штаб-квартиры и казармы и там же держат наших, поэтому, мне кажется, охраняют людей очень основательно. Солдаты вырубали большинство деревьев на автостоянке, так что нам негде было спрятаться, чтобы подобраться поближе, — ну, наверное, для того и вырубали... И они натянули вокруг проволоку, метрах в пятидесяти от основной изгороди. Я и не знала, что в Виррави можно найти такое количество проволоки. Кроме того, они установили новое освещение, прожекторы, и там всё вокруг залито светом, как днём. Птицы, кстати, вокруг летают, не понимают, день теперь или ночь. В общем, всё, что мы могли сделать, так это понаблюдать с Рейскурс-роуд, где мы и просидели около часа. Наверное, мы были слишком напуганы, чтобы подобраться ближе, но там особенно не на что и смотреть — просто бродят

вокруг множество охранников и патрулей. Если у кого-то возникает идея, что можно туда броситься и начать сражение, перестрелять всех и кого-нибудь освободить, так ему лучше снова лечь спать. Такие фантазии — это для телевизора. А там реальная жизнь. Я поклялась быть честной и потому вынуждена признать: мы все поддавались подобному заблуждению. Да, это были просто яркие фантазии: как мы освобождаем наших родных и становимся героями. Но втайне я — признаю со стыдом — испытала облегчение, когда поняла, что это невозможно. На самом деле перспектива сделать что-то подобное была пугающей, мне даже думать об этом не хотелось. Мы бы наверняка погибли, если бы совершили такую попытку, и наши кишки разлетелись бы в пыли по автомобильной парковке перед ярмарочной площадью, а потом наши тела гнили бы там, кормя бесчисленные стаи мух. Именно эту картину я никак не могла выгнать из головы, — возможно, она родилась потому, что я часто видела мёртвых овец.

— Мы были бесконечно рады убраться оттуда, — продолжала Робин. — Вернулись в город и просто рыскали там, как летучие мыши, пытаясь найти дантиста или ещё кого-нибудь. А это мне напомнило о том, — она мягко улыбнулась, посмотрев на Ли, — что пора снимать твои швы.

Ли сразу занервничал. Я пыталась представить Кевина «рыскающим». Не получалось.

— Но мы больше никого не нашли, — закончила Робин. — Ни души. Скорее всего, там вокруг были какие-то люди, но они старательно прятались. — Она усмехнулась и расслабилась. — Вот так, конец обращения к нации. Спасибо и спокойной ночи.

— Эй, а мы ведь можем и вправду стать всей нацией, — проговорил Кевин. — Остаться единственными, кто на свободе, так что нам придётся избирать правительство и всякое такое. Беру себе должность премьер-министра.

— А я буду комиссаром полиции, — заявил Крис.

Мы все тут же выбрали себе должности. Гомер стал министром обороны и начальником Генерального штаба. Ли временно стал пенсионером, из-за ноги. Робин хотела стать министром здравоохранения, но её вместо того назначили архиепископом.

— Я буду министром Кевина, — сказала Корри.

Иногда она просто отвратительна.

Фай стала генеральным прокурором, потому что её родители юристы. А мне присвоили звание официального сочинителя, чем я осталась весьма польщена.

Вероятно, именно тогда в голове Робин и зародилась идея о том, что все события нужно записать и сделать это должна я.

— Ну, как бы то ни было, — сказал наконец Крис, — теперь ваша очередь. Чем вы тут занимались, кроме того, что загорали?

Но они уже успели восхититься новым куриным двориком и попробовать свежие яйца. А теперь мы рассказали им и всё остальное, в особенности о хижине Отшельника, которая, как мы прикинули, могла бы стать для нас отличной запасной базой.

— Я хочу найти другой выход, по другую сторону Ада, — сказала я, — к реке Холлоуэй. Уверена, что тот ручей течёт именно туда. А если у нас будет запасной выход отсюда, наше положение станет безопаснее. И если мы доберёмся до Холлоуэй, то сможем добраться и до всего округа Рисдон.

Мы с Ли не стали никому говорить о металлическом ящике с бумагами Отшельника. Мы даже не договаривались на этот счёт. Просто всё это выглядело слишком личным.

— Послушайте, я тут про кур подумал, — заговорил Кевин. — Мне кажется, мы могли

бы иметь и другие источники питания. Я не вегетарианец, мне хочется мяса. И кажется, я нашёл ответ.

Мы все выжидающе уставились на него. А Кевин наклонился немного вперёд и серьёзным, почти благоговейным тоном произнёс всего одно слово:

— Хорьки.

— Ох нет! — пискнула Корри. — Фу! Они отвратительны! Я их ненавижу!

Кевин выглядел задетым, как будто его предал тот единственный человек, на которого он всерьёз рассчитывал.

— Они вовсе не отвратительны, — обиженным тоном заговорил он. — Они чистые, умные и весьма дружелюбны.

— Да, настолько дружелюбны, что забираются к вам в штанины, — сказал Гомер.

— А каковы они на вкус? — спросила Фай. — Кто-нибудь их ел?

— Конечно, в виде сэндвича. Их даже убивать не надо. Просто ешь их живьём, а они будут вертеться и пищать между двумя ломтями хлеба. Самая свежая пища в мире! — развеселился Кевин.

Он решил дать Фай урок насчёт хорьков, в процессе которого стало ясно, что сам он о них ничего не знает.

Вообще-то, действительно некоторые старые парни вокруг Виррави, бывшие шахтёры, держат и хорьков, и кроликов, — сказал Гомер. — И не делают между ними особой разницы, а себя обеспечивают мясом.

— Ну вот, видите?! — воскликнул Кевин, садясь на корточки.

Идея была интересной. Но сама я почти ничего о хорьках не знала, кроме разве что того, что их запускали в кроличьи норы, чтобы выгонять кроликов, а выходы из нор при этом закрывали сетями. И хотя здесь, в горах, кролики встречались не часто, их всегда хватало в нашем округе. Так что охота с хорьками была, наверное, возможна... но о ней ли говорил Кевин?

— А вдруг они все уже подошли? — заговорил Крис, вернувшись к исходной теме. — Ну, хорьки? Если их хозяева оказались в плену или погибли, то кто кормит хорьков?

— Возможно, часть и погибла, — заважничал Кевин. — Но вот мой дядя, он живёт за поворотом на Страттон, пускает их гулять на свободе. У него куча хорьков, которых он натренировал так, что они прибегают на свист. Прямо как собаки. Услышав этот сигнал, они знают, что им дадут поесть. Несколько штук, правда, сбежали и одичали, но у него их так много, что ему плевать.

Мы добавили хорьков к списку необходимых вещей, которые следует раздобыть или изучить.

— Давайте всё-таки поспим немного, — вставая и потягиваясь, сказал Гомер. — Может быть, Элли после ланча проведёт ещё одну экскурсию к хижине Отшельника — для тех, кому хочется испытать это уникальное историческое приключение. А я голосую за военный совет в конце дня, чтобы разработать дальнейшие действия.

— Ну, тебе решать, ты же министр обороны, — сказала я.

Министр обороны сидел на камне, опустив ноги в ручей. Кевин буквально лежал в холодной воде, и она переливалась через его крупное волосатое тело. Фай сидела на другом камне, над Гомером, и выглядела как маленькая богиня. Она была настолько светлой, что я бы не удивилась, если бы у неё вдруг выросли радужные крылышки и она бы упорхнула. Робин лежала на спине на берегу, читая «Блестящую карьеру».

Крис расположился в нескольких метрах от меня под деревом, положив рядом своё курево. Не знаю, впрочем, следует ли это действительно называть куревом. Крис таранился на большой каменный утёс вдаль, который нам было видно сквозь деревья.

Корри сидела рядом с Робин. Она снова принесла радиоприёмник. В Виррави они нашли новые батарейки, и теперь Корри их испытывала. Одна из тех женщин, с кем они разговаривали, сказала, что время от времени в эфир выходят какие-то пиратские радиостанции, передают новости и советы. Корри также проверяла и шкалу коротких волн, но в такое время дня ловилось плохо, к тому же мы находились не в самом удачном месте для приёма.

Я пристроилась рядом с Ли, по-детски прижавшись, положив голову ему на грудь. Большую часть дня мы провели, обнимаясь и целуясь, пока я наконец не почувствовала, что просто рассыпаюсь, — у меня возникло такое ощущение, словно те ткани, что связывают воедино моё тело, постепенно исчезают. И это было странно. Ведь к Гомеру я испытывала скорее чисто физическое влечение... А в Ли меня изначально привлекали его ум, образованность, выразительное лицо и то чувство безопасности, которое я испытывала рядом с ним. От Гомера же чувства защищённости не исходило.

Но под безмятежной внешностью Ли я вдруг обнаружила нечто глубоко страстное. Я была девственницей и знала, что Ли также девственник. Вообще-то, я была уверена, что мы все таковы, кроме, может быть, Кевина. Я не сомневалась в том, что они с Салли Ноук регулярно занимались кое-чем в прошлом году. Но если бы мы с Ли в тот жаркий день на поляне в Аду подольше остались наедине, то вполне могли тоже утратить свою девственность. Я цеплялась за Ли, прижималась к нему так, словно хотела впитаться в него всем телом, и мне нравилось, что я заставляла его стонать и потеть. Нравилось доставлять ему удовольствие, хотя трудно было сказать, где кончается удовольствие и начинается боль. Я испытывала Ли, пробовала его, прикасалась к нему и говорила: «А так больно? А так? А так?» — и он, задыхаясь, отвечал: «Ох боже... нет... да... нет...» Я чувствовала себя всемогущей.

Но Ли мне отомстил. Не знаю, кто посмеялся последним... или вскрикнул. Обычно, когда я теряю над собой контроль, вскипаю, пусть от веселья или от злости, я всё равно наблюдаю за собой со стороны и думаю с улыбкой: «Ну просто маньячка!» Часть моего ума всегда остаётся незатронутой, она способна наблюдать за тем, что я делаю, думать об этом, осознавать. Но в тот день с Ли было не так. Я полностью затерялась в бурном потоке чувств. Если жизнь есть борьба с эмоциями, то я проиграла. И это пугало.

Когда Гомер закричал, что пора начинать совещание, я испытала облегчение.

— Интересная книга? — спросила я Робин.

— Да, вполне, — ответила она. — Нам её нужно прочитать для урока английского.

Мы всё ещё не привыкли к тому факту, что мир изменился и занятия в школе не начнутся в обычный день. Наверное, нам бы следовало радоваться, что не придётся ходить в школу, но мы не радовались. Мне уже хотелось снова начать нагружать мозги, ломать голову над новыми идеями и трудными теориями. Я в тот момент решила, что последую примеру Робин и прочитаю какую-нибудь из самых трудных книг, привезённых в Ад. Была там одна историческая, под названием «Алая буква», выглядела она достаточно сложной.

— Итак, — начал Гомер, — мы должны принять кое-какие решения, ребята. Я каждые пять минут смотрю на небо, всё жду, когда американские военные запустят свои большие зелёные вертушки, но что-то их не видно. И Корри пока не поймала по радио никаких новостей, которые говорили бы, что помощь идёт. Похоже, нам ещё какое-то время придётся обходиться своими силами. Думаю, мы должны сами всё решать, учитывая, что теперь мы чуть больше знаем о ситуации. Первое — мы можем сидеть тихо и ничего не делать. И ничего плохого в этом нет. Всё говорит в пользу такого решения. Мы не готовы для военных действий, и очень важно и для нас самих, и для наших родных, а может, даже и для страны, чтобы мы остались в живых. Второе — мы можем попытаться как-то вызволить родных, а заодно и других людей с территории ярмарки. Дело трудное и, скорее всего, для нас даже невозможное. Я хочу сказать, у нас есть винтовки и пистолеты, но это же просто пугачи по сравнению с тем, что есть у тех турок. Третье — мы можем что-нибудь сделать для того, чтобы помочь хорошим парням. То есть нам, добавлю я, если кто-то здесь запутался. — Он усмехнулся, посмотрев на Робин. — Мы можем включиться в какие-то действия, которые могли бы помочь нам выиграть эту войну и освободить нашу страну. Есть и другое, что мы могли бы сделать, — например, перебраться куда-нибудь или сдаться, но не думаю, что последнее даже стоит обсуждать, разве что всё этого захотят. В общем, на самом деле вариантов три, я так думаю. Три варианта, и мне кажется, пора выбрать один и придерживаться его. — Гомер откинулся назад, сложив руки на груди, и снова опустил ноги в ручей.

Все довольно долго молчали, наконец Робин приняла вызов.

— Я до сих пор не уверена, правильно это или нет, — сказала она. — Но не думаю, что смогла бы сидеть здесь месяцами, ничем не занимаясь. Это чисто эмоциональное — не могу, и всё. Я согласна с Гомером в том, что территория ярмарки для нас недоступна, но мне всё-таки кажется, мы должны отсюда выбираться и что-то делать. С другой стороны, мне совсем не хочется убивать людей. Я читала книги о Вьетнаме, вроде «Падших ангелов», где рассказывается о том, как женщины прятали бомбы в одежде собственных детей, а потом позволяли солдатам взять ребёнка на руки — и взрывали его. У меня и так уже ночные кошмары из-за тех людей, которых мы сбили грузовиком. Но полагаю, мои кошмары — сушая ерунда по сравнению с тем, что приходится переживать другим людям. Мои кошмары — это просто цена, которую я должна заплатить. И несмотря на то, что наши враги говорят о «чистом» вторжении, я всё равно думаю: любая война — дело грязное, подлое и мерзкое. Ничего «чистого» нет в том, что они взорвали дом Корри или убили семью Френсис. Я понимаю, что это противоречит тому, что я говорила чуть раньше, но мне так не кажется. Я могу понять, почему те люди вторглись в нашу страну, но мне не нравится то, что они делают, и я не думаю, что это можно как-то оправдать. Нам эту войну навязали, и у меня нет желания принимать всё смиренно. Надеюсь только, что нам удастся избежать того, чтобы совершать слишком много грязного, и подлого, и мерзкого.

Какое-то время все молчали, не зная, что тут можно добавить. Потом Фай, которая

выглядела бледной и несчастной, сказала:

— Я, конечно, понимаю, что мы должны делать и то и это. Но знаю, что у меня сразу кровь носом пойдёт от такого. И по-настоящему мне хочется только одного — сбежать в хижину Отшельника, забраться там под его старую заплесневевшую кровать и сидеть там, пока всё не кончится. Я едва удерживаюсь от этого. Наверное, когда наступит момент, я сделаю то, что должна, но по одной причине: я чувствую необходимость быть рядом со всеми вами. Я не хочу вас отпускать. Мне было бы ужасно стыдно, если бы я не смогла к вам присоединиться, что бы вы ни задумали. Вряд ли нам удастся помочь нашим родным прямо сейчас, так что моя главная задача — просто не опозориться перед вами. Но сильнее всего меня тревожит то, что я мшу не выдержать давления. Просто мне сейчас слишком страшно, и потому может случиться всякое. Я так боюсь, что буду стоять здесь и кричать от страха.

— Равняйся на всех, — посоветовал Ли, сочувственно улыбаясь Фай.

Он повторил любимое выражение нашей классной руководительницы.

— Ну да, конечно, только ты и испытываешь такие чувства, — проворчал Гомер. — А все остальные даже и слова «страх» не знают. Кевин и написать его не сумеет. У нас нет чувств. Мы просто андроиды, терминаторы, робокопы. Мы посланы самим Богом. Мы Супермены, Бэтмены и так далее. — Он продолжил уже более серьёзно: — Да, это действительно проблема. Никто не знает, как отреагирует, когда что-то случится. Я знаю, как это было до сих пор для меня лично, хотя и сделано совсем немного — ну, вроде ожидания в той машине в аллее Трёх Поросят. У меня зубы стучали так сильно, что приходилось стискивать челюсти. Не понимаю, как меня не вырвало. Я был абсолютно уверен в том, что меня убьют.

Мы ещё какое-то время так и эдак обсуждали всё. Кроме Фай, наименьший энтузиазм высказывали Крис и, как ни странно, Кевин. Насчёт Криса я ещё могла как-то это понять. Он просто большую часть жизни жил в своём собственном мире, его родители жили за границей, у него почти не было друзей. Вообще-то, я даже думала, что он не слишком любит людей. Крис скорее предпочёл бы поселиться в хижине Отшельника и был бы там счастлив, в отличие от Фай, которая там свихнулась бы за полдня. Но на меня произвело впечатление то, что Крис, как и Фай, готов согласиться с общим решением, каким бы оно ни было. В его случае это скорее говорило о том, что у него не хватало энергии или инициативы противостоять группе. Кевин же представлял собой загадку, его мнение менялось изо дня в день. Иногда он выглядел ужасно кровожадным, а иногда казался настоящим цыплёнком. Мне было интересно, не зависело ли это от того, сколько времени прошло с того момента, когда он стоял так близко к опасности. Если он недавно что-то предпринимал, то сразу становился тихим и нырял в укрытие. Но если какое-то время никакая опасность ему не грозила, к нему возвращалась агрессивность.

Лично меня раздирали противоречивые чувства. Мне хотелось обрести способность принимать спокойные, взвешенные решения, рассмотреть все за и против, записав всё на листе бумаги, но я не могла даже успокоиться настолько, чтобы это сделать. Когда я думала обо всех тех пулях, о той сенокосилке, о поездке на том грузовике, меня трясло, тошнило и хотелось кричать. Точно так же, как Фай, Гомеру и всем остальным. Не знаю, как бы я с этим справилась, если бы такое случилось снова. Может, стало бы легче. А может, труднее.

Тем не менее все мы чувствовали, что должны что-то сделать, ведь даже мысль о том, чтобы оставаться в бездействии, казалась отвратительной — мы эту идею даже не рассматривали. Так что мы начали придумывать новые идеи. Постепенно мы заметили, что

всё больше и больше говорим о дороге от залива Кобблер. Похоже, там происходило самое главное. Мы решили, что когда следующей ночью мы — я, Гомер, Фай и Ли — отправимся на разведку, то сосредоточимся именно на этой дороге.

Я ушла с собрания, оставив всех, даже Ли, и прошлась по тропе. Я дошла до одной из Ступеней Сатаны и сидела там, пока дневная жара не начала стихать. Я слышала, как подо мной журчит по камням ручей. Просидела там минут десять, когда рядом с моей ногой на землю села большая стрекоза. Должно быть, к этому времени я уже казалась частью пейзажа, потому что стрекоза как будто не обратила на меня внимания. Когда я на неё посмотрела, то поняла, что она что-то держит во рту. Что бы это ни было, оно ещё было живым, хлопало маленькими крылышками. Я осторожно наклонилась вперёд и всмотрелась. Стрекоза всё так же не обращала на меня внимания. А я теперь видела, что она поймала комара и ест его живьём. Она пережёвывала его понемногу, а комар всё ещё продолжал биться. Я зачарованно наблюдала, пока комар не исчез полностью. Стрекоза посидела рядом со мной ещё с минуту, а потом упорхнула.

Я снова откинулась назад, прислонившись спиной к горячему камню. Да, таков естественный ход событий в природе. Комар испытывал боль и страх, но стрекоза вовсе не была жестокой. У неё нет воображения, она не может поставить себя на место комара. Стрекоза просто наслаждалась едой. Люди могут назвать это злом, ведь большая стрекоза убила комара, не обращая внимания на страдания маленького насекомого. Но люди и сами ненавидят комаров, называют их кровопийцами. А все эти слова, слова вроде «зло» и «порочность», для природы ничего не значат. Да, зло — это человеческое изобретение.

Было темно, — наверное, уже близилась полночь. Мы лежали в дренажной канаве, через её край глядя на чёрное сухое шоссе. Секунду назад мы едва не совершили огромную, фатальную ошибку. Как рассказывали нам Робин и остальные, они подкрались к самой дороге, просидели там, наблюдая, с час или около того, а потом осторожно ушли обратно. Мы решили сделать то же самое. До гравийного покрытия оставалось метров пятьдесят. Я шла впереди, следом за мной — Ли, потом Фай, последним был Гомер. И тут некий лёгкий неестественный звук привлёк моё внимание. Я почти проигнорировала его и хотела двинуться дальше, но тут включились инстинкты, я остановилась и посмотрела вправо. И увидела их — тёмную сплошную массу, медленно ползущую по дороге.

И тут инстинкты меня подвели: они потребовали, чтобы я замерла, они мешали мне двинуться с места. Пришлось включать рассудок, и быстро, активировать решительный голос в уме: если ничего не сделаешь, погибнешь. Двигайся, но двигайся медленно. Следи за собой. Не паникуй. Я попятилась обратно, как в фильме, который прокручивают в обратном направлении, и чуть не налетела на Ли. К счастью, он ничего не сказал; я просто ощутила, как он удивлён и колеблется, но потом и он попятился. К этому времени патруль оказался уже так близко, что шевелиться стало опасно. Мы застыли, прикидываясь деревьями.

Солдат было около десятка, две группы — тёмные тени на фоне линии горизонта, повыше над нами, потому что мы прятались в кустах в стороне от шоссе. Я не знала, где точно стояли Фай и Гомер, но надеялась, что они не выскочат внезапно из кустарника. Потом у меня едва не остановилось сердце при каком-то звуке слева, это было нечто вроде треска. Солдаты отреагировали так, словно на их спинах нажали кнопку включения. Они мгновенно рассредоточились, образовав длинную линию, и упали на землю. Потом чуть сдвинулись вперёд на локтях, как будто глядя прямо на меня и Ли, — но ближайший к нам оставался всё же в нескольких метрах от нас слева. Всё это жутко пугало. Похоже, мы наткнулись на профессиональных вояк, о которых говорил нам мистер Клемент.

Ещё через мгновение вспыхнул гигантский прожектор, его луч, прожигая тропу сквозь ночь, начал обшаривать буш. Потом луч заколебался, остановился, упёрся в одну точку, и я увидела, на чём именно он сосредоточился. Это был кролик, совсем маленький, он прижался к земле, его головка вертелась вправо-влево, он принюхивался к белому сиянию вокруг себя. На дороге раздался смех. Я слегка расслабилась. Солдаты начали вставать. Я слышала, как щёлкали предохранители винтовок, как солдаты обменивались замечаниями... и тут раздался безумно громкий взрыв. Кролик превратился в клочья, которые разлетелись в разные стороны по земле и камням, а кусочек меха прилип к стволу одного из деревьев... Никто из солдат даже не спустился с дороги. Им просто было скучно, и они старались развлечься. Прожектор погас, патруль снова выстроился, как прежде, и уполз по дороге, словно тёмный крокодил.

Только когда их было уже не видно и не слышно, а Фай и Гомер появились рядом, я позволила себе задрожать.

Мы снова спустились в канаву и поползли по ней скорее как улитки, чем как солдатский крокодил, мы двигались, не говоря ни слова. Не знаю, как другие, но я вполне могла, как улитка, оставлять за собой блестящий след — это был мой пот.

Мы провели там около часа и за это время увидели только одну маленькую колонну. Впереди шли две бронированные машины, за ними — несколько джипов и грузовиков, а в конце два броневика. Ещё мы видели второй патруль, потом грузовик, на кабине которого был установлен прожектор, а сзади в кузове — пулемёт. Не слишком умное устройство, потому что мы его увидели уже издали, свет прожектора шарил по бушу. И у нас было достаточно времени, чтобы ускользнуть в заросли и наблюдать за грузовиком из-за деревьев. Не хотелось бы мне быть одним из солдат в том грузовике, потому что партизаны могли бы без труда их расстрелять. Возможно, это как раз говорило о том, что вокруг партизан не было. Но, стоя за деревом и ожидая, пока не проедет этот грузовик, я вдруг удивилась и слегка встревожилась из-за того, что осознала: я уже начинала мыслить как солдат. И подумала, что если бы мы прятались здесь с винтовками в руках, то один из нас мог бы разбить прожектор, а другие захватить пулемёт. А ещё лучше — чтобы кто-то один обошёл грузовик спереди и стал стрелять в ветровое стекло, в тех, кто сидел в кабине.

Наконец мы, довольные тем, что не зря потратили время на «разведку», ушли подальше в буш обмениваться впечатлениями. Мы сошлись в том, что опасно и бесполезно оставаться здесь дольше. Потом посмотрели на Гомера, ожидая от него предложений, что нам делать дальше.

— А не пройти ли нам до Герона? — предложил Гомер. — Мне хочется там кое на что посмотреть.

Герои — это местная речка, и название своё она получила не от цапли^[6], а по имени Артура Честерфильда Герона, первого человека, поселившегося в этой местности. В Виррави очень многое, включая среднюю школу, названо в его честь. Речка время от времени сильно разливается, так что русло у неё широкое и песчаное, и вода течёт по нему весьма непредсказуемым путём. Рядом с Виррави через Герои давным-давно был перекинут длинный деревянный мост, почти в километр длиной. Этот мост давно уже стал узким и шатким для машин, и примерно раз в год в городе начинались шумные разговоры насчёт того, что нужно бы построить новый, но дело так и не сдвигалось с места. Если бы мост закрыли, это вызвало бы массу неудобств, добираться до города стало бы намного сложнее. К тому же мост был чем-то вроде местной достопримечательности — открыток с видами Виррави существовало не слишком много, но на тех, что имелись, изображался либо этот мост, либо военный мемориал, либо новый спортивный центр.

Под мостом, вдоль берега реки, находились места для пикников и «пейзажная перспектива». «Пейзажная» — это, конечно, шутка — просто дорожка, которая шла мимо небольшого круглого строения, площадки для барбекю, плавательного пруда к клумбам. Но именно туда Гомер и вёл нас, и мы шли за ним. Ну, трое из нас. С Ли было довольно. Нога у него сильно разболелась, он весь вспотел. Я лишь тогда поняла, насколько Ли измучен, когда мы усадили его под каким-то деревом и велели ждать нас, а он даже ответить не смог. Просто закрыл глаза и прислонился к стволу. Я поцеловала его в лоб и оставила там, надеясь, что мы сумеем найти это дерево на обратном пути.

Приблизившись к мосту, мы стали двигаться предельно осторожно, потому что мост могли охранять. Он ведь был самым слабым звеном на шоссе, и Гомер, вероятно, именно поэтому так горел желанием взглянуть на него. Мы подошли к мосту сбоку, через огороды Кристисевис. Я грызла зелёный горошек и гадала, чем теперь могла заниматься Натали Кристисевис. Приятно было пожевать свежую зелень, пусть даже Фай нервничала из-за того, что я хрустела слишком громко.

Между рядами сладкой кукурузы открывался отличный вид на мост и зону пикников. Мы видели тёмные силуэты солдат, вышагивавших по мосту. Их, похоже, было шестеро — четверо стояли у одного конца моста, а двое ходили туда-сюда. Подъехала ещё одна колонна машин, и все охранники сбились на той стороне моста. У одного в руках был планшет, и он делал какие-то пометки, возможно записывая номера машин. Один из солдат разговаривал с водителями, остальные заглядывали под грузовики. Это тянулось довольно долго. Потом самые большие грузовики поползли по мосту, оставляя между собой большие промежутки. Они явно не испытывали доверия к нашему могучему мосту.

Около четырёх утра мы забрали Ли и вернулись в наше укрытие, которым стал туристический домик на земле Флитов, — этот домик Флиты сдавали городским для отдыха. Он стоял в отдалении и был неброским, так что мы решили: в нём будет безопасно. Фай вызвалась стоять первую вахту, остальные с благодарностью упали на постели и уснули.

Была уже середина дня, когда мы наконец набрались сил для того, чтобы обсудить дальнейшую тактику. Было ясно, что Гомер немало времени провёл в размышлениях о мосте, потому что он сразу перешёл к делу.

— Давайте его взорвём! — заявил он, сверкая глазами.

В последний раз я видела такой блеск в его глазах в школе, когда он мне рассказывал, что вывинтил все шурупы из кафедры в зале собраний. Если взрыв моста приведёт к таким же несчастьям, как действия Гомера в тот день, я не хотела в этом участвовать.

— Ладно, — насмешливо произнесла я, — и как же ты собираешься это сделать?

— Идея у меня родилась благодаря Элли, точнее, благодаря тому, что она сделала с той сенокосилкой, — всё так же сияя, объяснил Гомер. — Бензин — самый простой и наилучший способ устраивать взрывы. Я ломал голову, как мы могли бы повторить то, что сделала Элли, только в других масштабах. И конечно, пришёл к мысли о бензиновой цистерне. Припарковать её под мостом, на «пейзажной перспективе», а потом взорвать. Это было бы здорово!

Последовало гробовое молчание. Хотелось задать Гомеру множество вопросов, но у меня не хватало духу. Прежде всего я сразу поняла, кто должен сесть за руль бензовоза.

— И где ты возьмёшь целую бочку бензина? — спросила Фай.

— У Карра!

Карр был местным представителем бензиновой компании «Блу-стар». Эти ребята приезжали в наш округ раз в месяц, чтобы наполнить цистерны. Крупная компания, у них целый флот танкеров.

Гомер что-то спросил у меня, перебив мои размышления.

— Что?

— Я спросил, ты сумеешь вести машину с прицепом?

— Ну, наверное... Думаю, это то же самое, что водить грузовик, когда мы дома цепляли к нему трейлер. Вопрос в том, какого чёрта я должна заводить его под мост и как мне потом выскочить оттуда и взорвать эту хреновину, если на мосту торчат солдаты, машут ручкой и фотографируют?

— Это легко.

— Легко?!

— Ага.

— Ох, как хороноу! — воскликнула я. — Ты это сказал — и мне сразу стало легче!

— Послушайте, — заговорил Гомер, — пока вы, ребята, прошлой ночью брели,

зажмурились, к Виррави, я кое-что успел заметить. Например, что находится за углом от моста, со стороны залива Кобблер?

Гомер очень быстро становился похожим на тех самых учителей, которых всегда презирал.

— Не знаю, сэр, это вы нам скажите, — с надеждой откликнулась я.

— Участок Кристисевисов? — немного неуверенно произнесла Фай.

— А с другой стороны?

— Да просто загоны, — сказала Фай.

Мы все уставились на Гомера, ожидая, когда он вытащит из шляпы кролика.

— Не просто загоны, — с обиженным видом заявил Гомер. — Вот в чём проблема у вас, городских. Там один из самых известных в округе племенных заводов, а для вас это «просто загоны».

— Мм... — промычала я, вспоминая. — Ну да, там земля Роксбурга. Племенной завод.

— Именно! — выразительно воскликнул Гомер.

Я всё ещё не понимала, в чём тут суть.

— Ну и что нам делать? Научить рогатый скот тащить цистерну? Или использовать метан для взрыва? Если мы найдём корову, которая сдохла достаточно давно и раздулась, то можем проткнуть дырку в её боку и поджечь газ. Я такое видела.

— Ох, да слушайте же! — вздохнул Гомер. — Я вам скажу, что ещё я заметил. Те загоны прямо рядом с шоссе, и мистер Роксбург держит там множество скота, отличного скота. А теперь представьте, что вы — молодые солдаты, в чужой стране, вы охраняете длинный узкий мост, а уже поздняя ночь. Вы изо всех сил стараетесь не заснуть и быть настороже. И вдруг слышите шум, оборачиваетесь — и видите, что сотня отборных коров герефордской породы несётся прямо на вас. Ну, примерно пятьдесят тонн отличной говядины несётся из темноты со скоростью шестьдесят-семьдесят километров в час. Что вы делаете?

— Вы убегаете, — подсказал Ли.

— Нет, не убегаете, — возразил Гомер.

— Да, не убегаете, — задумчиво согласилась я. — Их слишком много, и они мчатся слишком быстро.

— Так что вы делаете? — снова спросил Гомер.

— Вы бросаетесь в сторону. А потом, возможно, взбираетесь на ограду моста. Там это нетрудно.

— И куда вы смотрите? — задал Гомер очередной вопрос.

— На стадо, конечно, — ответила я ещё медленнее.

— Именно! — воскликнул Гомер. — Вот именно!

Он откинулся назад и сложил руки на груди.

Мы таращились на него, и в трёх головах носились три варианта разных мыслей.

— Но как ты заставишь скотину делать то, что тебе нужно? — спросила Фай.

— И как ты сам от них сбежишь после? — спросил Ли. — Я лично не в состоянии бегать. — Он показал на свою перевязанную ногу.

У меня вопросов пока что не возникло. Я понимала, что подробности можно обдумать. План, конечно, рискованный, но великолепный.

Гомер прежде всего ответил на вопрос Ли.

— Мотоциклы, — сказал он. — Я уже давно думаю, что если мы хотим стать

настоящими партизанами, то должны раздобыть мотоциклы и ездить по пустошам, а не по дорогам. Тогда мы будем мобильными и неуловимыми. А пока что я собираюсь придумать, как выгнать животных на дорогу. Впрочем, уже придумал. Если ночь будет достаточно светлой, нам даже фары использовать не понадобится, тем более что свет их слишком взволнует. В общем, я открою ворота, а потом мы с Ли напугаем коров, если Ли будет себя нормально чувствовать. Мы можем воспользоваться электрическим хлыстом, например, или даже жидкостью для розжига и спичками. Я в своё время поймел много неприятностей в школе из-за того, что делал из спичек огнёмёты, но я так и знал, что когда-нибудь это мне пригодится. Небольшой взрыв, вспышка огня за спинами — и коровы будут мчаться без остановки до самого рассвета. А когда выскочат на дорогу, мы растворимся в темноте на мотоциклах.

Гомер повернулся ко мне с Фай.

— Я всегда старался выкручиваться из всего с наименьшим риском, — чуть виновато сказал он. — Но, думаю, на этот раз не выйдет. Элли у нас лучший водитель, так что она нам понадобится. Ли пока что слишком хромает, чтобы бегать, и как пассажир он бесполезен, ведь обоим придётся убежать очень быстро. А у меня самый большой опыт обращения со скотом...

Гомер говорил чистую правду. Он просто от природы умел обращаться с животными. Но тем временем он продолжал:

— Значит, всё выглядит примерно так. Ты угонишь цистерну и не спеша, не торопясь приведёшь к мосту, а Элли пойдёт вперёд пешком, осмотрит берег, а потом подаст тебе сигнал. Ты спрячешь машину за углом рядом с лужайкой для игры в шары, это близко к мосту. Мы подождём, когда к мосту подойдёт колонна, потому что тогда солдаты соберутся у конца моста и это даст нам время до следующей колонны. Потом мы выпустим коров на дорогу и напугаем их. Когда коровы рванутся на мост с одной стороны, ты загонишь под него цистерну с другого конца. Может быть, тебе даже удастся съехать вниз, не включая мотор. Там пологий склон. Потом вы выскакиваете, наливаете бензиновую дорожку, отступаете на безопасное расстояние... то есть бензин льёт только одна из вас, на тот случай, если что-то попадёт на одежду, и она отходит подальше, когда вторая поджигает дорожку. И потом вы несётесь со всех ног к двум мотоциклам, которые мы спрячем за следующим углом. И удираете. Как вам такой план? Просто, да? Так что можете называть меня гением.

Мы говорили и говорили несколько часов подряд, пытаюсь найти какую-то ошибку в расчётах, пытаюсь улучшить идею. Конечно, всё могло тысячу раз пойти не так, как надо. Коровы могли не захотеть бежать, другая машина могла появиться на мосту в самый неподходящий момент, цистерны могут охранять, или они будут пустыми, или их вообще не окажется на их обычной стоянке.

Мне представлялось, что самый опасный момент — это когда мы с Фай должны будем бежать от цистерны к мотоциклам. Мы ведь тогда секунд на тридцать окажемся на виду. Если солдаты нас увидят, у нас будут серьёзные проблемы. Но Гомер не сомневался в том, что солдаты сосредоточатся на коровах.

Да, план был хорош. И очень разумен. А мне, наверное, больше всего понравилось то, как он подействовал на Ли, который исполнился решимости сделать это. Говоря, он всё выше и выше вскидывал голову. Ли вообще стал много говорить, улыбаться и смеяться. С того момента, как он словил пулю, Ли постоянно был подавлен, но теперь он заявил мне:

— Если мы это сделаем, если у нас всё получится, я снова смогу гордиться собой.

А я и не осознавала, как сильно он стыдится того, что не сумел помочь своей семье.

Мы составили список всего того, что нам нужно. Список был довольно короткий: четыре мотоцикла, два переговорных устройства, две пары ножниц для резки проволоки, болторез, фонари, жидкость для розжига в аэрозолях, спички, электрический хлыст для скота, верёвка и бензовоз. Ну и ещё несколько разных мелочей.

Поиски мы начали на ферме Флитов, потом перебрались на соседние фермы, собирая всё, что нужно. Самой большой проблемой оказались мотоциклы. Большинство местных не слишком заботились о своих мотоциклах.

Половина из тех, что мы нашли, валялись вместе с мотками проволоки для изгородей и изоляционной лентой. А нам нужны были быстрые, надёжные байки, такие, что сразу заводятся. Потом нам требовался бензин для них, масло. Необходимо было проверить фары и тормоза и собрать всё в одно место, в гараж Флитов. Мы в тот день потрудились на славу.

Территория компании «Блу-стар» располагалась на Бэк-стрит, в шести кварталах от моста. Мы с Фай рассчитывали попасть туда без особых трудностей. Между собой мы договорились, что немного отдохнём, когда там окажемся, — мы действительно в этом нуждались. Мы тащили эти чёртовы здоровенные мотоциклы почти четыре километра, останавливаясь и скрываясь раз десять, когда замечали какой-то шум или движение. Из-за чего ужасно изнервничались. Противно было даже думать о том, как мы будем себя чувствовать, когда начнётся настоящее дело.

Должна признать, меня немного беспокоило то, что я оказалась в паре с Фай. Я совершенно не собиралась становиться героиней, но я, по крайней мере, привыкла ко всякой работе на свежем воздухе, к полезным делам, а это всё же придаёт человеку некоторую уверенность в себе. Я хочу сказать, что все те мелкие дела, что сами собой подразумевались дома, вроде колки дров, работы бензопилой, вождения машины, управления лошадьми — папе до сих пор нравилось использовать лошадей для подвоза сена, — охоты, клеймения ягнят и ухода за овцами, — все эти дела были моей повседневной рутинной. Они воспитали во мне привычку работать, не оглядываясь каждую минуту на взрослых, проверяя, одобряют они меня или нет. Фай в этом отношении уже заметно изменилась, но всё равно ещё была не слишком уверена в себе. Я восхищалась её храбростью, тем, как она безропотно взялась за то, что поручил ей Гомер, потому что мне кажется: настоящая храбрость — это когда ты ужасно боишься, но продолжаешь делать то, что нужно. Я сама не на шутку боялась, но Фай боялась куда сильнее. И я лишь надеялась, что, когда мы справимся с главным, она не примёрзнет к месту от страха. Замороженные подруги нам не нужны. Ха-ха!

Спрятав мотоциклы, мы отправились к Карру. Я пыталась применить на практике то, чему научилась в компьютерных играх. Моей любимой игрой были «Катакомбы», и я обнаружила, что дойти до десятого уровня я могу, лишь сохраняя полное присутствие духа. Как только я начинала сердиться, переполнялась самоуверенностью или бросалась в авантюру — меня тут же устранили, даже самые простые и мелкие монстры. Чтобы набрать хороший счёт, я должна была оставаться сообразительной, быть настороже и действовать с оглядкой. Так что мы крались не спеша, минуя квартал за кварталом, осторожно выглядывая из-за каждого угла, когда подходили к нему. Только однажды я заговорила и сказала Фай: «Мы должны будем возвращаться с цистерной этой же дорогой». Она в ответ лишь кивнула. А моя сосредоточенность поколебалась один-единственный раз: я вдруг поймала себя на том, что гадаю, придётся ли мне ещё когда-нибудь играть в компьютерные игры.

Насколько мы могли видеть, на территории Карра всё было тихо. Со стороны главного въезда стояли большие сетчатые ворота, запертые на цепь и висячий замок, а вокруг всей территории шла высокая проволочная изгородь, но к этому мы приготовились — у нас были кусачки. Мы и болторез взяли, но он нам не помог бы: цепь оказалась слишком толстой. Значит, оставался план «Б» — пробить ворота цистерной.

Минут двадцать мы выжидали. Сели за деревом напротив базы, переводя дыхание, и Фай попыталась связаться с Гомером и Ли по нашей рации. Уже решив прекратить попытки и отправиться на базу, мы услышали в динамике хриплый шёпот Гомера:

— Да, Фай, мы тебя слышим. Конец сообщения.

Услышав его голос, мы ощутили немалое облегчение.

Глаза у Фай загорелись.

— Как там Ли?

— Отлично.

— Где вы? Конец сообщения.

— Мы там, где должны быть. А вы как? Всё.

— Да, мы так же. Сейчас попробуем туда проникнуть. Выглядит спокойно. Здесь много того, что нам нужно. Всё.

— Отлично. Сообщите, когда сделаете. Всё.

— Пока, — прошептала Фай. — Люблю тебя.

Последовала пауза, потом прозвучал ответ:

— Да, я тоже люблю тебя, Фай.

Для Гомера это настоящее событие — сказать кому-то такие слова, а уж то, что он их произнёс, зная, что его слышим я и Ли, было просто изумительно. Мы выключили рацию и осторожно двинулись к забору депо. Вдоль всей изгороди ради безопасности висели большие прожекторы, но, похоже, в этой части города электричество было отключено. Я надеялась, это означало, что и тревожная сигнализация тоже не работала. Глубоко вздохнув, я взялась за кусачки и разрежала первую проволоку. Ничто не зазвенело и не загудело, не вспыхнули огни, не завывли сирены. Я сделала второй надрез, продолжая терзать сетку, пока не образовалась дыра, в которую мог бы проскочить заяц.

— Нам никогда туда не пролезть, — пробормотала Фай.

Поскольку Фай размером примерно с зайца, а я — с шотландского пони, то нетрудно было сообразить, кого она подразумевала, говоря «нам».

— Но мы должны, — возразила я. — Мне не нравится здесь стоять. Уж слишком мы на виду. Давай попробуй.

Фай просунула в дыру одну ногу, потом грациозно извернулась и сунула туда вторую. Похоже, уроки балетных танцев всё-таки приносят пользу, с завистью подумала я. Было ясно, что дыру необходимо расширить, так что я снова взялась за кусачки, но всё равно, пролезая внутрь, порвала футболку и поцарапала ногу.

Мы бросились бегом через двор, туда, где стояли большие машины. Я подёргала дверцу-другую, но они оказались заперты. Тогда мы направились к конторке и заглянули в грязное окно. На противоположной стене висела доска со множеством ключей.

— Вот что нам нужно, — сказала я.

Обернувшись, я нашла камень, подобрала его и вернулась к окну.

— Погоди, — сказала Фай.

— Что такое?

— Можно я? Мне всегда ужасно хотелось разбить какое-нибудь окно.

— Тебе надо было присоединиться к компании Гомера, когда они играли в греческую рулетку, — ответила я, но протянула ей камень.

Фай хихикнула, замахнувшись, швырнула камень в стекло и тут же отскочила назад, когда на нас посыпались осколки. Нам понадобилось несколько минут, чтобы вытрясти их из одежды и волос. Потом я протянула руку и открыла дверь изнутри.

Все ключи были аккуратно помечены, на них висели ярлычки с регистрационными номерами грузовиков, так что мы, прихватив целую горсть ключей, вернулись во двор. Я выбрала самый старый, самый грязный полуприцеп, потому что новенькие машины ярко

блестели в лунном свете. Это был плосконосый «экко». Мы первым делом обошли машину и забрались по металлической лестнице наверх, чтобы проверить, полна ли цистерна. Оказалось, что на ней имеются четыре люка, расположенные на равном расстоянии друг от друга. Я открыла один из них и заглянула внутрь. Открывался он почти так же, как большие молочные бидоны, которыми мы до сих пор пользовались в нашей старой сыроварне. Правда, сама крышка оказалась довольно тяжёлой. Я попыталась рассмотреть, есть ли внутри бензин, но понять это было невозможно. Я порылась в памяти. Когда грузовик раз в месяц приезжает к нам, что делает шофёр?

— Придержи-ка это, — шепнула я Фай, показывая ей на крышку, а сама быстро спустилась вниз.

Я сразу нашла то, что искала, — измеритель уровня, он был закреплён на кронштейнах под цистерной. Я вытащила его и быстро поднялась обратно. Опустила измеритель в открытый люк. Было слишком темно, чтобы разобрать показания, но блеск влаги в лунном свете сказал нам, что топлива внутри достаточно.

Мы вернули крышку на место и проверили три другие секции. Две из них были полны до краёв, даже измерять не надо. Последняя оказалась почти пуста, но это уже не имело значения. Бензина всё равно было достаточно для того, чтобы устроить взрыв посильнее извержения вулкана Кракатау. Мы снова закрыли люки и спустились на землю.

Я отперла водительскую дверцу и, забравшись внутрь, открыла дверцу для Фай, а потом принялась изучать систему управления. Всё выглядело нормально, но, когда я включила зажигание, мгновенно начались непрерывные гудки и замигала красная тревожная лампочка на тормозной панели. Я ждала, что она вот-вот погаснет, но этого не случилось.

— Что-то не так с тормозами, — сказала я Фай. — Лучше попробовать другую машину.

Мы потратили ещё десять минут, блуждая между грузовиками, испытывая их один за другим, но результат был один и тот же. Я начала уже сожалеть о времени, которое мы потратили на отдых. Мы могли ведь и опоздать к мосту.

— Нехорошо, — сказала я наконец. — Нам придётся просто взять тот первый грузовик и рискнуть отправиться без тормозов. Буду пользоваться сцеплением и скоростями, насколько смогу.

Мы снова забрались в «экко» и запустили мотор, который откликнулся гулом и дрожью. К моему изумлению, гудки и мигание лампочки через несколько секунд прекратились.

— Пневматический тормоз, — вспомнила я, сердясь на себя за то, что не подумала об этом раньше. — Он реагирует на давление или ещё что-то. Я раньше никогда не водила машин с пневматическими тормозами.

Мне не сразу удалось найти первую скорость, пришлось несколько раз дёргать рычаг, прежде чем я разобралась. Я уже отчаянно вспотела, а Фай дрожала. В ночной тишине казалось, что мотор работает невероятно громко. Наконец я выжала сцепление. Двигатель рыкнул, прицеп сдвинулся с места и пополз вперёд. Мы благополучно выехали на открытую площадку, не задев других машин, потому что места для разворота хватало. Потом я направила машину на ворота.

Было по-настоящему страшно гнать тяжёлый грузовик напрямик на преграду. В последний момент у меня сдали нервы и я сбросила скорость, так что о ворота тупая морда машины ударилась слишком мягко, чтобы причинить какие-то повреждения. Я разозлилась на себя. Из-за своей вечной самоуверенности я беспокоилась о нервах Фай, но мне бы лучше

о собственных подумать. Я выругалась, чуть не сломала переключатель скоростей, ища задний ход, нашла его и тут же была ошарашена громким сигналом предупреждения, который загудел где-то в задней части машины. Похоже, этот чёртов грузовик рад был погудеть по любому поводу. Из-за нетерпения я рванула назад слишком быстро. Прицеп крутанулся и ударился о какой-то столбик, едва не развернувшись под прямым углом к кабине. Фай побелела и вцепилась в спинку сиденья.

— Элли! — воскликнула она. — Там же бензин в цистерне, не вода!

— Знаю! — огрызнулась я. — Извини.

На этот раз я уже решительно и прямо рванулась к воротам. Одно мгновение они сопротивлялись, но потом распахнулись, едва не сорвавшись с петель. Я усмехнулась, покосившись на Фай, и повернула на улицу, ничего не задев. Прицеп с цистерной послушно следовал за кабиной. Чтобы убавить шум, я включила нейтралку и, подъехав к группе деревьев, остановилась под ними. Фай уже пыталась связаться с парнями по рации, но работающий мотор слишком мешал.

— Я отойду к углу и там попробую, — сказала Фай. — Может, удастся связаться.

— Ладно, — кивнула я.

Фай выскользнула из кабины и отошла в сторону. Я наблюдала за ней сквозь ветровое стекло. Я всегда восхищалась Фай, но теперь меня приводила в восторг её храбрость, а не грация и красота. Выглядела Фай так, словно её могло унести даже лёгким ветерком, но она спокойно шла по пустынной улице города, оказавшегося в военной зоне. Немногие люди способны на подобное, а ещё меньше таких нашлось бы среди тех, кто, как Фай, всегда жил особой жизнью, под постоянной защитой. Я смотрела, как она подошла к углу, внимательно посмотрела во все стороны, показала мне большой палец, а потом начала говорить по рации. Через несколько минут она махнула мне рукой, предлагая тронуться с места. Я осторожно повела грузовик вперёд, чтобы подхватить Фай.

— Ну что, поговорили?

— Да. У них всё в порядке. Парочка патрулей там прошла, но колонн не было. Ох, Элли... — внезапно выдохнула Фай, поворачиваясь ко мне. — Ты действительно думаешь, что мы можем это сделать?

Я постаралась усмехнуться как можно увереннее:

— Не знаю, Фай. Но думаю, что сможем. Надеюсь, что сможем.

Она кивнула и снова стала смотреть вперёд. Мы доехали до следующего угла.

— Я отсюда пойду пешком, — сказала Фай, — и буду подавать тебе знаки от каждого угла. А тебе, наверное, лучше каждый раз выключать мотор, как ты думаешь? Очень уж он шумный.

— Ладно.

Мы миновали таким образом два квартала, но у следующего угла я увидела, как Фай, едва выглянув на соседнюю улицу, тут же отпрянула назад, а потом помчалась ко мне. Я выскочила из кабины и побежала ей навстречу. Фай произнесла лишь одно слово:

— Патруль...

И мы вместе бросились через невысокую живую изгородь в чей-то палисадник. Прямо перед нами стоял огромный старый эвкалипт. Я так перепугалась, что ничего другого и не видела, мои глаза сосредоточились на дереве, и ничто другое в тот момент для меня не существовало. Я взлетела по его стволу, как какой-нибудь опоссум, царапая ладони и не замечая боли. Фай карабкалась следом за мной. Я забралась, наверное, метра на три вверх,

когда услышала голоса от угла, и это меня остановило, заставив двигаться тише, осторожнее. Я продвинулась по толстой ветке вперёд, чтобы посмотреть вниз. Не знаю, было ли ошибкой забираться на дерево или нет. Я вспомнила, как однажды папа, заделывая уродливую дыру в карнизе, прогрызенную опоссумами, говорил: «Человек редко смотрит выше своей головы».

В это мгновение я очень надеялась, что он был прав. Проблема состояла в том, что, если бы нас заметили, мы бы оказались не как опоссумы на дереве, а как крысы в ловушке. Бежать-то нам было некуда.

Мы ждали, наблюдая. Голоса звучали отдалённо ещё какое-то время, потом они стали громче, патруль повернул в нашу сторону. Меня охватило отчаяние, разочарование. Это ведь означало конец нашего Великого плана. И это могло означать и наш собственный конец тоже, потому что, как только патруль заметит цистерну, они сразу же начнут обыскивать всё вокруг и найдут нас. Удивляло лишь то, что они до сих пор не заметили машину. Солдаты перестали болтать, но я слышала скрип их ботинок по гравию. Мысли в моей голове неслись как сумасшедшие — их было слишком много, они мелькали слишком стремительно. Я попыталась задержать хотя бы одну, проверить, не найдётся ли в ней какой-то пользы, учитывая наше положение, но паника была слишком сильна, я не могла сосредоточиться ни на чём, кроме дерева. Потом, постепенно, я ощутила боль в левой ноге и поняла, что за неё ухватилась Фай, как будто я была веткой. Фай впиалась в меня ногтями с такой силой, что я не сомневалась: у меня останутся синяки.

Теперь я видела сквозь листву какое-то движение, а ещё через пару мгновений появились солдаты. Их было пятеро, трое мужчин и две женщины. Один мужчина был довольно старым, лет сорока, наверное, но двое других выглядели лет на шестнадцать. А женщинам было, пожалуй, около двадцати. Они брели лениво, двое по тротуару, трое по мостовой. Разговаривать они перестали и просто смотрели по сторонам или в землю. Вид у них был не слишком воинственный. Я решила, что это, скорее всего, новобранцы. Цистерна стояла у тротуара метрах в пятидесяти от них. Я просто поверить не могла, что они до сих пор её не замечают, и уже приготовилась к тому, что вот-вот кто-то из них закричит, поднимая тревогу. Пальцы Фай словно месили мою ногу, ещё немного, и кусок моей ноги, начиная от лодыжки, должен был свалиться на землю. Интересно, подумала я, как бы отреагировали солдаты, если бы слышали, как она хлопнулась в траву.. — и чуть не начала истерически хихикать. А патруль всё брёл вперёд.

Да, они брели и брели, прошли мимо грузовика, как будто его тут и не было. И только когда они удалились метров на сто, мы с Фай свалились с дерева и, глядя в тёмные удалявшиеся спины, позволили себе поверить, что нам ничто не грозит. Потом мы с удивлением и облегчением переглянулись. Я была так счастлива, что даже не стала упоминать о синяках на своей ноге. Только покачала головой.

— Наверное, они подумали, что это пустая машина, давно тут стоит, — предположила я.

— Может быть... если они, например, не ходили по этой улице раньше, — ответила Фай. — Позвоню-ка я Гомеру.

Она так и сделала, включила рацию и заговорила быстро и тихо:

— Мы немного задержались. Элли вдруг захотелось залезть на дерево. Но минут через пять тронемся с места. Мы в трёх кварталах от вас. Всё.

Из рации донеслось некое ворчание, но это не были просто шумы, а потом Фай её выключила.

Мы выждали ещё минут десять, для уверенности, потом я повернула ключ зажигания и тут же услышала пронзительный писк тормозной системы, но мотор уже заработал. Мы проехали ещё два квартала. Когда Фай подавала мне знак от последнего поворота, я выключила мотор и попробовала бесшумно съехать по склону.

Это было большой ошибкой. Сигнал тормозов снова запищал и замигал красной лампочкой, и я поняла, что у меня не остаётся никаких тормозов. Через мгновение рулевое колесо дёрнулось и застыло, и я уже не могла его повернуть. Я и так и эдак пыталась исправить ситуацию, но ничего не получалось. Грузовик начал забирать всё сильнее влево, направляясь к живым изгородям. Я вспомнила предостережение Фай: «Там бензин в цистерне, не вода!» — и мне стало совсем плохо. Я вцепилась в ключ зажигания, повернула его — но ничего не произошло, повернула его ещё раз и наконец, когда изгородь была уже в нескольких метрах от меня, услышала прекрасный звук заработавшего мотора. Я повернула руль.

— Не так резко, ты, чучело! — Это был мой собственный голос.

Прицеп что-то задел, то ли кусты, то ли невысокие деревья, едва не смел Фай, потом наконец резко остановился в каком-нибудь метре от угла. Я выключила зажигание, потом потянула ручной тормоз, гадая, что могло бы произойти, если бы я проделала такое раньше. Потом откинулась на спинку сиденья, тяжело дыша, хватая воздух открытым ртом.

Фай забралась в кабину.

— Боже, что случилось? — спросила она.

Я встряхнула головой:

— Думаю, я не сдала экзамен по вождению.

Предполагалось, что мы должны будем остановиться дальше, за какими-нибудь деревьями у площадки для пикников. Но теперь я не знала, стоит ли это делать, ведь запускать снова мотор означало поднять шум, и, может быть, лучше остаться там, где мы были, в стороне от открытой части улицы. Наконец мы решили ехать. Фай проскользнула вперёд, на такое место, откуда ей был виден мост, и наблюдала, выжидая, пока все охранники не уйдут на дальний его конец. Прошло минут двадцать, пока это случилось. Тогда она подала мне сигнал, и я повела тяжёлую машину в густую тень деревьев.

Мы снова связались по радиации с ребятами и занялись приготовлениями. Мы опять забрались по лесенке на цистерну и открыли крышки всех четырёх секций. Потом опустили внутрь верёвку, так что она вся погрузилась в бензин, кроме одного конца, который мы надёжно привязали к ручке рядом с крышкой. И спустились вниз.

Теперь нам оставалось только ждать.

Ох, как же мы ждали! Какое-то время мы тихонько переговаривались. Ради безопасности мы были достаточно далеко от цистерны, сели под деревьями и смотрели через газовые плиты для барбекю. Вокруг было очень тихо. Говорили мы в основном о мальчиках. Мне хотелось как можно больше услышать о Гомере и уж точно хотелось самой поговорить о Ли.

Фай уже абсолютно увлеклась Гомером. Меня это изумило. Если бы кто-нибудь сказал мне год назад, да даже и месяц назад, что подобное может произойти, я бы попросила у такого человека справку от врача. Такого болтуна следовало бы надолго уложить в больничку. Но вот рядом со мной сидела Фай, элегантная, как в журнале «Вог», в фирменной одежде, Фай, живущая в большом доме на холме, влюблённая в прирождённого грубияна и хулигана, короля граффити Гомера. На первый взгляд такое казалось невозможным. Вот разве что теперь перестало быть тайной, что в них обоих скрывалось нечто, чего я никогда не осознавала. Да, Фай выглядела хрупкой и застенчивой и даже подчёркивала эти свои качества, но в ней жила решительность, которой я прежде не замечала. В ней таился пылкий дух, невидимый огонь. А Гомер... ну, Гомер всю жизнь меня удивлял. Он в последние дни даже как будто стал лучше выглядеть, может, потому, что причесал волосы, и ходил более уверенно, и держался по-другому. Оказалось, он обладает таким воображением и такими чувствами, что и поверить невозможно. И если мы когда-нибудь вернёмся в школу, я выставлю его кандидатуру на место школьного капитана.

— В нём как будто два человека, — заметила Фай. — Со мной он застенчив, но в коллективе уверен в себе. Но в понедельник Гомер поцеловал меня, и я подумала, что чуточку растопила лёд. Мне-то уже казалось, что он никогда этого не сделает.

И я тоже, подумала я. Меня смущало то, с какой скоростью мы с Ли двинулись вперёд после первого поцелуя.

— Знаешь, — продолжила Фай, — он мне сказал, что влюбился в меня ещё в две тысячи восьмом году. А я и не замечала. Может, это и к лучшему, не знаю. Я ведь его считала таким гадом! А все те мальчишки, с которыми он водил тогда дружбу!

— Он и теперь водит, — вставила я. — Ну, то есть водил, пока всё это не началось.

— Да, — кивнула Фай, — но не думаю, что он и потом этого захочет. Гомер очень сильно изменился, тебе не кажется?

— Конечно!

— Мне хочется узнать побольше о фермерском деле, — продолжила Фай, — чтобы потом, когда мы поженимся, я могла бы ему помогать.

Ох, ничего себе, подумала я, вот это поворот! Впрочем, нельзя сказать, чтобы я и сама не фантазировала о том, как мы с Ли путешествуем по миру в качестве идеальной семейной пары.

Но тут, пока я слушала Фай, меня вдруг осенило: настоящей причиной того, что меня в последнее время тянуло к Гомеру, к его силе и неожиданным поступкам, были ревность и зависть, — ведь я его теряла. Он был мне как брат. Поскольку у меня не было родных братьев, а у него сестёр, мы как бы сами породнились. Мы вместе выросли. Я могла рассказать Гомеру такое, чем ни с кем другим не стала бы делиться. Случались моменты,

когда Гомер вёл себя совсем уж глупо, и тогда он мог прислушаться только ко мне. И мне не хотелось терять эти отношения, в особенности теперь, когда мы то ли временно, то ли навсегда лишились всех других отношений в нашей жизни. Мои родители находились где-то далеко, и чем дальше были они, тем ближе мне хотелось быть к Гомеру. Обнаружив в себе такие чувства, я была просто потрясена, как будто внутри меня пряталась какая-то другая Элли, а я этого и не знала. Я гадала, какие ещё сюрпризы может приготовить для меня эта тайная Элли, и наконец решила, что впредь должна получше за ней присматривать.

Потом Фай спросила меня насчёт Ли, и я ответила коротко:

— Я люблю его.

Фай ничего не сказала на это, а я как-то неожиданно для себя продолжила:

— Ли так сильно отличается от всех, кого я знаю. Он иногда как явление из сна. Он гораздо более зрелый, чем большинство мальчиков в школе. Не понимаю, как он вообще их терпит. Наверное, именно поэтому Ли обычно держится особняком. Но у меня такое ощущение, что он должен совершить в жизни нечто особенное, — не знаю, что именно, может, прославится или станет премьер-министром. Трудно представить, будто он мог бы всю жизнь прожить в Виррави. Думаю, ему доступно многое.

— Тот день, когда его ранило, был совершенно невероятным, — сказала Фай. — Ли держался так спокойно... Если бы такое случилось со мной, я была бы в ужасе, в панике. Но знаешь, Элли, я никогда не представляла, что ты и Ли станете парой. Это удивительно. Но вы подходите друг другу.

— А как насчёт вас с Гомером?

Мы засмеялись и сосредоточились на мосте. Время ползло медленно. Фай даже задремала минут на двадцать. Я просто поверить не могла, а когда я ей сказала об этом, Фай тут же принялась всё отрицать и твердила, что она и глаз не смыкала. А я ощущала всё большее напряжение, по мере того как шло время. Мне просто хотелось наконец покончить с этим, с безумным риском, в который мы сами себя уговорили ввязаться.

Проблема состояла в том, что на дороге так и не появилось ни одной колонны машин. Гомер и Ли хотели всё повернуть именно при проходе колонны, чтобы заодно и часть машин остановить. Но было уже около четырёх утра, а дорога оставалась пустой.

Потом вдруг на мосту началась какая-то активность. Охрана до этого стояла на нём со стороны залива Кобблер, но даже издали я увидела, как солдаты вдруг насторожились и забеспокоились. Они собрались в середине моста и замерли, глядя на дорогу в противоположном от нас направлении. Я подтолкнула Фай.

— Что-то приближается, — сказала я. — Может быть, колонна.

Мы встали и начали изо всех сил всматриваться в тёмное шоссе. Но о том, что именно происходит, сказало нам поведение солдат. Они начали пятиться назад, потом их небольшой отряд разделился на две группы, они отошли к сторонам моста. Один из них на мгновение растерялся, побежал было к дороге на Виррави, потом передумал и тоже бросился в сторону.

— Это коровы, — решила я. — Должно быть, они.

Мы рванулись к цистерне, бросив бесполезно молчавшую рацию. Не было времени гадать, идёт сейчас по улице патруль или нет. Мы прыгнули в кабину, я завела мотор. Я смотрела вперёд, но, хотя скорость сейчас имела для нас решающее значение, я невольно задержалась на секунду, чтобы посмотреть на прекрасное зрелище, возникшее на мосту. Сотня или больше голов отличной говядины, премированных герефордских коров, великолепных, огромных существ с красной шкурой, неслись по старому деревянному

сооружению, как могучий мясной поезд, над которым клубился пар. Даже с такого расстояния я слышала грохот копыт по брёвнам. Да, животные рвались вперёд, точно перепуганные локомотивы.

— Вау! — выдохнула я.

— Скорей! — завизжала Фай.

Я выжала акселератор, и цистерна поползла вперёд. Нам нужно было проехать ещё около пятисот метров, а во мне уже так бушевал адреналин, что было плевать на опасность, на пули, вообще на всё.

— Скорей! — снова закричала Фай.

Когда мы заехали под мост, я повернула цистерну влево, насколько смогла, чтобы она пристроилась под самой низкой частью длинного сооружения. Фокус был в том, чтобы проделать это, не снеся одну из опор и не выбив при этом искру, которая могла покончить со мной и с Фай быстро и ужасно. Но мы справились с этим, и вот уже между верхом цистерны и мостом осталось меньше двух метров пространства. И только теперь я впервые подумала о том, что цистерна могла ведь вообще не уместиться под мостом, но теперь поздно было над этим размышлять. Нам повезло. Фай не могла открыть дверцу со своей стороны, потому что та оказалась слишком близко к опоре моста, и поэтому она полезла наружу через моё сиденье. Я то ли выпрыгнула, то ли вывалилась из кабины. Над моей головой мост дрожал и громыхал, первые животные уже добежали до нашей стороны. Я собиралась подняться по лесенке на верх цистерны, когда Фай, выскочив наконец наружу, помчалась к мотоциклам, даже не оглянувшись на меня.

Именно эта пробежка, которую и мне предстояло совершить через несколько мгновений, представляла собой самый рискованный момент. Нужно было пробежать около двухсот метров по совершенно открытому пространству — к тому месту, где мы спрятали в кустах мотоциклы. Там не было никакого прикрытия, никакой защиты от злобных пуль, которые могли полететь нам вслед. Я встряхнула головой, чтобы отогнать пугающие мысли, и, согнувшись, полезла на цистерну. Добравшись до верёвки, я подняла голову. Фай уже исчезла, и я лишь надеялась, что она добралась до зарослей без приключений. Я начала вытаскивать наружу верёвку, пропитанную бензином, и сбрасывала её на землю. Бензиновые испарения были настолько сильны, что заполнили всё небольшое пространство под мостом. Я словно опьянела от них, у меня даже на мгновение заболела голова. И тут поняла, что мы должны были подумать ещё кое о чём: о том, как закрепить верёвку, чтобы она осталась в цистерне и не свалилась вниз, когда я потащу другой её конец.

Но теперь было слишком поздно. Я могла сделать только одно: как можно плотнее прижать верёвку крышкой люка и надеяться, что она удержится.

Я спустилась по лесенке. Казалось, мне понадобилась целая вечность для того, чтобы вытащить верёвку из цистерны. И всё это время я не обращала внимания на грохот над головой, но теперь заметила, что он начал стихать. Я различала лишь удары отдельных копыт. Я мгновенно облилась потом с головы до ног, но всё же нашла свободный конец верёвки, схватила его и побежала. Я вся была в бензине, я дышала бензином и чувствовала себя очень странно, как будто парила над травой. Но это не было приятным парением, скорее от него меня начинало тошнить.

Я была уже в сотне метров от кустов, когда одновременно услышала два звука: один был приятным, второй — нет. Приятным звуком было урчание моторов мотоциклов. А неприятным — громкий крик на мосту.

Это звуки, которых не может издать горло, они не имеют отношения к английскому языку, но ошибиться в их значении притом невозможно. Когда я была маленькой, у нас был пёс по кличке Руфус, помесь колли и спрингер-спаниеля, — прирождённый охотник на кроликов. Я частенько брала его с собой на дневную прогулку, чтобы посмотреть, как он несётся за кроликом. В разгар погони Руфус по-особенному взвизгивал, таких звуков он не издавал ни в какое другое время. И где бы я ни была, чем бы ни занималась, услышав такой визг, знала: Руфус гонится за добычей.

И точно так же крик на мосту, хотя и прозвучал на чужом языке, был абсолютно понятен. Он означал: «Тревога! Все сюда!» И пусть мне оставалось пробежать всего сотню метров, мне это расстояние представилось вдруг бесконечным. Мне казалось, я никогда не доберусь до своей цели, что мне никогда не пересечь такое огромное пространство и я буду бежать туда всю оставшуюся жизнь, но так и не окажусь там. Это был ужасный момент, я оказалась рядом со смертью. Меня охватило странное ощущение — будто я уже вступила на территорию смерти, хотя пуля в меня пока не попала. Не знаю даже, стрелял ли кто-нибудь. Но если бы пуля и угодила в меня, вряд ли я бы её ощутила. Боль могут чувствовать только живые люди, а я плыла над миром живых.

Потом появилась Фай и закричала:

— Ох, Элли, скорее, пожалуйста!

Она стояла в кустах, но как будто прямо передо мной, и лицо её казалось огромным. Думаю, до меня дошло именно слово «пожалуйста»: оно заставило меня почувствовать, что я нужна подруге, что я важна для неё. Наша дружба, любовь, назовите как хотите, проскочила над голой землёй и взбудрила меня. Я наконец осознала, что в воздухе свистят пули, что я топаю по земле, хватая ртом воздух, и у меня болит грудь. А потом вдруг я оказалась под защитой деревьев и неслась к мотоциклам, уронив конец верёвки и предоставив Фай заняться им. Мне ужасно хотелось обнять Фай, но при этом хватило ума понять, что я пропитана бензином и это стало бы для подруги смертным приговором.

Я схватила тот мотоцикл, что стоял подальше, и развернулась лицом к Фай. И как раз тут послышалось шипение и по траве побежала полоска огня. Фай уже неслась ко мне. К моему изумлению, её лицо светилось, и дело было не в огне — оно светилось изнутри. Фай пылала воодушевлением. Я даже подумала, не прячется ли где-то в ней настоящий пироман. Она схватила свой мотоцикл, мы резко развернулись на задних колёсах, оставив безобразные ямы на ухоженной траве лужайки для пикника города Виррави. Фай ехала впереди, издавая дикие воинственные вопли. И — да, теперь я признаю, что это именно мы оставили колеи на седьмом поле для гольфа. Мне очень жаль. С нашей стороны это было слишком по-детски.

Когда мы встретились с Гомером и Ли в овраге за домом Флитов, то минут десять все говорили одновременно, пытаясь перекрычать друг друга. Это было облегчение, волнение, объяснения, извинения.

— Заткнитесь все! — рявкнул наконец Ли, используя тактику Гомера, и во внезапно наступившем молчании сказал: — Вот так-то лучше. Так, Фай, ты первая. Говори.

Мы с Фай рассказали свою историю, парни рассказали свою. Они, находясь в отдалении, на другой стороне реки, и чувствуя себя в безопасности, задержались, чтобы посмотреть на взрыв, а мы с Фай только слышали его.

— Ох, Элли! — сказал Гомер. — Это было самое грандиозное зрелище в моей жизни!

Я тут же испугалась, как бы нам всем не превратиться в пироманов.

— Да, — согласился Ли. — Взрыв был что надо.

— Расскажите всё по порядку, — попросила я. — И не спешите. У нас весь день впереди.

Утро уже наступило, и мы позавтракали консервами из кладовки Флитов. Мне достались жареные бобы и тунец. Чувствовала я себя весьма неплохо — до рассвета я успела искупаться в запруде, с радостью смыв со своей кожи остатки бензина. Мне так хотелось нежности, и я предвкушала, как буду сидеть рядом с Ли почти весь день. Но пока я с радостью легла на спину и закрыла глаза, чтобы выслушать сказку перед сном.

— Ну, — начал Гомер, — сначала всё шло отлично. Мы добрались до стада нормально, хотя тащить байки последние несколько километров было нелегко.

Гомеру ведь пришлось проделать этот маршрут дважды — сначала привести и спрятать свой мотоцикл, а потом вернуться за мотоциклом для Ли.

— И как вы знаете, — продолжил он, — план состоял в том, чтобы выгнать стадо на дорогу спокойно и тихо. А потом Ли должен был выскочить из укрытия у дороги и напугать коров фонарём, а я бы подстегнул их электрическим хлыстом.

— Хлыст мы смогли найти только один, — включился в рассказ Ли, — а аэрозоль посчитали слишком опасным, но зато нашлась фотовспышка на батарейках, и Гомер был уверен, что такой яркий внезапный свет подействует как надо.

— В общем, мы вооружились, — продолжил Гомер. — Всё собрали и залегли в загоне, любуясь на звёзды и мечтая об огромном свежем бифштексе на косточке. Поговорили немного с вами, как вы и сами знаете, а потом просто ждали, когда появится колонна машин. И тут возникли сразу две проблемы. Первая — колонны не появлялись. Может, это было бы и не так страшно, если бы мы могли связаться с вами и сказать, что всё равно будем продолжать. Хотя, конечно, это могло стать очень опасным, если бы колонна внезапно появилась у нас за спиной. Но эта чёртова рация вдруг перестала работать! Чего только мы не перепробовали! В конце концов Ли даже разобрал её, но рация была не живее динозавров. Мы были почти в отчаянии. Мы же знали, что вы сидите где-то там, что вам грозит опасность, вы ждёте сигнала, а его не будет! Мы чуть в панику не ударились, по-моему. У нас было два варианта — всё-таки погнать стадо вперёд и надеяться, что вы успеете сообразить и всё сделать как надо, или просто бросить всё. Но бросить мы не могли, не сообщив вам. В общем, мы оказались в странном положении. В этом, кстати, и состояла

самая слабая часть нашего плана — мы слишком положились на рацию. И я усвоил урок: никогда не полагайся на технику. На самом деле вариант оставался один. Уже было поздно, мы не могли больше дожидаться колонны. Ли вышел на дорогу со вспышкой, а я пошёл выгонять коров.

— Как? — спросила Фай.

— А?

— Как выгонять? Как ты посреди ночи заставишь огромное стадо сделать то, что тебе нужно?

Я вспомнила, что Фай уже задавала этот вопрос прежде. Она всерьёз собиралась стать сельской жительницей.

— Ну... — со слегка глуповатым видом ответил Гомер. — Надо шипеть.

— Что?

— Шипеть. Старый трюк скотоводов. Меня ему старая мисс Бэмфорд научила. Коровам не нравится этот звук, так что надо к ним подойти и зашипеть, как змея.

Мне уже показалось, что Фай сейчас достанет блокнот и радостно запишет всё в него. А Гомер, выдав один из своих профессиональных секретов, продолжил:

— Нашим главным замыслом было выгнать стадо на дорогу и не давать с неё сойти, когда все солдаты соберутся на одном конце моста, но это было безнадёжно.

Коровы слишком растревожились, и мы испугались, что солдаты просто успеют сбежать. Так что взялись за хлыст и вспышку.

— Да, это было интересно, — задумчиво произнёс Ли. — Кроме разве что нескольких первых секунд, когда мне показалось, что коровы меня растопчут.

— Но солдаты стояли на нужной стороне моста, — сказала я. — В идеальном месте.

— Правда? Ну, тогда это наша главная удача во всей истории. Это уже было вне плана. Мы просто старались гнать коров вперёд, и они наконец нас здорово обогнали, а мы вернулись обратно и взяли мотоциклы. Остальное мы видели, когда остановились на берегу реки и стали смотреть. Должен вам сказать, хотелось бы мне иметь с собой не только вспышку, но и камеру. Просто невероятно, что там было! Последние коровы ещё топали по мосту, а солдаты висели на перилах снаружи. Но они всё равно стреляли в тебя, Элли, как будто открылся сезон охоты на уток! Элли, я до конца своих дней не смогу понять, как те пули не угодили в тебя. От них просто воздух почернел! Мы кричали: «Беги, Элли, беги!» А ты, что самое потрясающее, не отпускала верёвку! Нам была видна цистерна, устроившаяся под мостом, она так и ждала, когда её взорвут. Потом ты исчезла в кустарнике. По правде говоря, ты в него как будто вплыла, словно какой-нибудь ангел. Мне даже пришло в голову, что в тебя попали, ты умерла, а я вижу твой дух.

Я лишь засмеялась и ничего не ответила.

— А потом, — снова заговорил Гомер, — через какую-нибудь секунду, появилось пламя. Не думаю, что солдаты могли что-то сделать. Они просто стояли, показывая на него пальцами, и что-то кричали друг другу. Цистерну они видеть не могли, потому что она была глубоко под мостом. Но потом они вдруг решили, что им грозит опасность. Развернулись и помчались прочь с моста. И вовремя. Думаю, тебя это порадует, — добавил Гомер, глядя на меня. — Потому что едва ли кто-то из них пострадал.

Я благодарно кивнула ему. Это действительно имело для меня большое значение, но не абсолютное. Если я сознательно устроила такое дело, как взрыв моста, то тот факт, что по чистой случайности никто при этом не погиб, просто вызвал во мне некоторое облегчение.

Но когда я решила сесть за руль цистерны, то уже была готова жить с последствиями своего поступка, какими бы они ни были.

— В общем, прошло ещё около секунды, наверное, — продолжил Гомер. — А потом так рвануло! Говорю тебе, никогда в жизни не видел ничего похожего! Со стороны цистерны мост взлетел в воздух метров на пять. И несколько секунд висел в воздухе, а уж потом рухнул вниз. Но когда он упал, то огня стало совсем немного. А потом вдруг — второй взрыв, обломки полетели во все стороны! И появился огромный шар огня, а потом ещё два взрыва, а дальше уже ничего не было видно, кроме пламени. И горящие брёвна во все стороны разлетались. Казалось, не только мост горит, а и весь парк тоже. Как сказал Ли, это был всем взрывам взрыв.

— Ну, в Виррави давно уже хотели построить новый мост, — сказал Ли. — Похоже на то, что теперь этого не избежать.

История Гомера меня взволновала, хотя я была в ужасе от масштаба того, что мы сделали, на что мы оказались способны. Единственное, о чём Гомер не упомянул, так это то, как он плакал, когда нашёл нас обеих живыми и невредимыми. И я увидела в нём того нежного Гомера, каким он был в детстве, но который как будто потерялся, когда стал подростком... ну, так думали многие.

Мы перебрались в какое-то тенистое местечко среди камней. Первым на стражу встал Ли. Мне хотелось посидеть с ним, составить ему компанию, но внезапно на меня навалилась усталость, такая огромная, что у меня буквально подгибались ноги. Я заползла в прохладное пространство между двумя огромными камнями и, стащив для себя подушку, устроилась поудобнее. Я заснула так глубоко, что это скорее было похоже на кому. Ли потом говорил мне, что пытался меня разбудить, чтобы я его сменила, но не сумел, поэтому отстоял смену за меня. Я проспала до четырёх часов.

Было уже почти темно, когда мы наконец начали проявлять признаки жизни. Единственным, что заставляло нас двигаться, было желание вернуться в свой лагерь, увидеть остальных четверых. Мы решили, что вполне можно воспользоваться мотоциклами, — и разработали маршрут, который вёл снова к моему дому, где мы оставили «лендровер», а потом мы должны были двигаться короткими перебежками, чтобы избежать встречи со случайными патрулями.

Забавно, но, когда я вспоминаю эту поездку, я лишь удивляюсь, почему у меня не возникло никаких предчувствий. Наверное, мы все просто слишком устали, мы чувствовали, что самое худшее позади, ведь мы сделали своё дело и заслужили отдых. Вот и получается, что поневоле поверишь в непредсказуемость жизни.

В общем, около десяти вечера мы снялись с места. Мы были осторожны, передвигались медленно, держались как можно тише. Уже около полуночи мы выехали на подъездную дорогу нашего дома, миновали сам дом и направились напрямиком к гаражу. «Лендровер» был спрятан в кустах, но я хотела взять ещё кое-какие инструменты. Я выключила мотор и поставила мотоцикл на подпорку, а йотом повернула за угол, к большому сараю.

То, что я увидела, было похоже на одну из больших живых картин, что устраивают в церкви на Рождество, — ну, где Иосиф, Мария, пастухи и ещё кто-то замирают, как неживые. Картину возле нашего сарая освещал фонарь, в котором садились батарейки. Кевин сидел, прислонившись к старому прессу для овечьей шерсти. Рядом с ним сидела на корточках Робин, она положила руку на плечо Кевина. Крис стоял по другую его сторону, глядя вниз, на Корри. Корри лежала на коленях у Кевина. Глаза её были закрыты, голова

откинулась назад, а лицо было бледным, без единой кровинки. Я замерла на месте, а Кевин, Крис и Робин повернули голову в мою сторону, но Корри так и не открыла глаза. Я была не в силах шевельнуться. Я как будто тоже стала частью этой живой картины.

Потом Кевин сказал:

— Её подстрелили, Элли.

Его голос разрушил чары. Я бросилась вперёд и упала на колени рядом с Корри. Я слышала, как что-то воскликнул Гомер и что-то бормотали остальные, подходя к сараю, но я видела только Корри. Из её рта вытекла капелька крови, крошечная яркая капелька.

— Куда ей попали? — спросила я.

— В спину, — ответил Крис.

Он выглядел неестественно спокойным. Робин беззвучно рыдала, Кевин дрожал всем телом.

— И что мы будем делать? — спросила Фай, делая шаг вперёд.

Я подняла голову и посмотрела на неё. Её глаза стали такими огромными, что, казалось, заполнили всё лицо.

— Нам нужно отвезти её в город, — сказал Гомер. — Мы ведь знаем, госпиталь продолжает работать. Нам придётся доверить им уход за ней. Выбора нет.

Он был прав. Выбора не было.

— Пойду за «лендровером», — сказала я, вставая.

— Нет, — быстро возразил Гомер. — «Мерседес» ещё здесь. Он ближе, и он мягче идёт, для неё так лучше.

Я побежала за машиной. Задним ходом подвела её к сараю и выскочила, чтобы помочь уложить внутрь Корри. Но я им была не нужна — ребята очень осторожно и медленно уложили Корри на заднее сиденье. Потом мы забили промежуток между сиденьями мешочной тканью, чтобы некуда было падать, а вокруг Корри уложили подушки. Я с трудом сдерживала рыдания, наблюдая, как её устраивают и как её грудь медленно вздымается и опадает с каждым тяжёлым вздохом. Это ведь моя дорогая Корри, подруга моего детства. Если Гомер был мне братом, то Корри была сестрой. Лицо у неё выглядело таким спокойным, но я чувствовала, что внутри её истерзанного тела идёт ужасная борьба, борьба со смертью. Я выпрямилась и повернулась к остальным.

— Знаю, это прозвучит ужасно жестоко, — заговорил Гомер. — Но у нас только один способ это сделать. Мы должны доставить её к воротам госпиталя, оставить в машине, позвонить в колокольчик — и тут же бежать со всех ног оттуда. Мы должны рассуждать рационально. Семь человек лучше, чем шесть. И если мы потеряем не только Корри, но и ещё кого-то, это нас основательно ослабит. Не говоря уж о том, что тогда придётся отвечать на весьма неудобные вопросы.

Кевин встал.

— Нет, — сказал он. — Нет. Пленить мне на рациональность и логику. Корри моя подруга, и я не собираюсь бросать её там и бежать. Водить эту машину можем только я и Элли. Так что, если Элли не против, я хочу сам это сделать.

Я не произнесла ни звука и не шелохнулась. Просто не могла.

Кевин обошёл машину и сел на место водителя. Фай наклонилась к окну и поцеловала его. Он лишь на мгновение сжал её руку и тут же отпустил.

— Удачи, Кевин! — пожелал Ли.

— Да, — повторил Гомер, когда машина уже начала разворачиваться. — Удачи,

Кевин!

Крис похлопал по капоту автомобиля. Робин плакала так, что не могла говорить. Я побежала рядом с машиной, наклонившись к окну.

— Кевин! — крикнула я. — Передай Корри, что я её люблю!

— Непременно, — ответил он.

— И тебя, Кевин.

— Спасибо, Элли.

Машина выехала на открытое место. Кевин включил фары. Я видела, как он сосредоточился, объезжая ямы и бугры на подъездной дороге. Я знала, что Корри в надёжных руках, и понимала, почему Кевин включил все огни. И провожала машину взглядом, пока красные точки не исчезли вдали.

— Пошли домой, — скомандовал Гомер, — в Ад.

Трудно бывает понять, где начинается та или иная история. Кажется, я уже говорила об этом в самом начале. И трудно понять, где они заканчиваются. Наша история ещё не завершена. Мы прятались в Аду неделю с того момента, как Кевин увёз Корри. Всё это время я непрерывно писала, а остальные бродили по окрестностям, изучая их. Пока что к нам не добрались никакие солдаты, поэтому мы думаем — Кевин сумел одурочить их какой-то историей насчёт того, где они с Корри прятались. Следы того, что мы скрывались под Масонским залом, так там и остались, и Кевин вполне мог об этом вспомнить.

О других вариантах мы даже не говорили... Ну, например, что Кевин мог и не доехать до госпиталя. Мы, конечно, ничего не знали, но я молилась за ребят от всей души, раз по десять в день. И если хотя бы час о них не думала, то чувствовала себя виноватой.

Я рада, что добралась в своих записях до этого места. Предположим, мне придётся показать всё остальным прямо сейчас. Надеюсь, им понравится. Это важное дело — записывать, чтобы остаться в памяти. Я продолжаю думать о железном ящике Отшельника. Без тех бумаг мы ничего бы и не узнали, кроме слухов, а слухи мало что могли сообщить.

Не знаю, как долго нам придётся пробыть здесь. Может быть, так же долго, как Отшельнику. У нас есть куры, и мы посадили овощи, и мы всё ещё надеемся найти хорьков и сети. Именно за ними отправились той ночью Кевин и Корри, в дом дяди Кевина. Они даже не видели тех солдат, что выстрелили в них. Просто внезапно полетели пули, и Корри упала. Кевин подбежал к ней, поднял и нёс на руках до моего дома.

Преданность, храбрость, доброта. Интересно, их тоже придумали люди или они просто существуют в природе?

Я оглядываюсь вокруг. Гомер составляет списки и чертит планы. Бог знает что он там придумывает для нас. Робин читает Библию. Мне нравится Робин, и мне нравится то, насколько она сильна в своей вере. Крис тоже что-то пишет, может быть, стихи сочиняет. Я не поняла ни одного из тех стихотворений, что он показывал мне до сих пор, — не знаю, понимает ли их он сам, — но я каждый раз стараюсь сказать что-нибудь умное. Фай устанавливает столбики, чтобы расширить выгул для кур. Ли сидит рядом со мной, пытается соорудить ловушку для кроликов. Непохоже, чтобы в неё мог попасться кролик, у которого уровень интеллекта хотя бы десять единиц, но кто знает? В любом случае мне нравится, что Ли каждые несколько минут прерывает работу, чтобы погладить мою ногу тонкими тёмными пальцами.

Мы все очень привязались друг к другу. Да, иногда мы срывались, но мне бы не хотелось остаться здесь одной, как остался Отшельник. Тогда это действительно был бы настоящий ад. Люди творят друг с другом такое ужасное, что иногда мозг твердит мне, что они — настоящее зло. Но моё сердце этому не верит.

Я лишь надеюсь, что мы сумеем выжить.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Все описанные в этой книге места существуют на самом деле. Ад — это вполне точное описание известного Провала в Австралийских Альпах, недалеко от горы Ховитт в округе Виктория. Небольшие утёсы, похожие на ступени, спускаются в Провал, и их называют Лестницей Сатаны. Тейлор-Стич — это Кросскат-Со, длинная гряда скал, что тянется на многие мили от вершины Ховитт до горы Спекьюлейшн, мимо Большого холма и вершины Баггери. Это необычайно красивый маршрут для тех, кто путешествует по бушу, и отсюда открывается отличный вид на Провал.

Местные жители уверены, что на горе Ховитт, рядом с ней или в Провале, действительно многие годы жил некий отшельник. Многие видели его собственными глазами, особенно в конце семидесятых годов. В 1986 году путешественник Скотт Викарс-Уиллис нашёл прогулочную трость изумительной ручной работы, спрятанную в зарослях кустов на краю Провала. Я видела эту трость, она до сих пор у мистера Викарса-Уиллиса. Эта находка в столь отдалённой и дикой местности весьма поддержала историю об отшельнике.

Другие места, описанные в книге, находятся в каменистой горной местности, это частные владения рядом с Канкобаном, в штате Новый Южный Уэльс, а длинный деревянный мост перекинут через реку Маррамбиджи рядом с городом Гундагаи, также в штате Новый Южный Уэльс. А вообще места, подобные описанным, можно найти в любом из австралийских штатов.

ОБ АВТОРЕ

Джон Марсден — австралийский писатель, автор более 40 книг для подростков и молодёжи. Его творчество удостоено множества литературных премий, его книги переведены на многие языки мира. В 1996 году Джон Марсден был назван самым популярным писателем Австралии. Особую любовь читателей завоевала серия книг под общим названием «The Tomorrow» («Завтра»), о борьбе группы подростков с иноземными захватчиками. По первой книге серии режиссёр Стюарт Битти в 2010 году снял приключенческий фильм, получивший в российском кинопрокате название «**Вторжение. Битва за рай**».

notes

Артур Невилл Чемберлен (1869-1940) — английский государственный деятель, лидер Консервативной партии. — Здесь и далее примеч. ред.

Томас Вудро Вильсон (1856-1924) — 28-й президент США.

Дим-симс — блюдо китайской кухни, похожее на пельмени.

Седрах, Мисах и Авденаго — библейские персонажи, три отрока, за неповиновение вавилонскому царю Навуходоносору брошенные в огненную печь, но спасенные ангелом.

Мисс Хэвишем — персонаж романа Ч. Диккенса «Большие надежды».

Heron (*англ.*) — цапля.